

**Институт филологии и искусств
Казанского (Приволжского) федерального
университета**

Сервис виртуальных конференций RaX Grid

**В.В. Радлов
и духовная культура тюркских
народов**

Сборник трудов

I Международной Интернет-Конференции

Казань, 21 марта 2012г.

**Казань
2012**

УДК 81[0+2+11+13+34/35]+82[0/6+282]+7.033(082)

ББК 81.116

P156

P156 В.В. РАДЛОВ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ сборник трудов международной Интернет-конференции. Казань, 21 Марта 2012 г. /Отв. редактор Изотова Е.Д. - Институт филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета, Сервис виртуальных конференций Pax Grid.- Казань: Изд-во "Альянс", 2012. - 239с.

ISBN

Сборник составлен по материалам, представленным участниками международной Интернет-конференции "В.В. Радлов и духовная культура тюркских народов". Конференция прошла 21 марта 2012 года. Издание освещает исследования в области изучения языков, фольклора и этнографии тюркских народов. Книга рассчитана на научных работников, аспирантов, студентов, соответствующих специальностей.

Ответственный редактор: Изотова Е.Д.

Материалы представлены в авторской редакции

© Институт филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета

© Система виртуальных конференций Pax Grid, 2012

© Авторы, указанные в содержании, 2012

Председатель

- Замалетдинов Р.Р. - директор Института филологии и искусств КФУ

Сопредседатель

- Насилов Д.М. - профессор Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете

Заместители председателя:

- Ярмакеев И.Э. - заместитель директора по научной деятельности Института филологии и искусств
- Нуриева Ф.Ш. - зав. кафедрой истории татарского языка и тюркского языкознания

Программный комитет

- Мирзагитов Р.Х. - заместитель директора по образовательной деятельности
- Камалов Р.Б. - заместитель директора по воспитательной и социальной работе
- Назмиев С.Ф. - заместитель начальника отдела по социально-воспитательной работе
- Оглезнева Н.В. - руководитель центра сопровождения образовательно-воспитательной деятельности
- Сайфулина Ф.С. - зав. отделением татарской филологии Института филологии и искусств
- Гумеров И.Г. - заместитель заведующего отделения татарской филологии по научной работе
- Хуснутдинов Д.Х. - заместитель заведующего отделения татарской филологии по социальной и воспитательной работе
- Юсупов Ф.Ю. - профессор кафедры истории татарского языка и тюркского языкознания
- Кузьмина Х.Х. - доцент кафедры истории татарского языка и тюркского языкознания
- Завгарова Ф.Х. - доцент кафедры татарской литературы XX-XXI вв. и методики преподавания
- Закирова Л.Н. - ассистент кафедры истории татарского языка и тюркского языкознания

КАЗАХСКАЯ ТЕМАТИКА В РАБОТЕ В.В. РАДЛОВА

Айгерим Альжанова

факультета журналистики КазНУ им. аль-Фараби

aljanova.aigerim@gmail.com

В.В. Радлов внес значительный вклад в становление и развитие культурных и литературных связей между Россией и Казахстаном. В созданных им научных трудах и документально-художественных произведениях, особенно в путевых очерках, дневниковых записях и воспоминаниях сохранены на века не только лучшие образцы устного творчества казахов, но и правдивые картины их жизни и быта, запечатленные без ложной романтики и без грима экзотики. Неоценимое значение имели здесь личные впечатления, наблюдения, выводы. Познавательный материал этих произведений используется сегодня не только при изучении проблем русско-казахских литературных отношений, но и историками, этнографами и другими специалистами. Объединяющим началом, философской основой документально-художественной литературы о казахах являлась идея цивилизации и просвещения их.

Известный русский ученый-востоковед, этнограф и лингвист В.В. Радлов на протяжении весьма длительного времени разрабатывал казахстанскую тематику в самых разнообразных аспектах. В его произведениях отображались обширные интересные сведения о казахской поэзии, песнях и музыке, излагались сюжеты известных в степи поэтических сказаний о народных героях, об известной борьбе человека за счастье, о единоборстве добра и зла. Первые сведения автора о жизни и быте казахов появились в «Письмах» В.В. Радлова, опубликованных в 1868 году.

В 1870 году Радлов написал «Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1859 года», в котором содержатся различный этнографический материал о казахах и киргизах. К 1888-1889 годам увидел свет его труд «Опыт словаря тюркских наречий». В 1865 по 1907 издавались многотомные труды Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». Третий том этого исследования под названием «Киргизские наречия», вышедший в Санкт-Петербурге в 1870

году был посвящен фольклору казахского народа.

Радлов отметил, что казахский народный эпос является продуктом определенной эпохи, определенной ступени развития культуры человеческого общества. Ученый подчеркивал, что «эпос есть и поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа, которые состоят из отдельных характеристических черт».

Характеризуя казахскую литературу того времени, Радлов указывает, что произведения ее разделяются «на два отдела»: народные изречения (кара соз) и книжные песни. Под первым подразумеваются песни и рассказы, передаваемых устно простым народом. Эти произведения, по мнению ученого, представляют продукт творчества той части казахского народа, которая еще не подверглась влиянию мусульманской «цивилизации».

Книжные песни возникли благодаря деятельности представителей мусульманского духовенства - мулл, которые пишут по-татарски, и поэтому казахский «письменный язык представляет пеструю смесь обоих языков».

Таким образом, в 60-х годах XIX века наряду с устным творчеством у казахов существовала и письменная литература, основное место в которой занимали произведения на религиозные темы. «Книжные песни» были призваны распространять учение ислама. А устные народные песни и изречения выражали дух народа и были его бесценным культурным достоянием.

Эпос «Ер-Таргын» был записан также Радловым в степях Семипалатинской губернии со слов казаха и в 1870 году опубликован на казахском языке с использованием русского алфавита в 3-й части многотомного исследования.

Анализируя достоинства героического эпоса казахов на примере «Ер-Таргына», В.В. Радлов писал: «Для богатырских песен казахов характерен лирический оттенок» [1, с. 21]. Радлов не только сравнивал лирическую поэзию казахов с эпической поэзией киргизов, но проводил аналогию с эпосом греков и финнов.

Ко всем народностям, с которыми В.В. Радлов встречался во время путешествия, он всегда относился дружелюбно и с уважением к их быту и культуре.

Второй период XIX века ознаменовался появлением уже значительного числа разнообразных в жанровом отношении художественных и художественно-документальных произведений русских авторов на казахскую тему. При анализе этих произведений нами ни в коей мере не уравниваются место и значение в процессе взаимосвязи таких

выдающихся русских публицистов, как В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, М.И. Венюков, Н.М. Ядринцев и другие, в чьем творчестве нашли отражение казахские темы и мотивы и кто повлиял на развитие реализма и просветительского направления в казахской литературе.

Многие русские поэты и писатели, путешественники, ученые неизменно обращали внимание на богатство устной поэзии, песенного творчества казахов. Одни из них оставили письменные свидетельства восхищения поэтическим и музыкальным творчеством народа, другие ограничились лишь констатацией фактов, но и те, и другие единодушно признавали необычную природную поэтичность и музыкальность казахов.

Поэтому неудивительно, что в русской литературе и журналистике XIX века уделялось значительное внимание устной поэзии казахов, появился целый ряд статей и серьезных исследований, посвященных обязанностям творчества казахского народа.

Во второй половине XIX века на страницах русской печати появляются многочисленные публикации образцов устного творчества казахов. При этом русские ученые и казахские переводники особое внимание уделяют таким произведениям, как поэма «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», «Ер-Таргын», «Ер-Саин», «Алпамыс», «Кобланды» и другие.

Эти произведения имели многовековую историю и относились к известным былинам казахского народа.

Изучение взаимосвязей русских и казахских литератур позволяет показать ведущую роль русской литературы в этом процессе. Тщательный анализ большого фактического материала русских ученых о казахской поэзии, накопленного за много десятилетий, позволяет выявить общие закономерности литературных связей России и Казахстана. В связи с этим по-новому оцениваются значение опыта исследований русских ученых о казахской поэзии в целом и роль такого выдающегося ученого, как В.В. Радлов в создании целой науки о поэтическом наследии казахского народа.

Литература

1. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. - СПб., 1870. - Ч. 3: Киргизское наречие. - С. 21.

**К ПРОБЛЕМЕ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ
ЭТНОЭЙДЕМОВ В ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (НА
МАТЕРИАЛЕ КНЯЖЕСКИХ УСТАВОВ XI-XVI ВВ.)**

Асадов З. В.

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Баку

zahir1975@rambler.ru

Как известно, лингвокультурологические расхождения в национальных картинах мира фиксируются на различных уровнях и описываются исследователями в различных терминах («безэквивалентная лексика» у Л.С.Бархударова, «лакуны» у Ю.Н.Караулова, «заусеницы» у Г.Д.Гачева и др.). Мы придерживаемся понятия «*этноэйдема*» – «сквозного образа национальных картин мира и традиций различных этнических общностей, отраженных в языковом материале» (9, 44). Этот термин представляется нам наиболее приемлемым, так как он дает возможность непротиворечиво и последовательно сопоставлять и исследовать языки и культуры с помощью одного инструмента. Такой способ осмысления национально-культурных особенностей различных лингвокультурных общностей, отраженных в памятниках письменности Древней Руси, может дать плодотворные результаты.

Рассмотрим такой пример. В Пространной редакции Устава князя Ярослава (из списка основного извода I пол. XVI в.) читаем: «*Аще кум с кумою блуд створить, митрополиту 12 гривен, а опитемии указание от бога*» (статья 13); «*уАще кто с сестрою блуд створить, митрополиту 40 гривен, а во опитемии указано по закону*» (статья 15); «*Аще ближнии род поимется, митрополиту 40 гривен, а их разлучити, а апитемию примуть*» (статья 16) и др. Подобных статей с различными денежными единицами штрафов мы находим в Краткой редакции (из Кормчей I чет. XVI в.), а также в других княжеских уставах*.

Возникает вопрос, почему и откуда древний русский народ, испокон веков знавший брачный обряд между родственниками (см. ниже), вводит в нормы семейного права подобные запреты? Ответ в общих чертах очевиден: явления аккультурации, в том числе влияние этнокультуры близких соседних народов, или влияние новой веры и новой идеологии.

Как известно, запрет на родственные брачные узы запрещался и в Древнем Риме. Однако, «уже с I века до н. э. был разрешён брак между

двоюродными братьями и сёстрами (выделено нами). Брак, заключённый между двоюродными братьями и сёстрами в 171 г. до н. э., описывает Тит Ливий. В III веке н. э. брак был разрешён также между дядей и племянницей» (7, 33). Как видим, подобный запрет не носил стабильный правовой характер. Как отмечает М.Сергеенко, «брак между братьями и сёстрами встречался в Древнем Риме и Римском Египте среди простого населения, что для римлян являлось нарушением закона, но местными обычаями разрешалось» (выделено нами - З.А.) (7, 58). Значит, римское законодательное право, в данном вопросе, по сути своей, не носило стабильный характер, и потому не могло повлиять на семейные нормы древнерусской юрисдикции. Кстати, запрет на инцест является неустойчивым также в Кодексе канонического права, олицетворяющий нормы семейного права для верующих Латинской Церкви. Здесь, с одной стороны, отмечается, что брак между всеми родственниками и по восходящей, и по нисходящей линии не допускается, а, с другой - по боковой линии после второго колена такого запрета нет (см.: 4, 416-417).

Тема брачных запретов имеет особое значение и у евреев. Но влияние еврейских семейных норм на юрисдикцию Древней Руси маловероятно. Так, С.М.Дубнов пишет: «Таннаи пытались расширить список этих запретов и выработать целую иерархию общественных групп, т.е. брачных каст. Однако подобные браки были запрещены только между некоторыми кастами (выделено нами - З.А.) с учетом понижения статуса потомства. Брачные запреты, в основном, были связаны с социально-правовым статусом жениха и невесты (выделено нами - З.А.). Формально эти касты были связаны с понятием религиозной чистоты, и в этом можно увидеть идеологию «сакрализации» жизни еврейского социума» (2, 183-184). С другой стороны, вряд возможно, что нормы семейного права еврейского народа могли повлиять на юрисдикцию Древней Руси, если учесть и географические, и политико-общественные факторы, мешающие подобному влиянию. Кроме того, судя по материалам «Повести временных лет» князь Владимир отверг предложение представителей иудаизма, посланных для распространения иудейских идей (об этом см. ниже).

Мы считаем, что на подобное изменение древнерусских норм права повлияло всё же древнетюркские адеты (традиционно установленные нормы поведения), с которыми Древняя Русь жила в соседстве многие века. Иначе говоря, статьи 12, 14-15, 19, 21-22 Краткой и 13, 15-16, 24, 28-29 Пространной редакций Устава князя Владимира, содержащие санкции за половые сношения в кругу кровных родственников восходят к древнетюркским адетам. Так, по древним тюркским обычаям, родство

между желающими вступить в брак исчислялось «дирсеками» (8, 28-30) (т.е. коленами; ср. выражения во многих тюркских языках «bir peşə köynək aralı», «bir peşə dirsək aralı» в значении «дальний родственник») – количеством родственников в генеалогической линии от жениха вверх к общему предку и далее вниз к невесте.

Интересно, что на Руси, по нормам Устава о брацах, сохранившегося в русских списках Кормчих XIII-XV вв. и в Мериле праведном (по списку XIV в.), как и по соответствующим византийским нормам, до конца XI в., хотя и нелегально, подобный брак был разрешен. Следовательно, принятие христианства в 988 г. по наставлению представителей Византийской церкви не могло повлиять на внедрение новых семейных норм (см.: 6, 143-144).

«Повесть временных лет» рассказывает, что в 986 году в Киев приехали представители трёх религий: христианства (Византия), иудаизма (Хазария), ислама (Волжская Булгария). «Ислам не подходил Владимиру, т.к. его не устраивало воздержание от вина, иудаизм – т.к. евреи, исповедавшие его, лишились своего государства и были рассеяны по всей земле... Владимир посылает своих послов посмотреть, как поклоняются богу в разных странах. И вернувшись, посланники называют лучшим греческую веру... С решением Владимира связана также его женитьба на византийской принцессе Анне... Однако христианство встретило большое сопротивление со стороны населения, а заставить язычников покориться помогало насилие и запугивание. Поэтому церковь была вынуждена «освятить» некоторые языческие праздники, в т. ч. и праздник Ивана Купалы, что снова «легализировало» инцест» (5, 124-125).

Известно, что брак брата с сестрой входил раньше в купальские обряды. В.В.Иванов и В.Н.Топоров отмечают, что «мотив брата и сестры и мотив брачных отношений между ними совмещаются в тех купальских текстах, где речь идёт о любви брата и сестры» (3, 225). Не случайно, что происхождение цветка «Иван-да-Марья» (ср.: Иван-Купала да Марья) некоторые исследователи также связывают с нарушением брачного запрета между братом и сестрой (3, 121). Подобные брачные отношения брата и сестры встречаются в купальских песнях XIX в. украинского и белорусского народов, которую поют в купальскую ночь: *Зацветем-ка мы, братец, / С тобою красочками: / Ты синим цветом, / А я жельтеньким, / Ты будешь Иваном, / А я Марьей!* (3, 225). Исследование украинских и белорусских песен, а также крестьянских обрядов В.В.Ивановым и В.Н.Топоровым показало, что «во всех этих текстах и других, им подобных, предполагается наличие запрета на брачные

отношения между братом и сестрой, и в то же время происходит невольное нарушение этого запрета (выделено нами - З.А.). По-видимому, это следует сравнить с рассказами о том, что в купальскую ночь, по преданию, снимались запреты на брачные отношения между всеми мужчинами и женщинами» (3, 226). Отметим, что, во-первых, якобы «невольного» нарушения запрета на инцест не было: нарушение запрета объясняется проявлением древнего обряда, которого помнит славянские народы и поныне. Во-вторых, в купальскую ночь действительно снимались все запреты на брачные сношения, не только физиологические, но и социальные (6, 131-133).

Указание на то, что эти нормы права являются инокультурными, говорит также тот факт, что внедрение подобных норм права в законодательство Древней Руси носило нестандартный, порой «загадочный» характер. Так, в статье 23 Краткой редакции Устава отмечается: «Аже два брата будут со одиюю женкою, епископу 100 гривен, а женка в дом». Данная статья предусматривает ситуацию, прямо противоположную той, которая отмечена в статье 20 той же редакции Устава: «Аще кто с двема сестрома падеться, епископу 30 гривен». Отметим, что 100-гривенный штраф, налагаемый на братьев, вступивших в связь с одной и той же женщиной, вероятно, должен был бы делиться между ними пополам. Но и в этом случае получается ведь большая сумма, чем в случае, предусмотренном в статье 20. Но показательно, что и в том, и в другом случае штраф налагается именно на мужчин. Женщина, вступившая в половые отношения с двумя братьями, заключалась в церковный дом; судьба же двух сестер, вступивших в близость с одним мужчиной, законодателем не раскрывается.

Эти нормы семейного права, возникшие в древности у древних кочевых тюркских народов, призваны были сохранить популяцию от вымирания, предохранив ее от суженного объема генетической информации, поступающей потомкам от близких родственников, и накопления у них отрицательных признаков. Примером служит явное проявление во многих местах запрета на инцест в более древнем памятнике тюркского народа, в «Китаби Деде Коркуд» (XI в.), который оценивается как разрушающая сила этноса (см.: 1, 122-135). Кстати, и сегодня у казахского народа существует особый принцип «*жеты ата*» // «*жетінші буынға дейін*» («семи колен») - институт родственных связей, который издревле знал казахский народ. Он основан на древнетюркском «адате» - брак между родственниками запрещался до седьмого колена. Поэтому каждый казах должен знать свою родословную хотя бы до

седьмого предка» (8, 18).

Как видно, различающиеся механизмы мышления в разных культурах естественным образом могут привести и к различию ценностей, которыми живут эти культуры. Как следствие, этноэидемы таких лингвокультур не только не могут совпадать, но и могут не пересекаться: наличие инокультурных элементов так или иначе дает о себе знать в культурном наследии любого народа, поэтому речь может идти только об аккультурации, о воспроизведении чужой культуры. Воспринимая «чужой» текст, реципиент старается интерпретировать его в образах и понятиях своей культуры, что и обуславливает степень понимания традиций инокультурного наследия: в родной культуре внутренне как бы таится чужая культура, «замаскировавшаяся» в родную. Следовательно, этноэидемы – это не просто лингвокультурный знак, а это особая, исторически складывающаяся этнокультура со специфическими текстуально-языковыми инструментариями, отражающая национальную картину мира.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Развития Науки при Президенте Азербайджанской Республики - Грант № EIF-2011-1(3)-82/81/5.

Литература

1. Абдулла К. Тайный «Деде Коркуд». Баку, 2006.
2. Дубнов С. М. Краткая история евреев. Ростов-на-Дону, 1997.
3. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
4. Кодекс канонического брака. М., 2007.
5. Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М., 2005.
6. Путилов Б.Н. Исторические корни и генезис славянских баллад об инцесте. М., 1964.
7. Сергеенко М. Жизнь Древнего Рима. СПб.: Летний Сад, 2000.
8. Таган Г. Этнографические заметки о башкирах и других тюркских народах. Уфа, 2005.
9. Шейман Л.А., Варич Н.М. О «национальных картинах мира» и об их значении для курса русской литературы в нерусских школах // Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. Фрунзе, 1976, вып.6, с. 41-59.
10. Российское законодательство X-XX вв. Т.1. Законодательство Древней Руси. М., 1984.

**НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ В.В. РАДЛОВА, И.А. БОДУЭНА ДЕ
КУРТЕНЭ И Н.В. КРУШЕВСКОГО**

Байрамова Л.К.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

luiziana08@mail.ru

Казанский период деятельности оказался для В.В. Радлова весьма плодотворным в научном плане, ибо именно в Казанском университете Радлов встретился с проф. И.А. Бодуэном де Куртенэ, основоположником Казанской лингвистической школы, а также с другими, будущими представителями Казанской лингвистической школы: с Н.В. Крушевским, В.А. Богородицким, учителем которых также был Бодуэн де Куртенэ.

В.В. Радлову импонировали идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, которыми он проникся, в то же время и Бодуэн де Куртенэ высоко оценил научные труды Радлова, что особенно ярко выразилось в такой его оценке: «знаменитый лингвист и один из лучших знатоков туранских языков»¹.

В.В. Радлов, как и И.А. Бодуэн де Куртенэ, видел важность изучения именно живых языков. Так, Бодуэн де Куртенэ писал: «Для языковедения, как науки всесторонне обобщающей, гораздо важнее исследование живых, т. е. теперь существующих языков, нежели языков исчезнувших и воспроизводимых только по письменным памятникам. Только лингвист, изучивший всесторонне живой язык, может позволять себе делать предположение об особенностях языков умерших. Изучение языков живых должно предшествовать исследованию языков исчезнувших»².

Этой же идеи придерживался и В.В. Радлов, о чём он говорил на V Международном съезде востоковедов в Берлине (1881) в своём докладе, опубликованном в виде статьи «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen», 1882 (О звуковой альтернации и её значении для развития языка - на примере тюркских языков).

«Перед языкознанием, - пишет В.В. Радлов, - стоит задача исследовать человеческий язык с его действующими силами и найти законы, которые управляют языковыми явлениями. Это возможно тогда, когда исходят из разговорного языка. Только исследование живых языков в их тончайших диалектных нюансах и различиях, которые мы в

состоянии наблюдать в речи отдельных индивидуумов, позволяют нам дать картину того, как общенародный язык... развивается»³.

Тюркологами уже раскрыта связь теоретических идей указанной работы В.В. Радлова с теорией фонемы в бодуэновском и современном понимании. Так, известный тюрколог акад. Э.Р. Тенишев пишет, что В.В. Радлов указывал на регулирующие языковые факторы (физические и психические) и в «регулирующих факторах языка» В.В. Радлова «кроется мысль, соответствующая бодуэновскому пониманию фонемы в начале 1880-х годов как психологического эквивалента звука»⁴.

А причинами произвольных звуковых перемен (*Lautwandel*), по В.В. Радлову, являются: 1) комбинаторные условия, 2) позиционные условия (начальный или конечный звук) и 3) ударение. Звуковые изменения, происходящие при этих условиях и названные Радловым «*combinatori der Lautwandel*» (букв. комбинаторная перемена)⁵ соответствуют современному понятию «реализация фонемы»⁶.

В своём докладе (статье) В.В. Радлов опирался на работу Н.В. Крушевского «*Über die Lautabwechslung*», в которой Крушевский раскрыл сущность фонетических изменений и предложил теорию чередований, предполагая три типа чередований и чередующихся звуков: 1) дивергенция - дивергенты (термин Бодуэна де Куртенэ), которые порождаются определенными комбинаторными процессами; 2) корреляция и корреляты, появление которых можно объяснить процессами и законами, действовавшими в прошлом; 3) корреляция и корреляты, чередование которых вызвано морфологическими условиями⁷.

Идею Н.В. Крушевского о трех типах чередований Радлов апробировал на материале тюркских языков.

В.В. Радлов приводит следующие примеры дивергентных пар: *к // g - kün (Tag) // bogün (heute)* и др.; чередующихся коррелятов в тюркских диалектах: *o // u (ot // ut - Feuer); ö // ü (köl // kül - See)* и др.; подвижной корреляции: *a // ä, y // i: adym (mein Pferd), älim (mein Volk); o // ö, u // ü (poldum - ich war // öldüm - ich starb)* - в алтайских диалектах⁸.

Можно отметить, что указанные типы чередований имеются и в татарском языке. Ср. *к // г: юк // югында; 2) j // ж: яраp // жараp; 3) у // ү булдым // бүлдем* и др. Однако в татарском языке имеются отклонения от приведённых В.В. Радловым чередований: в татарском языке при тех же самых условиях чередования может и не быть. Ср. примеры В.В. Радлова: *at (Pferd) // adum (mein Pferd), pař (Kopf) // pařymda (auf meinem Kopf)*; примеры из татарского языка: *ат (лошадь) // атым (моя лошадь), баш (голова) // башым (моя голова)* и др.

Да и сам В.В. Радлов указывает на примеры аномалий,

«погрешностей». Например: *mina* (mir), *sina* (dir) вместо *minä*, *sinä*⁹.

В.В. Радлов высказывает мысль о том, что причина появления исключений или аномалий по отношению к морфологическим образованиям вытекает из того, что абсолютно несознательных психических факторов не существует и границы между несознательными и сознательными факторами проступают нечётко¹⁰. Кроме того, Радлов полагал, что в подобных случаях имеют влияние экстралингвистические факторы, «внешние обстоятельства», как он называет (*aussere Umstände*): влияние литературных произведений, школы, движений в обществе, взаимодействие с соседними народами и др.¹¹

Н.В. Крушевский, на работу которого ссылался В.В. Радлов, признавал и отмечал незаконченность своей работы и видел проблемы, которые предстояло решить в дальнейшем. В.В. Радлов, давая высокую оценку работе Крушевского¹², заявил, что в работе Крушевского «впервые открыто поле для лингвистической деятельности»¹³, раскрыл перспективу будущей работы на основе научных изысканий Н.В. Крушевского¹⁴ и определил следующие задачи:

1. Дальнейшее более точное исследование антропофонии (звуковой физиологии) для того, чтобы понять условия проявления дивергенции.
2. Классификация условий дивергенции.
3. . Исследование содержания дивергенции, обуславливающей силу эффекта дивергенции.
4. Изучение истории развития дивергенции, её условий в отдельных языках, языковых семей и сравнение их.
5. Исследование моментов, которые способствуют спонтанному продвижению развития звуковой аффекации (какова природа этого явления: чисто физическая или психическая).
6. Классификация и историческое представление спонтанного продвижения вперёд (содействующие и препятствующие моменты).
7. Представление ряда аффицированности звуков в отдельных языках и языковых семьях, сравнение их в самых различных языковых группах.
8. Классификация звуковой компенсации для единичных языков, языковых групп и для языковой целостности.
9. Использование языковой компенсации.
10. Классификация совместного использования коррелятов и наблюдение моментов, которые способствуют употреблению коррелятов.
11. Наблюдение моментов, которые выступают против морфологических законов и даже уничтожают их, и изменения, которые возникают,

благодаря морфологическим законам¹⁵.

В заключение своего доклада В.В. Радлов отмечал, что «исследование поставленных здесь пунктов было уже во многом подготовлено, но, к сожалению, это касается почти исключительно индогерманских языков. Остальные языковые группы ещё ждут своего скорейшего научно-лингвистического обсуждения. Особенно семитские и урало-алтайские языки, поскольку наша ориенталистика является, к сожалению, в большей степени наукой исторической, нежели лингвистической»¹⁶.

Внимание И.А. Бодуэна де Куртенэ привлекла также и работа В.В. Радлова «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen» (1906), в которой Радлов, следуя уже имеющейся в языкознании идее, пишет, что изолирующий тип языка развился в агглютинирующий, а агглютинирующий – во флективный.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, ознакомившись с работой В.В. Радлова, пишет статью «Заметки на полях сочинения Радлова», где раскрывает сомнительность указанной выше последовательности развития типов языков. Бодуэн де Куртенэ пишет: «Для объяснения исторической последовательности при возникновении отдельных морфологических типов языка В.В. Радлов прибегает к сравнению с постепенным развитием детского языка. При этом, по примеру многих других языковедов, он исходит из предвзятой идеи, что «изолирующий тип» развился в «агглютинирующий», а этот последний – во «флектирующий» (флективный). Так как это предположение об исторической последовательности языковых морфологических типов является более чем сомнительным, недопустимо тоже и сопоставление этой мнимой исторической последовательности с постепенным развитием личного, индивидуального языка отдельных детей»¹⁷.

И.А. Бодуэн де Куртенэ предлагает новую типологию языков на основе затраты «психической энергии»: «Языки, в которых всё внимание по части морфологических экспонентов сосредотачивается на следующих после главной морфемы (корня) аффиксах (языки урало-алтайские, угро-финские и т. п.), являются более трезвыми и требуют гораздо меньшей траты психической энергии, нежели языки, в которых морфологическими экспонентами являются и прибавки в начале слова, и психофонетические альтернации внутри слова. Примеры: русские: *на столе* (*nastolé*) – *auf dem Tische* и т. п.; немецкие: *das Dorf, in Dörfern; ich sehe, du siehst; ich gebe, du gibst* и т. п. Прибавим к этому отсутствие грамматического рода в языках более трезвых и его наличие в языках менее трезвых»¹⁸.

Положительно оценивая в целом работу В.В. Радлова, И.А. Бодуэн де Куртенэ пишет: «...в указанном труде В.В. Радлова вопрос морфологической классификации сведён более или менее на настоящую почву и освещён надлежащим образом»¹⁹.

Литература

1. Тенишев Э.Р. В.В. Радлов - фонетист и грамматист // Тюркологический сборник. - М., 1972. - С. 35.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963. - Т.1. - С. 349.
3. Цитируется по указанной статье Э.Р. Тенишева. - С. 37.
4. Тенишев Э.Р. Указ раб. - С. 38.
5. Radloff W. Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türkisprachen // Verhandlungen des V. Internationalen Orientalisten-Congresses, gehalten zu Berlin im September, 1881. - Berlin, 1882, II (IV. Ostasiatische Sektion). - S. 59.
6. Тенишев Э.Р. Указ. раб. - С. 38.
7. Radloff W. Указ. раб. - С. 60 (Ссылки и цитирование работы В.В. Радлова даются в нашем переводе. - Л.Б.).
8. Radloff W. Указ. раб. - С. 63, 67.
9. Radloff W. Указ. раб. - С. 68.
10. Radloff W. Указ. раб. - С. 68.
11. Radloff W. Указ. раб. - С. 69.
12. Radloff W. Указ. раб. - С. 69.
13. Radloff W. Указ. раб. - С. 69-70.
14. Radloff W. Указ. раб. - С. 70.
15. Radloff W. Указ. раб. - С. 69-70.
16. Radloff W. Указ. раб. - С. 70.
17. Бодуэн де Куртенэ И.А. Заметки на полях сочинения В.В. Радлова // Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963. - Т. 2. - С. 178.
18. Бодуэн де Куртенэ И.А. Указ. раб. - С. 185.
19. Бодуэн де Куртенэ И.А. Указ. раб. - С. 179.

АРИИ И ТЮРКИ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Байтасов Р.Р.

Белорусский государственный университет

rachmet@mail.ru

Многие годы идут споры об отнесении ряда культур эпохи энеолита и бронзы степной части Восточной Европы и Казахстана к ариям или тюркам. В настоящее время появились новые инструменты, которые могут помочь в решении этого вопроса - это геногеография и популяционная генетика.

В работе Sharma et al, 2009 [1] приведены данные по гаплогруппам различных групп населения Индии, в том числе и по брахминам, которые считаются прямыми потомками древних индоариев.

Из всех гаплогрупп, имеющих у брахминов наибольший интерес в свете проблемы определения прародин ариев вызывают гаплогруппы R1a, G, C, Q и N.

Гаплогруппа R1a встречается у всех исследованных популяций Индии, за исключением гондов Уттар Прадеша. Её концентрация у брахминов составляет от 19,61% у пандитов Кашмира до 72,22% у брахминов Бенгалии.

Изучив возраст гаплогруппы R1a в разных регионах мира авторы статьи [1] делают интересный вывод, что возможно эта гаплогруппа зародилась на Индийском субконтиненте. Так, например, по их расчётам возраст R1a1*составил в Индии (всего) 13768 лет, в племенах Индии 14492 лет, у брахминов 12318 лет, в Европе и на Ближнем Востоке 11230 лет, в Цетральной Азии 8695 лет.

Нужно отметить, что существующие методики расчёта возраста гаплогрупп далеки от совершенства и их результаты нужно использовать с большой осторожностью. Существуют исторические и лингвистические факты, указывающие на относительно поздний приход ариев в Индию. Поскольку среди брахминов наиболее часто встречается гаплогруппа R1a, то несомненно, что в основном с ней и связаны носители древнего арийского языка. Поэтому, очевидно, что часть мужчин-носителей гаплогруппы R1a,1 в Индии, является потомками пришлого населения. И здесь, по-видимому, прав А.А. Клёсов [2], который пишет: «В Индостане «индоевропейские» и «древние» гаплотипы накладываются, оставаясь

совершенно разными популяциями. Если древние R1a1 распространены среди дравидов, то «индоевропейские» - в высшей касте». По расчётам А.А.Клёсова R1a1 имеют возраст в Южной Сибири до 21000 лет, в Индостане до 12400 лет, примерно 6900 лет на северо-западе Китая.

Гаплотипы брахминов, по мнению А.А.Клёсова, «неотличимы от русских R1a1 и имеют одного общего предка примерно 4000 лет назад (4050±500 лет назад», а европейские гаплотипы R1a1 имеют общего предка на Русской равнине около 5000 лет назад (4750±500 лет назад), с ветвями на Русской равнине и в Европе примерно 3000-2500 лет назад и позже, до 1500 лет.

Гаплогруппа G (G2a3b1-P303/S135) на севере Индии представлена у пандитов Кашмира - 1,96% и у брахминов Пенджаба - 3,57%. В центре и на востоке Индии у брахминов её нет. На западе Индии у брахминов Махараштры и Гуджарата она встречается с частотой 3,33 и 10,94% соответственно [1]. Имеется она также у калашей с Гиндукуша в концентрации 18% [3].

По данным О.Балановского с соавторами [4] данная гаплогруппа широко распространена на Северном Кавказе: шапсуги - 86%, черкесы - 29,6%, абхазы - 20,7%. У осетин она встречается редко - 1,3% у иронцев и 4,7% у дигорцев.

Исходя из высокой концентрации гаплогруппы G2a3b1-P303/S135 у абхазо-адыгских народов и её наличия у индийских брахминов и калашей, можно предположить, что предки ариев пришли в Индию с территории Северного Кавказа. В настоящее время почти доказано, что предками абхазо-адыгских народов было население Майкопской культуры. Майкопцы были пришельцами на Северном Кавказе, куда они переселились с территории, протянувшейся от озера Ван на севере до Библа (Восточное Средиземноморье) и от Киликии (Малая Азия) на западе до озера Урмия на востоке. Майкопцы, прожив в плодородной долине реки Кубань около пятисот лет, двинулись на север к берегам Дона, а затем повернули на юго-восток в открытую степь. Их памятники находили на севере Ставропольского края и глубоко в степи, в Калмыкии, где они растворились в среде степных культур бронзового века, передав им свои знания и культуру [5].

В этом случае, возможна связь брахминской R1a1 с населением Новосвободненской культуры Предкавказья (начало IV тыс. — конец IV тыс. до н.э.), а G2a3b1 соответственно, с майкопской культурой (некоторые авторы считают, что в результате взаимодействия двух этих культур в Предкавказье сложилась майкопско-новосвободненская общность).

В.А. Сафронов и Н.А. Николаева [6] выводят происхождение гробниц (дольменов) Новосвободной от культуры шаровидных амфор (КША) из районов Польши и Прикарпатья. С этой миграцией авторы связывают образование пояса усатовских, кеми-обинских, нижнемихайловских памятников.

Интересен в связи с этим следующий факт: антропологический тип населения новосвободненской и майкопской культур южный европеоидный [7] (у майкопцев - понтийский (одна из разновидностей южных европеоидов) ([8]). Необходимо отметить, что и население культур боевых топоров Европы, которых некоторые авторы считают первыми индоевропейцами, также относилось к южному, средиземноморскому антропологическому типу кордид [9].

Аналогии с антропологическим типом новосвободненцев прослеживаются далеко на востоке. Так, по мнению К.Н. Солодовникова [10] антропологический тип населения новосвободненской культуры Предкавказья имеет сходство с типом населения Раннего Тулхарского могильника на юге Таджикистана (серия конца II - начала I тыс. до н.э.) и другими единичными материалами из Средней Азии. С этим группами сходно также население эпохи ранней бронзы из могильника Аймырлыг в Туве (окуневская культура Тувы), также относящееся к гиперморфному варианту средиземноморской расы.

С населением из Аймырлыга сходно мужское население елунинской культуры юга Западной Сибири (вторая половина или середина второй половины III тыс. до н.э. - середина XVI в. до н.э.

Гаплогруппа C5 на севере Индии встречается с частотой 1,96% у кашмирских пандитов, 5,26% у брахминов Химачала и 3,58% у брахминов Пенджаба. На востоке Индии гаплогруппа C5 имеется у брахминов Бихара (2,63%). На западе Индии эта гаплогруппа есть у всех исследованных групп населения: у брахминов Махараштры и Гуджарата по 3,33%, у бхиллов Гуджарата 9,09% [1]. Кроме Индии гаплогруппа C5 была обнаружена с низкой частотой в Непале, Пакистане, Аравии и Северном Китае [11]. Наличие гаплогруппы C5 в Северном Китае может указывать на то, что к индийским брахминам она попала с пришельцами с севера.

Гаплогруппа Q (Q1a3) на севере Индии встречается у пандитов Кашмира (5,88% - Q (XQ5)), брахминов Уттар-Прадеша (3,23% - Q (XQ5)) и гуджаров Кашмира (2% - Q (XQ5)). В центральной Индии она имеется у брахминов Мадхья Прадеша (по 2,38% Q (XQ5) и Q5), гондов (6,25% Q (XQ5)) и saharis (1,75% Q (XQ5)). На востоке Индии гаплогруппа Q имеется у брахминов Бихара (по 2,63% Q (XQ5) и Q5) [1]. Вне Индии

гаплогруппа встречается с низкой частотой в Европе, Южной и Западной Азии [12]. Обнаружена в Пакистане, Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратах и Тибете. Широко распространена в Америке.

Гаплогруппа N обнаружена у брахминов Мадхья Прадеша (центр Индии) - 2,38% и на западе Индии - у брахминов Махараштры 3,33% и Гуджарата - 3,13% [1]. Важно, что эта гаплогруппа встречается у брахминов на западе Индии и её нет на востоке и юге страны. Ведь известно, что арии первоначально населяли Пенджаб, т.е. запад современной Индии. Поэтому можно сделать вывод, что она принесена в Индию древними ариями.

Вне Индии наиболее высокая концентрация гаплогруппы N обнаружена у якутов, удмуртов (68%) и финнов (61%).

Таким образом, данные по гаплогруппному составу брахминов показывают, что часть предков индоариев пришла на территорию Индии из Сибири. Этот вывод подтверждают и данные по патанам, у которых также есть гаплогруппа Q (5,2%) [13].

Вместе с тем, лингвистические данные свидетельствуют о европейских корнях индоиранцев. Соответственно прародину праариев нужно искать в Европе.

Существуют гипотезы о праиндоевропейской [14] или праиндоиранской атрибуции [15] древнеямной культурно-исторической общности (КИО) (2870-2460гг. до н.э.) [16]. Наиболее обоснованной считается гипотеза Е.Е.Кузьминой о праиндоиранской атрибуции андроновской культуры [17], которая допускает, что в древности могла существовать элитарная ассимиляция и интеграция: миграция небольшой по численности группы, сплоченной, имеющей военное преимущество и устанавливающей свое политическое господство. И этими группами, распространяющими свой язык, по её мнению были андроновцы .

Лингвистические данные не подтверждают праиндоевропейскую и праиндоиранскую атрибуцию ямной культуры, а, следовательно, и родственной ей афанасьевской культуры Южной Сибири, датируемой [16] 3000-2520 гг. до н.э. (или 2490-2340 гг. до н.э.). Так, крупнейший картвеллист Г.А.Климов [18] категорически отрицает возможность попадания древнеиндоевропейских и индоарийских заимствований в картвельский язык с севера. «Высказывавшаяся в прошлом гипотеза о возможности проникновения картвельских индоевропеизмов с севера не поддерживается ни собственно лингвистическими данными, ни

известными современной науке экстралингвистическими свидетельствами. С точки зрения определения вероятной зоны соприкосновения обеих языковых семей в глубоком прошлом существенны, в частности, три следующих обстоятельства лингвистического порядка. С одной стороны, обращает на себя внимание высокий удельный вес индоевропеизмов в сфере так называемой колхидской лексики. С другой стороны, еще более показательным является заметный индоевропейский компонент в лексике виноградарства и виноделия, которая могла проникнуть в Закавказье только с юга (ср. картв. **ɣwino*- 'вино', **wenaq*- 'виноградная лоза', **guda*- 'бурдюк', **ɕqend*- : *ɕqnd*- 'осаждать(ся), фильтроваться)'). С третьей стороны, заслуживает внимание и то обстоятельство, что наименьшее число древних индоевропеизмов характеризует сванский язык, занимающий крайнюю северную периферию картвельской языковой области (едва ли случайно, что сванский разделяет с остальными картвельскими прежде всего их наиболее ранний пласт)».

Вместе с тем, у Г.А.Климова наблюдается некое противоречие: практически все выявленные им индоевропейские заимствования на уровне пракартвельского, во-первых, не могут рассматриваться как общеиндоевропейское наследие и представляют собой скорее инновации различных диалектных общностей, а во-вторых, по своему фонетическому облику, тяготеют к "европейским" ветвям - балтийским, германским, итальянским, кельтским и к какому-то, возможно вымершему, индоевропейскому языку. Из его исследования можно сделать вывод, что пракартвелы пришли на Кавказ откуда-то из Европы, где и позаимствовали древнеиндоевропеизмы. В пользу такого развития событий может свидетельствовать также отмеченный Г.А.Климовым факт отсутствия заимствований в пракартвельском из северокавказских языков «...картвельстике вообще неизвестны примеры лексических заимствований из каких-либо северокавказских языков ни для грузинско-занского, ни, тем более, для пракартвельского состояния» [18].

Однако данное положение оспорено Г.-Р.А.-К. Гусейновым [19], который сообщает: «На сегодняшний день кавказоведение уже располагает свидетельствами наличия нахско-дагестанского субстрата, но только в восточногрузинских диалектах - в непосредственной контактной зоне соответствующих языков на северных и восточных рубежах Грузии - Хевсуретии, Пшавии и частично Кахетии».

Поэтому можно утверждать, что прародиной картвелов были территории, занимаемые ими и в настоящее время. Наличие

заимствований в пракартвельском из различных диалектов древних европейских языков может быть объяснено следующим обстоятельством: в культурах Малой Азии известны каменные сверленные топоры [20]. Они также известны в культурах боевых топоров Центральной и Восточной Европы, в культурах древнейших земледельцев Юго-Восточной и Центральной Европы, в культурах Приальпийской зоны. Как считают большинство исследователей - племена культуры боевых топоров – это не разделившиеся в языковом отношении предки германцев, балтов и славян. Часть потомков носителей культур боевых топоров могла добраться до Закавказья с юго-запада и войти в состав формировавшегося картвельского этноса.

Кем же могут быть в языковом отношении племена ямной культуры?

Г.-Р.А.-К. Гусейнов [19] отмечает наличие прото(палео)тюркские элементы, проникших в сванский язык через посредство восточнокавказских языков. По его мнению, контакты носителей прототюркского и восточнокавказского языков относятся к периоду после выделения его не позднее X-VIII тыс. до н.э. из алтайской общности, первоначальная область локализации которой приходится на Среднюю Азию и примыкающие районы Северного Ирана.

На наличие тюркских заимствований в картвельском указывает также Г.А.Климов [18], но никак не комментирует эти факты.

Вместе с тем, наиболее вероятно, что контакты прототюрков и восточных северокавказцев осуществлялись на Северном Кавказе. На это указывает отсутствие индоевропеизмов, в пракартвельском и сванском языках, проникших в них с севера и наличие прото(палео)тюркских элементов, проникших в сванский язык через посредство восточнокавказских языков.

Исследования антрополога А.Г.Козинцева [21] показали, что население евразийских степей в исследуемый период имело разное происхождение. Ямники Нижнего Поднепровья и катакомбники того же района, а также Калмыкии были потомками хвалынской энеолитической группы V-IV тыс. до н.э. Катакомбники Подонья и разные группы афанасьевцев Алтая антропологически были наименее удалены от населения среднестоговской культуры, что может свидетельствовать об их родстве.

Афанасьевцы Сальдыра и Афанасьевой Горы проявляют определённое сходство с населением Западной Европы. Некоторые группы ямного и катакомбного населения также имеют целый ряд ранних (до III тыс. до н.э.) параллелей на территории Центральной и Западной Европы - ямная с р. Ингулец, ранние катакомбные с р. Молочной, из Каховки и другие.

Они особенно ясно проявляются у грацильных ранних катакомбников Украины: для четырех групп этого времени отмечено 14 близких параллелей в зарубежной Европе и 8 - в Закавказье и на юге Средней Азии. Поэтому, можно говорить, что это потомки мигрантов на территорию ямной культуры.

С какой из этих групп населения можно связать прототюрков? Скорее всего, прототюрки - это потомки населения хвалынской и среднестоговской культур, поскольку они в период ямной КИО, проживали на территории, прилегающей к Кавказу и вполне могли контактировать с восточными северокавказцами. К тому же население хвалынской и среднестоговской культур имеет антропологическое сходство с населением восточных культур геометрической керамики Приуралья и Казахстана (Ботай и др.). «Вероятно, на финальном этапе угасания майкопской культуры, часть ямного населения откочевала на юг, в предгорные районы Северного Кавказа. Это подтверждается локализацией ямных погребений и курганов на основной территории майкопской культуры на левобережье р. Кубань, в Кабардино-Балкарии, Осетии и Чечено-Ингушетии» [7].

Интересно, в связи с этим, что возраст гаплотипов R1a1 у представителей тюркских народов (пять салар, три югу, один казах, один кыргыз) и нескольких монголов (один ту, один баоян, один монгол), приведённых в статье [22], по расчётам А.А.Клёсова [2] составляет 8725 ± 1500 лет и практически совпадает с возрастом, определённым для R1a1 в Центральной Азии Sharma et al, 2009 - 8695 лет [1]. Вполне возможно, что исследованные индивиды являются потомками населения ямной и афанасьевской культур.

Как известно, наиболее близкими к праиндоевропейскому состоянию, являются языки балтских народов. Среди балтов много представителей северного антропологического типа. Исследования лингвистов в последние годы, показывают, что предки древних балтов могли быть прототюрками. Так, Г.Шуке [23] выдвинула гипотезу, что латышский язык зародился на основе прототюркского языка на территории Восточной Прибалтики эпохи мезолита. По ее мнению, протюрки населяли две мезолитические стоянки Латвии, обнаруженные археологами. Ю.Н.Дроздов [24] исследовал этнономию древнеевропейских племен и народов по данным античных и раннесредневековых письменных источников и пришел к выводу, что она тюркоязычная и подавляющая часть европейского населения с древнейших времен до X-XII веков была тюркоязычной.

Гипотеза об индоиранской атрибуции андроновской КИО

опровергается данными многих наук. Как показано выше у индийских брахминов присутствуют «сибирские» гаплогруппы С5, N и Q. В то же время как исследования ДНК андроновцев не выявили у них гаплогруппу Q. К тому же в Индии, что весьма важно, практически нет европейских мтДНК-гаплогрупп, которые имеют значительную концентрацию у современных казахов, занимающих основную территорию древней андроновской КИО.

Данные антропологии также не подтверждают точку зрения Е.Е.Кузьминой. Выше уже отмечалось, что население новосвободненской культуры, пришедшей в Предкавказье из Европы, имело средиземноморский антропологический тип, в то время как ямники Калмыкии были северными европеоидами [7]. По мнению А.Г.Козинцева [21] именно поздние ямники и катакомбники Северного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия были предками фёдоровских андроновцев «классического» типа.

Выше указывалось, что ямники Северного Кавказа в связи с наличием прото(палео)тюркских элементов, проникших в сванский язык через посредство восточнокавказских языков [19] могут быть прототюрками. Поэтому «классические» фёдоровцы также, скорее всего, прототюрки.

Даты существования андроновской КИО также не свидетельствуют в пользу гипотезы Е.Е.Кузьминой. Петровская культура относится к периоду 1940-1690гг. до н.э., алакульская культура 1750-1500 гг. до н.э., фёдоровская - 1750-1690 гг. до н.э., синкретичная алакульско-фёдоровская - 1740-1370гг. до н.э. [16] По датам видно, что все эти культуры существенно моложе предполагаемого периода существования праиндоиранской общности и развиваются параллельно с культурами, связываемыми с ариями в Иране, Индии и Пакистане.

Не считает население андроновской КИО индоариями археолог Ю.Ф.Кирюшин [25]: «Не возражая против прихода племен индоариев в Восточный Казахстан и на Алтай, не могу согласиться, что это были андроновцы», пишет он. Из его монографии следует, что под индоариями нужно понимать носителей елунинской культуры, которую он датирует периодом со второй половины или с середины второй половины III тыс. до н.э. до середины XVI в. до н.э.

Елунинская культура наряду с окуневской, кротовской, самуськой и каракольской культурами относится к сейминско-турбинскому (или самусько-сейминскому) транскультурному феномену. Датируется сейминско-турбинский период 2120-1630 (2150-1600) гг. до н. э. [26].

Западносибирские культуры, с которыми связывают

сейминско-турбинский транскультурный феномен, были многокомпонентными. В их образовании участвовали наряду с местным населением пришельцы, как из Европы, так и из Закавказья. Это подтверждается как археологическими [27], так и антропологическими [10] [21] [27], данными.

Что касается генетики, то практически у всех групп брахминов Индии, наряду с гаплогруппой R1a1 с относительно высокой частотой встречается восточноевропейская J2: северные брахмины от 3,23 до 21,43% (в Пенджабе), брахмины центральной Индии – 23,81%, восточные брахмины – от 0 до 2,63%, западные брахмины – 15,63 - 16,67% [1]. Конечно, часть J2 могла попасть к брахминам от греко-македонцев и мусульманских правителей Индии, пришедших в Индию из Средней Азии, но большая часть, скорее всего, наследие древних ариев.

С.Григорьев [28] предлагает искать истоки праариев в Прикаспийском регионе поскольку там катакомбный обряд погребения прослеживается начиная с рубежа V – IV тыс. до н.э. и по II тыс. до н.э. включительно. В связи с этим интересно мнение Ю.Г.Кутимова [29]: «Наиболее ранним памятником с погребальным обрядом катакомбного типа на территории Средней Азии является могильник Заманбаба, который датируется серединой III тыс. до н.э. Происхождение заманбабинской культуры многокомпонентное, в её сложении приняли участие с одной стороны — степные племена ямного облика, пришедшие с севера, а с другой местные племена, связанные со среднеазиатскими земледельческими традициями. (Намазга IV-V [30])».

Вместе с тем, В.А.Сафронов и Н.А.Николаева [31] показали, что в Восточную Европу (раннекатакомбный предднепровский горизонт) катакомбный обряд погребения пришёл из культуры со шнуровой керамикой Злота с территории Польши, где он, в свою очередь, появился под влиянием мегалитической катакомбной культуры СУМ (Сены-Уазы-Марны).

Вполне возможно, что население культуры Заманбаба – это и есть первые праиндоиранцы. Часть этого населения, продвинувшись далее на восток, в Западную Сибирь и Туву сформировала индоарийскую елунинскую (возможно, и тувинскую окуневскую) культуру.

Иранизацию казахстанской степи, по-видимому, правильно объясняет И.А.Кукушкин [32], который считает ареал БМАК этнокультурным ядром, от которого в XVIII в. до н.э. отделилась группа скотоводческих племен, мигрировавших в северном направлении и ставших известными в лесостепной зоне Южного Зауралья по памятникам синташтинской культуры. В свою очередь, образование БМАК явилось результатом

миграции переднеазиатских племен, которые в конце III - начале II тыс. до н.э. заселили южные регионы Средней Азии и Северный Афганистан. Культура переселенцев не имеет местных корней и не выводится из автохтонных оседлоземледельческих традиций. С этими миграционными волнами он связывает иранизацию Средней Азии и распространение протозороастрийского мировоззрения. По его мнению наиболее реальным претендентом на индоиранскую принадлежность является северо-пакистанская культура Свата (XVII-XIV вв. до н.э.). В могильниках долины Свата зафиксированы кремация и ингумация, захоронения коней.

Выше отмечалось, что Ю.Ф.Кирюшин считает ариями население елунинской культуры, которое впоследствии было ассимилировано андроновцами (фёдоровцами). Нет никаких свидетельств движения елунинцев в Индию, но имеются прямые свидетельства такого продвижения населения окунёвской культуры и культур Алтая.

Изображения человеческого лица сходные с окунёвскими из Хакасии обнаружены на Гиндукуше. На Инде обнаружен и ряд других характерных изображений, типичных для южносибирских культур. В древнем святилище у переправы через Инд близ Тальпана найдены личины окунёвского типа, маски, подобные маскам из Каракола, изображения животных, сцены охоты и символы в виде отпечатков руки человека, характерные для этих культур. Датируются эти изображения III-II тыс. до н.э.

Повторяемость и параллели сюжетов Гиндукуша и Алтая свидетельствуют о синхронном существовании древних святилищ, их культурном единстве и, может быть, об общих религиозных представлениях [33]. А может у народов, населявших эти территории, были и родственные языки?

Поэтому вполне логично предположить, что индоарийским на территории современного СНГ в древности, возможно, была часть населения сейминско-турбинских культур, а тюрками - население хвалынской, среднестоговской, части ямной, афанасьевской и фёдоровской культур.

Литература

1. Swarkar Sharma, Ekta Rai, Prithviraj Sharma, Mamata Jena, Shweta Singh, Katayoon Darvishi, Audesh K Bhat, A J S Bhanwer, Pramod Kumar Tiwari and Rameshwar N K Bamezai The Indian origin of paternal haplogroup R1a1(*) substantiates the autochthonous origin of Brahmins and the caste system, J. Hum.Genet., 2009, 54, 47-55
2. Клёсов А.А. Древние («неиндоевропейские») гаплотипы гаплогруппы

R1a1 в Северо-Западном Китае.

3. genofond.ru
4. Oleg Balanovsky, Khadizhat Dibirova, Anna Dybo, Oleg Mudrak, Svetlana Frolova, Elvira Pocheshkhova, Marc Haber, Daniel Platt, Theodore Schurr, Wolfgang Haak, Marina Kuznetsova, Magomed Radzhabov, Olga Balaganskaya, Alexey Romanov, Tatiana Zakharova, David F. Soria Hernanz, Pierre Zalloua, Sergey Koshel, Merritt Ruhlen, Colin Renfrew, R. Spencer Wells, Chris Tyler-Smith, Elena Balanovska and The Genographic Consortium «Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region» // *Mol Biol Evol* (2011) doi: 10.1093/molbev/msr126. First published online: May 13, 2011.
5. Шишлина Н.И. Куда ушли майкопцы?
6. Сафронов В.А., Николаева Н.А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // *Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР*. Вып. VII. М.: «Знание», 1974.
7. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Москва, 2008.
8. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%B9%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0
9. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0_%D0%B1%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85_%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2
10. Солодовников К.Н. Население горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Барнаул, 2006.
11. http://en.wikipedia.org/wiki/Haplogroup_C_%28Y-DNA%29
12. http://66.163.168.225/babelfish/translate_url_content?.intl=us&lp=ru_en&trurl=http://en.wikipedia.org/wiki/Haplogroup_Q_%28Y-DNA%29Q1a3
13. Sadaf Firasat, Shagufta Khaliq, Aisha Mohyuddin, Myrto Papaioannou, Chris Tyler-Smith, Peter A Underhill and Qasim Ayub: «Y-chromosomal evidence for a limited Greek contribution to the Pathan population of Pakistan.» *European Journal of Human Genetics* (2007) Vol. 15, p. 121—126 <http://www.nature.com/ejhg/journal/v15/n1/full/5201726a.html>
14. Гимбутас М. Предыстория восточной Европы. Часть I. Культуры

- мезолита, неолита и Бронзового века в России и Балтии. 1956.
15. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький: Волговятское-Вятское кн. издательство, 1989. - 398 с.
 16. Епимахов А.В. О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // Западная и Южная Сибирь в древности: сб. науч. трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. - Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2005.
 17. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли арии? М., 1994.
 18. Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. - М., 1994. - 249с.
 19. Гусейнов Г.-Р.А.-К. К вопросу об области первоначального распространения нахско-дагестанских языков в контексте древних ареальных взаимоотношений языков Кавказа и исторически смежных регионов.
 20. Кузьмина О.В. Каменные сверленные топоры Самарского Поволжья.
 21. Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой).
 22. Shou W.H., Qiao E.F., Wei C.Y., Dong Y.L., Tan S.J., Shi H., Tang W.R., Xiao C.J. Y-chromosome distributions among populations in Northwest China identify significant contribution from Central Asian pastoralists and lesser influence of western Eurasians. J. Human Gen. 2010.
 23. Шуке Г. Были ли латыши тюрками? Феномен обнаружения тюркского субстрата Прибалтики. - Даугавпилс, 2010.- 122с.
 24. Дроздов Ю.Н. Тюркская этнонимия древнеевропейских народов М., 2008. - 392с.
 25. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири: Монография. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. - 294с.
 26. Епимахов А. В. «Горизонт колесничных культур» бронзового века: оценка эвристических возможностей // Известия Челябинского научного центра, вып. 1 (39), 2008.
 27. Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности : сб. науч. трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. - Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2005.
 28. Григорьев С. Археологические основания ближневосточной локализации индоевропейской прародины на территории Евразии http://www.lib.csu.ru/vch/10/2003_02/012.pdf
 29. Кутимов Ю. Г. Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам

могильников бронзового века) Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук Санкт-Петербург 2009.

30. Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа - Азия / Отв. ред. Г.М.Бонгард-Левин. - М.: КомКнига, 2011. - 240с.
31. Сафронов В.А., Николаева Н.А. Происхождение катакомбного обряда в Восточной Европе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
32. Кукушкин И.А. К проблеме андроновского «арийства» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
33. Кубарев В. Притяжение Алтая. Заметки археолога.

ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ КАК ПРОВОДНИКИ ИСЛАМА СРЕДИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ, ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Бахтиев Р.Ф.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

rustem.bakhtiev@mail.ru

Официальное принятие ислама Волжской Булгарией в 922 году послужило причиной широкого распространения мусульманства на ее территории. Одним из доказательств этого служит массовая замена языческих могильников на мусульманские кладбища в X в [1:52].

Важную роль при исламизации Волжской Булгарии играло духовенство, которое выработало официальную религиозную идеологию государства, основанную на представлении об «избранности» булгарского народа в роли защитника и расширителя границ исламского мира. Вполне возможно, что этим было связано непримиримость духовных лидеров Волжской Булгарии в отношении язычников и язычества [2:68].

Приняв ислам, булгары стремились распространить его идеи и среди других племен и народов. Например, исламизация башкир проходила под влиянием булгарских мусульман [3:17]. Есть свидетельства отправки миссионеров из Волжской Булгарии в Киевскую Русь к Владимиру в 986 г [4]. Также были случаи религиозных войн булгар с язычниками [5:44-45].

Важным проводником идей ислама среди соседних народов была торговля, которую булгары очень быстро взяли в свои руки. К IX-X вв. в бассейне Чепцы на верхней Каме складывается целая сеть укрепленных поселений, на которых очевидно присутствие булгарского населения. Булгары строили в Прикамье свои торговые фактории, имевшие исламские культовые сооружения [6:6].

Интенсивная торговля булгарских купцов с финно-угорскими и угро-самодийскими народами Урала, положила начало активной, в основном мирной, булгарской колонизации и, соответственно, исламизации Пермского Приуралья, происходившая в X-XIII вв [7].

Волжские булгары не оставили без внимания также и Зауралье. Есть сообщение об отправке в Сибирь арабского каравана, в составе которого, вероятнее всего, были и духовные лица [8:149]. Кроме этого булгары

посылали свои экспедиции за Урал с целью изучения географии местности [9:135].

Таким образом, начиная с X в. болгары стали проводниками ислама среди поволжских и северных народов, придерживающихся различных языческих верований. Процесс этот проходил в основном мирным путем, через торговлю. Однако есть данные о военных походах болгар на северных язычников и обложении их данью. Итогом болгарской миссионерской деятельности стало принятие ислама башкирами, а также частичная исламизация населения Пермского края, северного Урала и Западной Сибири [11:22].

Литература

1. А.Х. Халиков Происхождение татар Поволжья и Приуралья - Казань: 1978. - С.71. Так же: Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов Этнополитическая история татар - Казань: Школа. - 2007. - С. 52.
2. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар - Казань: Школа. - 2007. - С. 68.
3. Малашенко А.В. Ислам на территории Башкортостана. - <http://www.ino-center.ru/news/doc/islam-in-bashkortostan.pdf>. - С. 17
4. Алишев С.Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения. - Казань: Татар книж. Изд. - 2009.
5. Бартольд, В. В. 1973. Введение к изданию «Худуд ал-алам». В: Бар-тольд, В. В., Соч.: в 9 т. Т. VIII. М.: Наука. Так же: Заходер, Б. Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: в 2 т. Т. II. М.: Наука. / И.Л. Измайлов Ислам в Волжской Булгарии: Распространение и региональные особенности. / История и современность. - № 2. - 2011 - С. 44-45.
6. Напольских В.В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Приволжья и Предуралья. / http://www.molgen.org/molgenfiles/Napolskich/Napolskich_Bulgharische_Epoch2.pdf. - Ижевск. - С. 6.
7. Материалы по истории татарского народа. Под редакц.: М.Х. Хасанов, М.З. Закиев, С.Х. Алишев, Ф.И. Урманчеев. - Казань, 1995. - С. 105-106. Так же: Абу Хамид Ал-Гарнати Ясное изложение некоторых чудес магриб. <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frameset1.htm>.
8. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. - Казань, 1992. - С. 172; Даркевич В.П. Аргонавты средневековья. - М., 1976. - С. 48, 77. / Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири. - Казань, 2007. - С. 149.
9. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. - Казань, 1992. - С. 171. / Файзрахманов Г.Л. Взаимоотношения Сибирского и Казанского

ханств // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования.
Казань, 2002. – С. 135.

10. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т.1. Извлечения из сочинений арабских. – Спб., 1884. – С.240. / Исааков Д. Введение в историю Сибирского ханства. – Казань, 2006. – С.43. Так же: Путешествия Абу-Хамида ал-Гарнати в восточную и центральную Европу (1131-1153 гг.). – М., 1971. – С.34. / Исааков Д. Введение в историю Сибирского ханства. – Казань, 2006. – С.23, 43.
11. Исааков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. / Исааков Д.М. – Казань, 2006. – С.22.

**РИТМИКА СТИХОТВОРНОЙ И ЗВУКОВЫСОТНОЙ СИСТЕМ В
ТЮРКСКИХ ОБЯДОВЫХ ПЕСНЯХ С РАЗМЕРОМ «ЖЫР» (К
ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

Бердибай А. Р.

Казахская национальная консерватория им.Курмангазы

a.berdibay@mail.ru

Тема настоящего доклада находится на стыке таких важных исследовательских направлений этномузыкологии , как «древний стихотворный размер «жыр» в музыкально-поэтических культурах тюрков», «музыкально-ритмические теории авторов тюркских республик в контексте системы силлабического стихосложения», «сравнительно-типологическое и сравнительно- историческое изучение музыкально-стилистических особенностей обрядового пласта тюрков»[1] и др. Одновременно она представляет собой значимость как отдельная область исследования. Учитывая ее сложность и недостаточную изученность, наши наблюдения носят предварительный характер.

Древность происхождения и характер доступности (для анализа такого рода) опубликованных образцов в песенных культурах разных тюркских народов обусловили выбор материала рассмотрения поставленной в докладе проблематики, примерами которого выступают свадебные песни обряда проводов невесты: казахский «Сынсу», кыргызский «Кыз узатуу», туркменский и татарский «Яр-яр».

По применяемой методологии в нем переплетаются структурные методы стиховедческой науки и научный подход к анализу ритмической организации одноголосной песни профессора Б.Каракулова.

Устная народная поэзия казахов, как известно, основана на силлабическом типе стихосложения, характеризующемся равным количеством слогов в строках. Теория казахского стихосложения, базирующаяся на идее силлабического строя, разработанная еще в 60-е г.г. XX столетия известным казахским филологом З.Ахметовым, имела важное значение для отечественного этномузыкознания, и , в частности, для исследований по музыкально-поэтической культуры.[2]

Из двух распространенных в казахской народной поэзии стихотворных размеров в своей статье мы остановимся на 7-8 сложнике - древнетюркском размере «жыр», который лежит в основе ряда жанров казахской обрядовой поэзии и эпики. Вместе с тем 7-8 сложник часто

применялся в качестве основного размера в припевных частях народных и народно-профессиональных песен. Свой художественный след на пути его практического постижения в песенном наследии оставили и композиторы XIX- начала XX в.в. Жаяу Муса и Абай. Все эти многочисленные проявления 7-8сложника в казахской национальной песенной культуре отличаются многообразием типов своего ритмического воплощения. Вопросы о том, как был «адаптирован» ритмически этот древний поэтический размер в других тюркских музыкально-поэтических культурах, сохранились ли при этом у них общие принципы ритмической организации и стали отправной точкой нашего небольшого исследования.

Этномузыковедами отмечается применение «жыра» , преимущественно, в обрядовых жанрах тюркских народов. Поэтому в качестве материала рассмотрения были выбраны примеры из свадебного ритуала тюркоязычных этносов, проживающих на обширной территории Центральной Азии- казахов, кыргызов, туркмен и татар.

Методологией осуществления ритмического анализа музыкально-поэтической системы тюркских образцов свадебного обряда стала концепция Б.И.Каракулова, по которой ритмика одноголосной песни всегда состоит из двух накладывающихся друг на друга автономных ритмов: ритма слогов, что соответствует слоговому ритму в теории исследователя А.Е.Байгаскиной и ритма звуковысотных изменений, который не адекватен ни музыкальному, ни мелодическому ритму. Такой взгляд на ритмическую организацию песни отличается от всех известных ритмических концепций в музыкознании и в этномузыковедении, в частности.[3]

Ритмическая организация звуковысотности и поэтического текста автономна друг от друга, но в в то же время выступает синхронно на важных участках музыкальной формы. Принципы цезурности разных ритмических линий определяются кинетическими особенностями каждой из рассматриваемых подсистем-ритма слогов и ритма звуковысотных изменений. Соотношение двух ритмов может быть осуществимо в трех видах:

- 1-й вид- совпадение двух ритмов или синхронное движение;
- 2-й вид- сочетание масштабного ритма слогов с более дробным ритмом звуковысотных изменений, что выражается в распевности слогов;
- 3-й вид- сочетание крупного масштабного ритма звуков с дробным ритмом слогов, что образует явление речитации.

В представленных в докладе схемах верхний ряд ритмических длительностей показывает ритмическую линию звуковысотности, а

нижний - поэтической системы.

Примеры казахского и киргызского свадебных обрядов, выбранные для рассмотрения ритмической организации, входят в цикл песен, связанный с прощанием невесты с родными. Из них казахский «Сынсу» показывают 2-хстрочную музыкальную форму, в то время как киргызский - 1-строчную, вариантно повторяемую несколько (5) раз. Рисунок 1.

Ритмическая схема: Рисунок 2.

Казахский образец «сынсу» демонстрирует собой воплощение 7-8сложного размера в последовательности слогов:

4	3
3 2	3
4	3
4	3

Если рассматривать ритмоцепочки музыкальной и поэтических подсистем «сынсу» автономно друг от друга, то равноправному положению ритмоформулы поэтической системы -«аксак» («хромающей» или синкопированной) и суммирования противостоит звуковысотная организация с превалированием одного - «хромающего» ритма. [4] Целостный же анализ этой казахской песни показывает, что ее ритмическая организация основана на двух видах отношений между поэтической и звуковысотной системой - синхронном движении и речитации. Необходимо отметить, что фрагменты речитации расположены в этом примере на стыке бунаков- внутри первой строки и на границе между двумя строками, то есть на важных формообразующих позициях поэтической системы. К тому же, речитация четко обозначает ладовые устои песни: V-ю ступень в середине строки и I-ю (нижнюю тонику)- в ее конце. Во второй- заключающей музыкально-поэтическую форму строке преимущество имеет синхронное движение. Иначе говоря, начальное интегрирование двух видов ритмической организации в песне сменяется к концу формы одной, совместной, параллельной «деятельностью» двух ритмических подсистем, что способствует обобщенному и завершенному характеру музыкального движения.

Несколько иное явление по музыкальной форме и внутреннему строению «жыра» представляет собой образец свадебного кошока у киргызов: Рисунок 3.

Ритмическая схема: Рисунок 4.

Размер поэтической системы кыргызской песни усложнен вследствие введения начальных, срединных и конечных (распетых или синхронных по ритму) вставных слогов. Вместе с тем, начальные трехсложные бунаки первой, третьей и пятой строк предваряются не входящими в силлабическую систему «жыр» двух-или трехсложными бунаками, что объясняется импровизационной природой этого образца.

[1] 2 3 2 [1] 3 [1]
[1] 3 2 [1] 3 [1]
[1] 2 3 2 [1] 3 [1+1]
[1] 3 2 3 [1+1]
[1] 3 3 2 [1] 3 [1]
[1] 3 2 [1] 3 [1]

Ритмическая драматургия песни свадебного кошока показывает синхронное движение двух ритмоцепочек в первой строке с начальным распевом и конечным речитированием алексических слогов. То есть здесь, в отличие от «сынсу», репрезентированы все три возможные вида ритмических соотношений музыкальной и поэтической подсистем. Из них большая часть музыкально поэтического текста воплощена в виде №1(синхронное движение), а два остальных - в начале и в завершении музыкальной формы.

Анализ следующего ряда примеров ритуала проводов невесты «яр-яр»[5] в туркменском и татарском вариантах показывает в некоторой степени усложненный тип реализации 7-8сложника, своего рода «переходную» форму от 7-8 сложника к 11-сложнику, то есть такую форму, когда в приведенных примерах образцов - 7-8 сложник является частью 11-сложного размера.[6][7]

Туркменский яр-яр

Рисунок 5. Рисунок 6.

Ритмическая схема: Рисунок 7.

Татарский яр-яр

Ритмическая схема: Рисунок 8.

Образец жыра в туркменской обрядовой песни показывает последовательность бунаков:

4+3, 4 /2/
4+3, 4 /2/

-с повторением этого порядка слогогрупп в форме музыкальной полустрофы, тогда как пример 6-строчной по музыкальной структуре татарской песни слогосчетно организован как:

3+2+3, 4 /2/

4+4, 4 /2/

4+3, 4 /2/

4+3, 4 /2/

4+3, 4 /2/

4+3, 4 /2/

Восьмисложник в первых двух строках татарского образца представлен в двух разновидностях: 3+2+3 и 4+4. Если первый из них получил распространение у большинства тюркских народов, то квадратный его тип (4+4) в большей степени преобладает у тюрков Поволжья. К тому же у татар и башкир он характерен не только для обрядового фольклора, но и для пласта «коротких» песен самого широкого поля образного содержания, а также для «салмак» кюев. В казахской традиционной песенной культуре умеренное распространение тип: 4+4 получил в песенном творчестве Жаяу Мусы и Абая, что может рассматриваться как результат межэтнического взаимодействия.[8]

При сравнении двух ритмических схем туркменского и татарского «яр-яров» обращает на себя внимание свойственная песенным культурам огузской языковой ветви, и, в их числе, туркменам - метрическая трехдольность. В татарском варианте, (так же, как и в ряде казахских «жар-жаров») наблюдается 2-хдольный метр.

Имея в своей основе единый стихотворный размер, свадебные песни туркмен и татар различны по ритмической драматургии. Так, начало обеих мелострок туркменского примера характеризуется превалированием речитативного типа, тогда как их концы больше подчинены принципу синхронного движения двух ритмов, в результате чего получается своего рода «вопросо-ответная» структура. Иначе выглядит ритмическая драматургия татарского образца свадебной песни. Здесь в начальных строках речитация взаимодействует с синхронностью, а потом - с распевом. В третьей строке показано учащенное ритмическое движение в типе-речитация-синхронность - речитация и только в конце строфы совместное ритмическое взаимодействие заканчивается ведущим принципом синхронности.

При одном виде силлабического размера туркменский и татарский примеры характеризуются различиями в метрике и использовании распевов (больше в татарском, меньше - в туркменском примерах), в особенностях применения разновидностей 8-сложника (оба типа - у татар и его отсутствие - у туркмен).

Интересно обратить внимание на особенности ритмической

составляющей в строках с двумя разновидностями 8-сложника в татарском примере: их внутренние структурные различия, отмечаемые стиховедами как принципиальные, обуславливают их дифференциацию по ритмической организации.

Использование ритмической методологии Б.Каракулова было апробировано автором настоящего доклада ранее при рассмотрении ритмической организации западноказахстанских песен, а также при изучении 7-8 сложных песен известного восточноказахстанского композитора устно-профессионально пласта XIX в. - Жаяу Мусы Байжанулы.[9]

Предполагаем, что использованная при анализе примеров ритмическая методология профессора Б.Каракулова может применяться при рассмотрении одноголосных образцов многих тюркоязычных песенных культур.

Наблюдения над ритмическим воложением силлабического размера «жыр» выявили не только общие и особенные черты самого 7-8сложника - применение в обрядовой культуре конкретных видов его внутреннего строения: 3+2+3 и 4+3 - у казахов, кыргызов и туркмен, а также 4+4, 3+2+3 и 4+3 - у татар, но и сходство и различие ритмоформул: «хромающий» ритм поэтической подсистемы-в песенных образцах казахского «сыңсу», туркменского «яр-яр» и большого разнообразия видов ритмических соотношений между поэтической и музыкальной системами в этих же и других приведенных примерах. Взаимозаменяемость и сосуществование внутренних видов размера «жыр» в свадебных обрядовых песнях, способов их ритмической реализации у тюрков (с разными типами хозяйственной жизнедеятельности и не всегда однородными религиозными убеждениями), проживающих на обширной территории Центральной Азии, еще раз подтверждает общность их исторических корней.

Богатство линий их взаимосвязей может многократно возрасти вследствие глубокого изучения ладо-композиционной, интонационно-мелодической, темброво-артикуляционной и др. систем музыкальной организации при помощи структурного метода, что, в силу ограниченности рамок доклада, осталось вне нашего поля зрения. Абстрагирование методологии Б.Каракулова от других компонентов музыкального языка - мелодики, лада, фактуры и пр. «компенсировалось» возможностью более детализированного рассмотрения ритмической организации песенных примеров.

Настоящее выступление ставило собой цель рассмотрения ритмической организации 7-8 сложных песен тюркских народов с

демонстрацией возможностей применения методологии Б.Каракулова. А глубокие и многосторонние исследования ритмики сравнительно-типологического характера с ее использованием представляются делом будущего- после первоначального ее апробирования автономно, по-отдельности, на обширном материале тюркских песенных культур, базирующегося на стиховой системе «бармак».

СЫНСУ (IV)

Жай, Медленнее, ♩ = 68

Шаш- бау тах- тым на- шак- тап, сәу- ко-
 Ай- ла- ла- йым жа- нә- рәуәу, ко-
 ла- ки- дәм ок- шак- тап,
 рг- со- ятк кү- шак- тап.

СЫНСУ (IV)

1-й бунак 2-й бунак

(310) казахских песен. Составитель:
 Бекхожина Т. Азми-Анн, 1972 г. 36)

Көз ұзаттуу
 (сәуірелік Көзүк)

М. С. Кожанбаев
 Рәси К. Әбдісәлімов

Ашқанды, Скардино.

А көз-ке-ле-ке әкә-ге ой, бак-кан-быз ай,
 А кү-мүш-тәң-ү-кү ой, так-кан-быз ай,
 А көз-қи-ла-пәш-тәл жү-рүп ой, бак-кан-быз ай,
 А әл-әл-тәң-қан-сәй-кә так-кан-быз ой,
 А ки-зым-қан-кә-лә-тәй-бә-ге ой-жәк-чә-лә-әй,
 А мү-нә-қия-сә-рәйн ой-шә-лә-лә-әй

Кыз узатуу
(свадебный кошок)

Музыкальный фрагмент в нотной записи, состоящий из двух систем. Каждая система имеет две стaves: верхний — мелодический, нижний — аккордовый. В конце фрагмента стоит «И т. д.».

Убошанов К. Песни нао культуры кордынского народа. Бишкек, 1993, с. 266

Яр-яр

♩ = 360

Музыкальный фрагмент в нотной записи с двумя стaves. Под первой системой — текст: «Гы - зыл - гы - зыл хо - раз - пар ... хар - ман - да - дыр: яр - яр». Под второй системой — текст: «ой - лен - ме - дик йи - гат - дер ... ер - ман - да - дыр яр - яр».

1. Яр-яр

Музыкальный фрагмент в нотной записи, состоящий из двух систем. Каждая система имеет две стaves: верхний — мелодический, нижний — аккордовый. В конце фрагмента стоит «И т. д.».

(Ушанов Ш. Туркменская музыка (ноталурге) Алматы, 2003, с. 203)

2. Яр-яр

Музыкальный фрагмент в нотной записи, состоящий из двух систем. Каждая система имеет две стaves: верхний — мелодический, нижний — аккордовый. В конце фрагмента стоит «И т. д.».

(Из издания М. Тугурова: «Иролдунг песини». Кешик, 1984, с. 99)

Ар-ар

The image shows a musical score for a piece titled "Ар-ар" (Ar-ar). The score is written on seven staves in a treble clef with a 3/4 time signature. The lyrics are in Kazakh and correspond to the "Ар-ар" style, characterized by a 11-syllable line with a 7-4 syllable structure. The lyrics are: Сый-ла-ма, ду-там, сык-ла-ма: ту-ед бу-лып ар-ар; Са-ман-сы-ла а-шы-тыр-ган в-ен бу-дыр, ар-ар; Уй-а-тың-ның и-ен-де в-таң-ык-аэр, ар-ар; Ит-ке-нө-мек, а-зы-де ги-мар-дык-аэр, ар-ар; Ту-гыз-ту-нак, бы-яс-тын а-зыл-ма-сын, ар-ар; Ұй-рык-қа-дай жей-ау-ме: ма-бу-ла-сын, ар-ар.

Литература

1. Абдуллаев Р.С. Обрядовая музыка народов Центральной Азии. Автореферат докторской дис. Ташкент, 1997. и др.
2. Ахметов З. Казахское стихосложение. А.,1963
3. Каракулов Б.И. Симметричный подход к ритмической структуре одногласной песн и// Сб. Материалов и статей памяти В.П.Дерновой. Алматы,1992. С.98-102 >
4. Байгаскина А.считала, что этот ритм, используемый в 4-сложном бунAKE, способствует неторопливости мелодического движения и связывает его происхождение с речевым ударением. // Байгаскина А. Ритмика казахских традиционных песен. Учебное пособиn. Алматы.,1991 С. 40,88
5. Данный жанр бытует также и в устной музыкально-поэтической культуре других народов тюркоязычной семьи - у казахов, каракалпаков, башкир, узбеков и др.
6. В казахском музыкальном обрядовом фольклоре чаще встречаются жар-жары с трехсловным редифом «жар-жар-ай», что становится причиной рассмотрения их стихотворного размера как 11- сложника с редифом либо- как двух 7-сложников. Как пишет А.Байгаскина, «...новый 11-сложный стих , еще не имевший собственных напевов, по всей вероятности был вынужден приспособливаться к существующим 7-сложным типам мелострок, так как слуховой «прообраз» для его 7-сложной части уже был готов... Указ. труд С.62.

7. Бердибай А. Казахско-татарские музыкально-поэтические музыкальные связи в песнях Жаяу Мусы. Материалы международной научно-практической конференции: «Традиционная музыкальная культура народов Центральной Азии» (Алматы, 5-7 мая 2009г.)
8. Бердибай А. О ритмической организации традиционных песен Западного Казахстана//«Известия НАН РК», серия филологическая, 2009, №3:

ПОКРОЙ КАЗАХСКИХ КОЛЬЧАТЫХ ПАНЦИРЕЙ XVII-XIX ВВ.

Бобров Л. А.

Лаборатория гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета

spsml@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4281.2012.6.

Судя по данным вещественных, изобразительных, письменных и фольклорных источников, панцири, сплетенные из железных колец, являлись основной разновидностью корпусного металлического защитного вооружения казахских воинов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Цифры говорят сами за себя. Из 93 доспехов, которые могут быть отнесены к защитному вооружению кочевников Дашт-и Кипчак XVII-XIX вв. 89 экз. представлены кольчатыми панцирями. Из 23 изображений казахских воинов в панцирях, выполненных европейскими, среднеазиатскими и цинскими художниками в 20 случаях изображены кольчуги. Кольчатые панцири (в российских документах XVII в. они фигурируют под названиями «кольчуга», «пансырь» и «байдана») абсолютно лидируют по числу упоминаний в сообщениях иностранных путешественников посещавших казахские степи в XVII-XIX вв. Так, например, тобольский «захребетный татарин» Теуш-мерген, совершивший поездку в 1691-1692 гг. во владения Тауке-хана отмечал в беседе с тобольскими чиновниками описывая вооружение туркестанского гарнизона: «...пушек нет, только де есть у тех людей, которые живут в городе, ружье, пищали, и копье, и луки, и пансыри, да и на базаре продают пансыри добрые рублев по 12 и по 13...» [История Казахстана..., 2005а, с. 405]. По информации А. К. Гейнса (1865 г.), казахские воины применяли доспехи «из железной сетки, которой нередко покрывали и лошадей» [Гейнс, 1897, с. 73]. Согласно данным поручика Я. Гавердовского (1803 г.) казахские воины использовали «сделанные из железных колец кольчуги или панцири и из железных листов плоские шапки» [Семенюк, 1969, с. 264]. Побывавший со своими коллегами в Западном и Северном Казахстане во второй половине 60- первой половине 70-х гг. XVIII в. И.П. Фальк отнес кольчатые «панцырные рубахи» к числу традиционного вооружения

казахских батыров: «...Некоторые воины (batur) выходят в строй в панцирных рубахах. В походе это- обыкновенно- предводители отрядов, их отличает наличие особого крылышка на шапке» [Прошлое Казахстана..., 1935, с. 189]. В кольчатые доспехи в первой половине XIX в. были облачены отборные воины хана Кенесары Касымова: «Красиво одетый в бархатный бешмет с «полковничьими эполетами» на плечах, с знаменщиком позади, сопутствуемый наездниками кольчужниками с длинными, колеблющимися пиками, Кенесары скакал впереди своих скопищ...» [Султаны Кенесары и Садык, 1889, Приложение, с. 5]. Панцири с кольчатой структурой бронирования известные в казахском фольклоре под названиями «кіреуке сауыт» («сетчатый панцирь»), «шығыршықты сауыт» («кольчатый панцирь») и др. [Ахметжан, 2007, с. 130] упоминаются в эпосе значительно чаще пластинчато-нашивных («берен»), кольчато-пластинчатых («бектер», «джавшан») и зеркальных («шар айна», «чар-айна») доспехов.

Кольчатые панцири традиционно привлекают внимание современных исследователей военного дела казахов. Кольчуги в казахском комплексе вооружения XVII-XVIII вв. были рассмотрены А.К. Кушкумбаевым и Ю.С. Худяковым [Кушкумбаев, 2001, с. 78, 79; Худяков, 2008, с. 398-399]. К. С. Ахметжан проанализировал большую серию кольчуг из центральных музейных собраний РК, выявил основные названия, применявшиеся для обозначения кольчатых панцирей в казахском эпосе [Ахметжан, 2005, с. 83; Ахметжан, 2007, с. 129-134]. Автором данной статьи рассмотрены некоторые аспекты конструкции и системы оформления кольчатых панцирей казахских и ойратских воинов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, 2003; Бобров, Худяков, 2008; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 132, 133].

Однако тема изучения казахского кольчатого доспеха далеко не исчерпана. Значительный интерес представляют кольчатые панцири из частных коллекций и региональных музейных собраний РК, а так же частных и музейных коллекций РФ, КНР, МНР, Узбекистана, США, ФРГ и др. стран. Большая часть этих панцирей до сих пор не опубликована. Открытым остается вопрос об источниках поступления кольчатых панцирей в войска кочевников Дашт-и Кипчак. Не выявлены особенности конструкции, оформления и покроя кольчатых панцирей казахов (и шире, воинов Средней Азии) по сравнению с их ближними и дальними соседями. Последней теме посвящена данная статья.

Анализ вещественных и изобразительных источников позволил выделить 4 основных типа покроя кольчатых панцирей воинов Дашт-и Кипчак XVII-XIX вв.

Кольчатая «рубaha» (рис. 1, 8). Самым популярным типом покроя казахских кольчатых панцирей была «рубaha» с коротким (до середины бедра) подолом, рукавами до локтя или до середины предплечья (59 экз.). Кольчуги снабжались разрезами на подоле (спереди и сзади), а так же на груди (9-30 см. и 18-27 см. соответственно). Первые служили для более комфортной посадки всадника в седле, вторые облегчали процесс одевания панциря (рис. 1, 8). Изредка, кольчатые панцири не имели подольных разрезов (5 экз.). В этом случае, кольчуга имела укороченный и/или расширяющийся книзу подол. Нагрудный разрез достаточно часто снабжался подполком, а при стягивании фиксировался кожаными ремешками, крючками или кольчатой цепочкой (рис. 1, 8a). Иногда одна из пол нагрудного разреза снабжалась специальной лопастью, к которой крепилась застежка. В застегнутом положении пола с лопастью целиком закрывала другую, образуя на нагрудной части панциря двойной слой брони (рис. 1, 8в). Частым добавлением к кольчужным «рубahaм» были стоячие и (значительно реже) отложные воротники (рис. 1, 8б, в). Вертикальное положение воротникам обеспечивали пропущенные сквозь ряды колец кожаные ремешки (рис. 1, 6). В большинстве случаев, стоячий воротник состоял из 3-5 рядов колец и имел вертикальный разрез в районе кадыка. Однако не редко встречались воротники со смещенным разрезом и специальной лопастью прикрывавшей горло (рис. 1, 8б, в). Стоячий воротник мог застегиваться на крючок, или стягиваться ремешками. Популярность кольчужных «рубaha» среди воинов позднесредневековой Евразии объяснялась тем, что данный покррой представлял собой оптимальное сочетание веса (большинство экземпляров- 5,3-9 кг.) и площади защитного покрытия (длина 63-90 см., ширина с рукавами 90-148 см., ширина в поясе: 58-72 см.). Панцирь прикрывал весь корпус воина, шею, верхнюю часть бедра, руки до локтя или до середины предплечья. Он не стеснял движений и неплохо защищал всадника в конной рубке. Не удивительно, что кольчужные «рубaha» в XVI-XVIII вв. имели широчайшее распространение от Северной Африки и Восточной Европы до Индии, Восточного Туркестана и Тибета.

Наряду с классическими кольчугами покроя «рубaha» с короткими рукавами и подолом, казахскими воинами применялись их усиленные аналоги. Так, некоторые экземпляры кольчатых «рубaha» снабжены длинными рукавами, доходящими до запястья. Другие имеют удлиненный подол, спускающийся до колен, или ниже. Однако оба эти варианта не получили широкого распространения в Дашт-и Кипчак. Среди собранных нами материалов они представлены 3 и 5 экз.

соответственно. Причина малой популярности длиннорукавных панцирей обусловлена достаточно широким распространением кованых створчатых наручей прикрывавших руку воина от локтя до кисти.

Кольчатая «куртка» (рис. 1, 9). Вторым по популярности типом кольчатых панцирей казахских кочевников был панцирь, скроенный в виде распашной куртки с рукавами до локтя или до середины предплечья и подолом до середины бедра или до колен (12 экз.). Главные отличия от панцирей покроя «рубaha» заключались в наличии сплошного осевого разреза и, часто, удлиненного подола. В боевом положении разрез стягивался и фиксировался кожаными ремешками или железными крючками. Подобный покрой не характерен для Центральной Азии (Монголии, Тибета и Южной Сибири) и применялся в основном в «Мусульманском мире», Корею и, отчасти, в Китае.

Кольчатый «жилет» (рис. 1, 10). Самой легкой разновидностью кольчатых панцирей казахских батыров был безрукавный «жилет» защищавший грудь и спину воина (5 экз.). Панцирь не имел рукавов и сколько-нибудь длинного подола и обычно носился в комплекте со стеганым доспехом покроя «халат» или «куртка» («каттау», «чопкут», «олбок» и др.). Последний, мог одеваться как поверх кольчуги, так и под нее. Для облегчения одевания панциря на стеганый «чопкут» или поддоспешник «жилеты» разрезались на правом (реже левом) боку и, иногда, плече. В отличие от большинства других типов кольчатых доспехов, «жилеты» практически никогда не снабжались стоячим воротником. Основными потребителями таких панцирей были наименее обеспеченные латники. В Западной, Средней и Южной Азии панцири данного типа покроя практически не применялись, зато они были весьма популярны в Центральной Азии и Южной Сибири, где они фактически играли роль корпусного усилителя «мягкого» (стеганого на вате) доспеха.

Кольчатый «халат» (рис. 1, 11). Самой тяжелой разновидностью кольчатых панцирей казахских воинов были «халаты» со сплошным осевым разрезом и длинным (ниже колен) подолом. Кольчужные «халаты» имели рукава, спускавшиеся ниже локтя и, часто, стоячий панцирный воротник. Для повышения эластичности, «халаты» снабжались специальным крестцовым разрезом от края подола до поясницы. Данный тип панциря обеспечивал наибольшую защиту корпуса воина, однако отличался значительным весом (до 18 и более кг.), 40-50 % которого приходилась на подол, и стоил значительно дороже «рубah» и «курток». Во время скачки панцирный подол не редко съезжал вбок обнажая колено. Не удивительно, что применение

кольчужных «халатов» носило ограниченный характер. Приобрести их могли только состоятельные воины, а последние предпочитали защищать нижние конечности компактными отдельно надевавшимися кольчато-пластинчатыми набедренниками «дызлык-бутлук». В рассматриваемой серии кольчужные «халаты» представлены 4 экземплярами. Схожие доспехи применяли номады Центральной Азии и Южной Сибири. В Турции, Иране и Индии панцирные «халаты» широкого распространения не получили.

Выводы. Проанализированные материалы свидетельствуют, что на протяжении XVII- первой половины XIX вв. кольчатые панцири продолжали оставаться самой популярной разновидностью металлической защиты корпуса казахских воинов. По разнообразию типов покроя кольчатых панцирей среднеазиатская паноплия практически не уступала своим османским, российским, иранским и индийским аналогам и превосходила, по этому показателю, панцирные комплексы ойратов, монголов, кочевников Южной Сибири и тибетцев. Как и в оружейных комплексах народов Западной и Южной Азии основным типами покроя кольчатых доспехов в Средней Азии и Дашт-и Кипчак были покроем «рубаша» (с рукавами до локтя или середины предплечья и коротким подолом) и покроем «куртка» со сплошным осевым разрезом. Характерным элементом панцирного комплекса казахов по сравнению с народами Мавераннахра, Западной и Южной Азии было применение легких кольчатых панцирей покроя «жилет» носившихся в комплекте с «мягким» стеганым доспехом, а так же кольчатых «халатов» с длинным подолом. Кольчатые «жилеты» и «халаты» не были популярны среди воинов «Мусульманского мира», зато применялись ойратами и народами Южной Сибири. Таким образом, казахский кольчатый доспех сочетал в себе типы покроя характерные, как для «Мусульманского мира» («рубаша», «куртка»), так и для номадов Центральной Азии («жилет», «халат»).

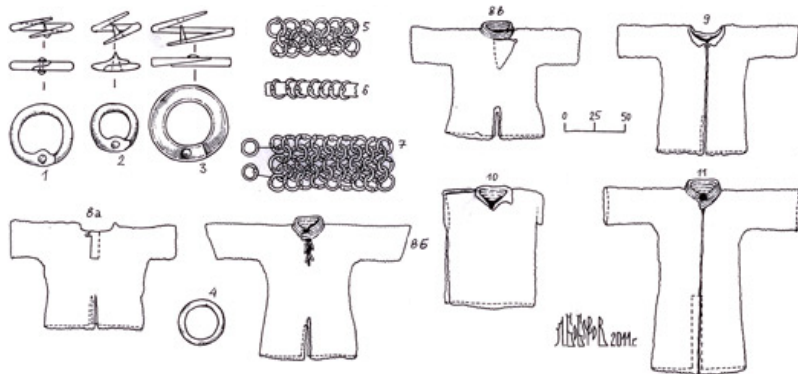

Рисунок 1. Кольчатые панцири казахов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени: основные разновидности колец (1-4), способов бронирования (5-7) и покроя кольчатых панцирей (8-11).

1. «Кольчужное» кольцо с креплением на гвоздь.
2. «Пансырное» кольцо с креплением на шип.
3. «Байданное» (плоское) кольцо с креплением на шип.
4. Сварное/цельносеченое кольцо.
5. Элемент кольчатой брони из клепаных колец.
6. Элемент кожаной полосы стоячего воротника с клепаными кольцами.
7. Элемент кольчатой брони из чередующихся клепаных и цельных (сварных или цельносеченых) колец.
8. Покрой «рубаха» с нагрудными и подольными разрезами: а). Кольчатая «рубаха» с нагрудным разрезом с подполком; б). Кольчатая «рубаха» с прямым нагрудным разрезом и стоячим воротником; в). Кольчатая «рубаха» с нагрудным разрезом с лопастью и стоячим воротником.
9. Покрой «куртка» со сплошным осевым разрезом.
10. Покрой «жилет» с боковым разрезом.
11. Покрой «халат» со сплошным осевым разрезом и стоячим воротником.

Литература

1. Ахметжан, К. С. Боевые доспехи в традиционной системе вооружения казахов // *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул, 2005: Изд-во Алт. Гос. Ун-та. С. 82-86.
2. Ахметжан К. *Этнография традиционного вооружения казахов*. Алматы: «Алматыкитап», 2007. 216 с.

3. Бобров, Л. А. О путях «вестернизации» азиатского доспеха в Позднем Средневековье и в Новое время (XV-XVIII вв.) // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2003. Т. 2. Вып. 3 : Археология и этнография. С. 79-88.
4. Бобров, Л. А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учеб. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.
5. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV- первая половина XVIII вв.). СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
6. Гейнс, А. К. Киргиз-кайсаки. Собр. лит. тр. СПб., 1897. 412 с.
7. История Казахстана в русских источниках XV-XVII вв. Т. 1. Посольские материалы Русского государства XV- XVII в. Алматы : Дайк-Пресс, 2005а. 702 с.
8. Кушкumbaев А. К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 172.
9. Прошлое Казахстана в источниках и материалах V-XVIII вв. М.; Алма-Ата : Наука, 1935. 272 с.
10. Семенюк, Г. И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов XVII-XIX вв. // Вопросы военной истории России XVIII - первой половины XIX в. М.: Наука, 1969. С. 263-272.
11. Султаны Кенесара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисарина. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е.Т. Смирновым. Ташкент, 1889. 131 с.
12. Худяков Ю.С. Военное дело казахов в позднее Средневековье// Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: Акционерное общество «АБДИ Компани», 2008. С. 398-399.

**ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ: ПИСЬМА Н.Ф.
КАТАНОВА В. В. РАДЛОВУ (КОНЕЦ Х1Х - НАЧ. ХХ ВВ.)**

Валеев Р. М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

valeev200655@mail.ru

Великий сын хакасского народа, выпускник восточного факультета С.-Петербургского университета (1888), зав. кафедрой турецко-татарской словесности, профессор Казанского университета Н.Ф.Катанов (1894-1922) – один из ярких национальных ученых и мыслителей российской науки, образования и культуры. Его жизненный путь и деятельность отражают важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения, в том числе тюркологии рубежа Х1Х – ХХ вв.

Этапы его творческой биографии и огромное научное наследие для нас представляются интересным, ярким, поучительным, трагическим.

Н.Ф. Катанов со студенческих лет в Петербурге (1884-1888), основных периодов экспедиции в Южной Сибири и Восточном Туркестане (1889-1892) и преподавательской работы в Казани (1894-1922) был тесно связан со своим учителем и наставником В. В. Радловым.

Биографы Н. Ф. Катанова справедливо отметили роль академика В. В. Радлова в изучении студентом Н. Катановым в 1885-1888 гг. общетюркской фонетики.

Профессор Казанского университета Н. Ф. Катанов в 1909 г., оценивая роль своих первых наставников, писал: «Н. М. Ядринцев вдохновлял меня к исследованию быта и истории инородцев, Г. Н. Потанин – к записям произведений народного творчества по строго определенной системе с целью выяснения общих мотивов и черт и заимствований, В. В. Радлов наставлял к точной записи произведений словесности с целью определения так сказать родства и свойства разных инородческих наречий и языков, а Э. Ю. Петри убеждал в необходимости предварительного изучения европейских авторов, писавших об инородцах»[1].

Как известно в истории отечественной тюркологии Казань и Санкт-Петербург сыграли исключительную роль. Наследие и взаимоотношения В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова наиболее ярко взаимосвязаны и эти центры российской тюркологии сыграли важную роль в их творческих биографиях.

В выступлении хочу обратить внимание только на некоторые забытые и неизвестные страницы истории российской тюркологии и связей двух известных тюркологов XIX – нач. XX вв.

Символичными представляются события, связанные с приглашением В.В. Радлова на преподавательскую работу в Казанский университет в 70-80-х гг. XIX в.

В январе 1871 г. Н.И. Ильминский зачитал доклад на историко-филологическом факультете, в котором обосновал необходимость приглашения В.В. Радлова «на имеющуюся в Казанском университете вакансию одного из положенных по штату двоих преподавателей восточных языков»[2]. Основная часть доклада был посвящена описанию научных поездок В.В. Радлова по Алтаю (1860), Восточной киргизской степи (1862), Хакасии (1863) и Семиречью (1868-1869) и оценке его основных лингвистических, фольклорных, этнографических работ.

В начале 80-х гг. XIX в. в связи с возрождением востоковедческих кафедр Казанского университета – угро-финской и турецко-татарской филологии профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ также предложил пригласить В. В. Радлова на преподавательскую работу. Возглавить кафедру «языков тюркских» Казанского университета И.А. Бодуэн де Куртенэ предложил В.В. Радлову, который в казанский период научной и административной деятельности занимал пост инспектора татарских, башкирских и киргизских (точнее, казахских) школ Казанского учебного округа. В.В. Радлов согласился перейти в университет в марте 1883 г., заявив И.А. Бодуэну де Куртенэ, что «его побуждает к этому главным образом желание, освободившись от разных занятий чисто административного характера, совершенно отвлекающих его от науки, посвятить себя всецело своей специальности, а в частности, кроме преподавательской деятельности, постепенной окончательной обработке и изданию собранных им материалов и основанных на них трудов»[3]. Только избрание В.В. Радлова ординарным академиком по литературе и истории азиатских народов (июнь 1884 г.) не позволило осуществить перспективные учебные и научно-организационные мероприятия в университете по преподаванию тюркских языков.

Значительный период в истории казанской университетской тюркологии 90-х гг. XIX – первых двух десятилетий XX вв. связан с педагогической и научной деятельностью ученика В. В. Радлова и выдающегося востоковеда-мыслителя, просветителя Н.Ф. Катанова, возглавлявшего кафедру турецко-татарской филологии Казанского университета с 1894 г. на протяжении почти 30 лет. С его именем

олицетворяется развитие российской тюркологии на рубеже двух веков.

Истоки творческого пути Н. Ф. Катанова в отечественную тюркологию связаны с ролью и влиянием В. В. Радлова. Об этом ярко показывают события в научной биографии Н. Ф. Катанова и его письма своему наставнику в конце XIX – нач. XX вв.

В целом многообразное эпистолярное наследие Н.Ф Катанова значима в истории отечественной тюркологии. Первые письма, которые он начал писать своим наставникам, друзьям и коллегам, датируются 1884 г. Переписка продолжалась до его смерти в 1922 г.

Письма дают возможность осветить и оценить многие значимые события творческой биографии Н. Ф. Катанова, которые оставались долгие годы вне поля зрения многих исследователей, изучавших жизненный путь студента, путешественника и профессора Катанова Н. Ф.

Их них мы узнаем, например, что отсутствие в Казанском университете и Казанской духовной академии полноценных условий для изучения восточных языков предопределило окончательное решение Н. Ф. Катанова поехать поступать на восточный факультет Санкт-Петербургского университета. [4] В принятии этого решения важную роль сыграли первые наставники будущего ученого Н.И. Ильминский и В.В. Радлов.

Важным рубежом жизненного и профессионального пути Н. Ф. Катанова в российскую тюркологию после окончания восточного факультета Санкт-Петербургского университета в 1888 г. стало научное путешествие в 1889-1892 гг. в Центральную Азию с целью изучения языков и этнографии тюркских народов, организованная и поддержанная Русским географическим обществом (образован в 1845 г.), Петербургской Академией наук и Министерством народного просвещения.

Истоки организации данного путешествия связаны с обсуждением записки В. В. Радлова о перспективности «исследования остатков тюркских племен на крайнем Востоке» на заседании отделения этнографии императорского русского географического общества 11 декабря 1887 г. под председательством В. И. Ламанского. Именно В. В. Радлов рекомендовал студента IV курса восточного факультета С.-Петербургского университета Н. Катанова как «наиболее подготовленного и более способного лица для исполнения вышеупомянутого предприятия».

Особый интерес представляют опубликованные письма Н. Ф. Катанова В. В. Радлову в период этого научного путешествия. В. В. Радлов 18 сентября 1893 г. в своем предисловии к их изданию В.В.Радлов отмечал,

что в них «не мало сведений, новых и интересных для этнографии и тюркологии». Основоположник комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций среди тюркских народов Сибири второй половины XIX в. В.В.Радлов обращал внимание читателя на то, что письма его ученика «представляют особый интерес потому, что описаны на местах исследований и под свежим впечатлением».[5] Именно его ученику было суждено продолжить комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования в Центральной Азии в конце XIX в..

Также следует обратить пристальное внимание письмам Н. Ф. Катанова уже из Казани своему учителю В. В. Радлову в Санкт-Петербург. Они особенно интересны в сравнении с письмами Н. Ф. Катанова, написанные другим известным отечественным востоковедом – Розену В.Р. (1849-1908), Пекарскому Э.К. (1858-1934), Ольденбургу С. Ф. (1863-1934), Залеману К.Г. (1849-1916).

В целом письма Н. Ф. Катанова В. В. Радлову, которые сохранились в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, дают интересный материал о неизвестных страницах истории отечественной тюркологии, научных и личных связях отечественных ученых и заставляют задуматься о состоянии и перспективах российской тюркологии и культуры народов России рубежа XIX-XX вв.

Литература

1. См.: Катанов Н.Ф. Предания присаянских племён о прежних делах и людях.//Записки Русского географического общества. Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. – 1909. – Т. XXXIV. – С. 266.
2. Национальный архив Республики Татарстан. Ф.977. Оп. ИФФ. Д.897. Л.22.
3. Национальный архив Республики Татарстан. Ф.977. Оп. ИФФ. Д.1249. Л.3 об.
4. Покровский И.М. Памяти проф. Н.Ф.Катанова//Известия общества археологии, истории и этнографии. – 1928. – Т. XXXII. – Вып. 2. – С. 247.
5. См.: Письма Н.Ф.Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читано в заседании историко-филологического отделения 9-го января 1890 года. – СПб., 1893. – С.1.

К ТРАДИЦИЯМ И ЗАДАЧАМ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЮРОК ПОВОЛЖЬЯ

Викторин В. М.

Астраханский государственный университет, восточное отделение

victvic@mail.ru

Термин «этноконфессиональность» вошёл в научный узус в 70-90-е гг. XX в. Ранее эти явления описывались сходно, но иначе. Напомним: В.В. Радлов получил степень доктора философии, защитив в 1858 г. в Йенском университете диссертацию «О влиянии религии на народы Азии». И далее он внимательно изучал, помимо строго языковых проблем, скотоводческие ритуалы, этнографию и культ караимов, ранний уйгурский буддизм и мн. др.

Характерен и его термин «мифология и мирозерцание» (об алтайцах, 1882 - 83 гг.), раскрывающий специфику картины мира у представителей этносов и их субэтносов. Многие сделал В.В. Радлов для развития этнолингвистики Поволжья, работая в г. Казани (1872 - 84 гг.).

Этноконфессиональные вопросы Среднего и Нижнего Поволжья остаются увлекательными и малоизученными до сих пор. Здесь отмечаются реликты древнего булгаро - кыпчакского тенгрианства, поэтапные интенции иудаизма, христианства, ислама и буддизма - ламаизма.

Исторически наследие тюрко - хазарского караимства может быть прослежено лишь косвенно. Но интересны прежние тюркский буддизм Нижневолжья (кочевые казахи - «то(г)муты» рядом с калмыками, нач. XVII - конец XVIII вв.) - и «встречное» мусульманство части калмыков. Вплоть до современности (Кайбицкий р-н Татарстана) сохранено татарское «язычество» - тенгрианство («некрещёнство»), ранее бытовавшее ареалами по обоим берегам р. Волги. Как и совершенно аналогичное, даже связанное с данным явление в среде чувашей.

Особая сторона проблемы - взаимодействие ислама и христианства («старокрещенства» и «новокрещенства») у поволжских тюрков, начиная минимум с XVI в. Формы последствий более раннего, ордынского несторианства и православия (нач. с епархии в г. Сарае, 1261 г.), как и переходного христианства тюрков в Нижневолжье XVII в. («хешдэки» - Э. Челеби), пока под вопросом.

Тенденции в тех или иных случаях весьма различны. Православные -

кряшены с татарскими диалектами в Средневожье и Приуралье, их потомки в низовьях р. Волги сохранили значительную специфику, оформленную как «этническая» и «субэтническая». Но чаще быстро ассимилировались чуваша - мусульмане.

И нынешнее приоритетное направление для учёных - совместно и во многообразии источников выделить типологический ряд разных этноконфессиональных явлений в регионе Поволжья и этапы их распространения, основные вероятные пути дальнейшего развития.

ТЮРКСКИЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИК ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Галимьянова В.Р.

Башкирский государственный университет Нефтекамский филиал

venus0607@inbox.ru

Одним из компонентов социально-коммуникативных систем республик, входящих в состав Приволжского Федерального округа Российской Федерации, является тюркский компонент, состоящий из татарского, башкирского и чувашского компонентов. Каждый компонент является титульным языком и имеет статус республиканского государственного языка в пределах своего административно-территориального объединения (республики), кроме того, функционирует в качестве официального или регионального (фактически, а не юридически) на территориях иных республик в местах компактного проживания соответствующего этноса.

Социолингвистический подход к анализу функционирования языков предполагает учет разнообразных факторов с целью установления взаимозависимых элементов, влияющих на распределение языков в социально-коммуникативной системе каждой республики в отдельности, а затем и в системе нескольких республик, входящих в состав Федерального округа. Описывая языковое состояние республик, внимание уделяется этнодемографической, демографической и коммуникативной мощности языков. Ведущим или основным критерием оценки функциональной значимости языков является их коммуникативная мощность.

Социально-коммуникативные системы республик Приволжского Федерального округа РФ, если учесть юридический статус языков, являются бикомпонентными. Однако не все языки, функционирующие в республиках, получили юридический статус. Поэтому фактически эти системы являются поликомпонентными с различным соотношением входящих в их состав компонентов. Если сопоставить данные по этнодемографическому показателю, то выявится следующее: в тюркоязычных республиках сложились совершенно разные условия для

функционирования языков. Так, удельный вес титульного этноса в Республике Башкортостан составляет 73% от количества данного этноса в Российской Федерации и 30% от общей численности населения республики, в Республике Татарстан - 36% и 53%, в Чувашской Республике - 54% и 68% соответственно. Большая или меньшая часть титульного этноса сосредоточена в пределах своего административно-территориального объединения (республики) и находится в этнокультурном и этноязыковом окружении гетерогенного характера, что безусловно сказывается на функциональной нагрузке компонентов системы.

Демографическая мощь представлена следующими показателями: так, в Республике Башкортостан (при общей численности 4104336 человек - 100%) башкирским языком владеют 1056871 человек (26% от общей численности населения республики), татарским языком - 1396947(34%), чувашским языком - 98488 (2,4%). В Республике Татарстан (при общей численности 3779265 человек - 100%) башкирским языком владеют 11765 человек (0,3% от общей численности населения республики), татарским языком - 2014517(53%), чувашским языком - 119802(3%). В Чувашской Республике (при общей численности 1313754 человек - 100%) башкирским языком владеют 391 человек (0,03% от общей численности населения республики), татарским языком - 39968 (3%), чувашским языком - 797162(61%). В Республике Марий Эл (при общей численности 727979 человек - 100%) башкирским языком владеют 279 человек (0,04% от общей численности населения республики), татарским языком - 40632 (6%), чувашским языком - 5364(0,7%). В Республике Мордовия (при общей численности 888766 человек - 100%) башкирским языком владеют 125 человек (0,01% от общей численности населения республики), татарским языком - 43825 (5%), чувашским языком - 749 (0,08%). В Удмуртской Республике (при общей численности 1570316 человек - 100%) башкирским языком владеют 2839 человек (0,2% от общей численности населения республики), татарским языком - 89689 (6%), чувашским языком - 1741 (0,1%).

Тюркские языки функционируют и в республиках, где титульными языками являются финно-угорские языки. В местах компактного проживания тюркского населения языком преподавания в сельских общеобразовательных школах и языком печатных изданий в финно-угорскоязычных республиках являются языки местного населения (татарский, башкирский, чувашский). Распространен билингвизм и трилингвизм. Каждый язык распределен по сферам

общения, в зависимости от его коммуникативной значимости, доминирующим становится тот язык, который обладает широкой социальной базой. Часть объема коммуникации на тюркских языках представлена как в пределах, так и за пределами их административно-территориальных объединений. Поэтому коммуникативная мощь языков становится определяющей в вопросе его дальнейшего функционирования и развития. Таким образом, тюркский компонент социально-коммуникативных систем республик, входящих в состав Приволжского Федерального округа Российской Федерации, состоит из языков, находящихся в отношении функциональной дополнительности в зависимости от сфер общения.

Литература

1. Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2002 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>

О ФОНЕТИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ ИНТЕРЪЕКЦИОННЫХ ЕДИНИЦ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ.

Гильфанова А.Р.

АН РТ, ИЯЛИ

aisilushka@yandex.ru

Фонетическое оформление речи – это звуковая сторона речи, составляющая материальную ее основу, которая обеспечивает выражение и различение смысла. В качестве элементов фонетического оформления речи выделяют обычно фонемы, словесное ударение и интонацию. Правильное фонетическое оформление речи – необходимое условие внятности и благозвучности речи. Фонетическая характеристика каждой части речи в татарском языке является одним из особенностей каждого класса слов. Особый интерес в этом языке вызывает фонетическое оформление междометий, которое значительно отличается от других частей речи.

Проанализировав учебники, словари, справочники татарского языка, следует отметить, что освещение фонетического аспекта междометий является малоизученной темой. Но стоит отметить, что интеръекционные единицы в татарском языке имеют довольно длинную историю изучения и ведут свое происхождение от эмоциональных возгласов и звучаний, сопровождающих рефлексы организма на внешние раздражения. Именно «такие междометия нередко имеют специфический фонетический облик, т.е. содержат редкие или необычные для данного языка звуки и звукосочетания» [ЛЭС, 1990: 290].

В татарской грамматике фонологический аспект интеръекционных единиц татарского языка рассматривался Закиевым М.З., Ганиевым Ф.А., Зиннатуллиной К.З. и др. Характеризуя междометия, авторы писали, что эта часть речи отличается от других «... своей звуковой структурой и прежде всего – составом своих фонем и их функционированием. Наиболее часто встречающимися звукофонемами в исконных междометиях являются гласные *а, ә, и, у* и согласные *й, ф, х, һ*; реже используются в них гласные *ө, е* и согласные *б, п, т*; гласный *ү* и согласные *м, н, р, с, ж* встречаются лишь как редкое исключение (см.: *мә, на, тпрр, чү, жә*); совершенно не характерны для междометий гласные *ы, ө* и согласные *г, д, ж, з, к, җ, л, п, ң*» [Татарская грамматика,

1993: 363].

Многочисленные примеры подтверждают своеобразие звукового состава интеръективизмов: *и, ай, әй, аһ, ах, их, уф, уй-й, уф алла, һай, һәй, ай-яй, ай алла, әй ходай, и-и ходаем, о, у, ой, их, эх, ух, ну, һу, һуу, оһо, иһи, иһһи, бәй, аба, әһә, уһу, ура, абау, әбәү, и-и, о-о, ай-й, ай-ай, ай-яй, ай-ли, әй-й, ай-һай, харап, и ходаем, ходаем, ярлыкагыл, э, ә, һа, фи, фу, тфу, у-у, һа-һә, һе, һы, абай, ай-һай* и т.д. Например: *Йә, ярар инде шунда. Язуы танылса, житәр...* (Г.Камал). 'Ну, да ладно. Если почерк можно разобрать, этого будет достаточно...'; *Ягез, йә, иптәшләр, активрак булыгыз! Кемгә сүз бирдек?* (Ә. Еники). 'Ну, ну, товарищи, будьте активнее! Кому дали слово?'

Следует заметить, что в татарском языке существуют ряд интеръекционных единиц, который графически невозможно передать, ввиду его необычного звукового состава, поэтому такие междометия используют лишь в устной речи. Отметим, что некоторые интеръективизмы не отражаются на письме регулярным способом и семантически соответствуют глаголам 'пыфылдарга', 'фыркылдарга', 'тырылдарга' и т.д. При письменном обозначении этих глаголов в виде междометий используются окказиональные буквенные последовательности, лишь приблизительно отображающие фонетический облик интеръективизмов: 'пф', 'пуф', 'фф', 'т-р-р', 'трр': *Пуф... Житмеш тиенлек жиргә бер сум егерме тиен әрәм иткән бит! Пуф! Шунда бер-ике адым жиргә, Иван Фидрычка барырга иренгән бит! Пуф! Пуф...* (Г.Камал). 'Пуф... За землю стоимостью семдесят копеек потратил один рубль двадцать копеек! Пуф! К Ивану Федрычу один-два шага пройти поленился же! Пуф! Пуф...'

Междометия татарского языка также передаются регулярным способом, т.е. их звуковой состав соответствует графическому изображению: глаголу 'уфылдарга' семантически соответствует интеръективизм 'уф', 'ахылдарга' – 'ах', 'ихылдарга' – 'их'. Например: *Их, шул абыйга ияреп йорттан йортка пъяла куеп йөрисе иде!* (А.Гыйләжев). 'Эх, надо было с этим дядей ходить из дома в дом, устанавливая стекла!'

В татарском языке существуют междометия, которые произносятся закрытым ртом, употребляющиеся в речи со значением удивления, озадаченности, сожаления, боли, задумчивости, недоумения: *Ә, мм... алайса, беләсеңме нинди күпер ул?* (Г.Баширов). 'А, мм... тогда знаешь ли, что это за мост?'. Значения этих междометий зависят от интонации: если произнести интеръективизм 'мм' с восклицательной интонацией, то он приобретает значения удивления, боли; если использовать

повествовательную интонацию, то междометие имеет смысл задумчивости, недоумения, озадаченности; употребление вопросительной интонации при использовании этой части речи передает удивление, сожаление.

Татарская речь очень эмоциональна, что в свою очередь достигается употреблением междометий, которые являются словами, отражающие эмоциональное состояние или эмоционально-оценочное отношение говорящего к речевой ситуации. Именно в татарском языке все слова по произношению делятся на твердые и мягкие. Данный закон называется законом сингармонизма.

Следует обратить внимание на парное противопоставление по твердости-мягкости. Закон сингармонизма имеет большое значение, так как все слова, в том числе и интеръекционные единицы, подчиняются этому закону. Соответственно, практически все междометия имеют два варианта, твердый и мягкий. Например: 'ай' – 'әй', 'һы' – 'һе', 'абау' – 'әбәу', 'ай-й' – 'әй-й', 'һай' – 'һәй', 'ә-ә' – 'а-а' и т.д. Например: Әй, Фәрдәнә, синмени? Йөрсең туңып... (М.Әмир). 'Эй, Фирдана, ты ли это? Ходишь, мерзнешь...'; Ай, оныта ук язганмын, бикәң сине кереп чыксын эле дигән иде бит, йомышы бар шикелле... (Ә.Фәйзи). 'Ой, чуть не забыла, госпожа просила, чтобы ты зашел, вроде есть поручение...'

Помимо этого закона следует отметить тот факт, что междометия могут иметь признак "протяжности" звуков, что характерно для гласных звуков, которые связаны с изменением семантики интеръективизмов. Например: а! – удивление, радость; а-а-а! – боль, горе, озадаченность; ә! – удивление, радость; Ә-ә-ә! – испуг, сомнение, боль, тревога: Ә, ярар менә, барыр идең бугай, кара син аны, анда ялгыз гына кызлар карарга бармакчы була... (Г.Камал). 'А, вот и хорошо, так бы и пошел, посмотри-ка на него, вот и собирается пригласится к девчонкам беспарным...'; Ә-ә-ә, ачуың киләмени! Мәселманны мыскыл итеп йөрмәссез! (Г.Камал). 'А-а-а, обижаешься! Не будете ходить и мусульман унижать!'

Таким образом, фонетическое оформление интеръекционных единиц может быть выражено регулярным способом, т.е. их графическое изображение соответствует фонетическому оформлению, и нерегулярным, т.е. графически адекватная передача междометий является сложной задачей, ввиду их необычного звукового состава. Следует отметить, что в татарском языке функционируют междометия, которые употребляются лишь в устной речи, т.к. графически их невозможно передать.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 687 с.
2. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. – 397 с.
3. Галиуллина Г.Р. Татар теле. Лексикология. – Казан: Мәгариф, 2007.
4. Хисамова Ф.М. Татар теле морфологиясе. – Казан: Мәгариф, 2006.
5. Татарско-русский словарь. Ганиев Ф.А. – Казан: Инсан, 1997.

**ТАТАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК - РЕЗУЛЬТАТ
КОНСОЛИДАЦИИ БУЛГАРСКОГО И КАЗАНСКОГО ДИАЛЕКТОВ**

Закиев М.З.

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ

m.z.zakiev@mail.ru

Татарский литературный язык — результат консолидации
булгарского и казанского диалектов

Как доказывают конкретные исследования тюркских этнонимов методами лингвистической археологии, в Поволжье оставили свои следы многие древние тюркские племена, которые носили этнонимы на *ар/ур*, *сак/сака*, *ас-алан*, *сюн/хунны*, *бай/бек*, *мен/мин*. Все они жили здесь попеременно. Доминирующими становились то одни, то другие племена, доминирующие строили свои государства. Этноним доминирующего племени становился общим наименованием этих племен.

В самой глубокой древности в регионе Казани доминирующими племенами были сначала *ар/урские*, затем и скифские племена.

Археологи доказали, что в этих регионах еще в VIII – V вв. до н.э. существовали поселения, которые были основаны *косанами/касанами* 'белыми хуннами' и *усунями* (*ас+сюнами* 'асскими сюнами'). Результаты археологических исследований дают возможность утверждать, что Казань как столица племенного союза имеет возраст 2500 – 2700 лет. Поэтому не следует удивляться тому, что в первых европейских картах Казань обозначена значительно крупнее, чем Булгар.

С II или III в. н. э. в Среднем Поволжье доминирующее положение начинают занимать *биары/бекари* 'богатые', сородичи которых *барлы/барды/парды* 'богатые' (рус. *парфы/парфяне*) еще в III в. до н. э. на юге и юго-востоке Каспийского моря от Месопотамии до границ Индии создали сильное государство. В Урало-Поволжье племена *барды/барлы* сохранились на берегах Камы, а *биары/бекари* — на Средней Волге. Казанских татар удмурты до сих пор называют их словом *бигер* 'богатые'. Биары, по-видимому, уже с IV в. до н. э. создали государство *Биарм* 'Мой Биар' со столицей *Биляр*. Это государство имело тесные контакты и со скандинавскими странами. Вот почему его яркие неизгладимые следы сохранились именно в скандинавских источниках. [Закиев М.З., 2011, 20-25]

В конце VIII и начале IX в. н. э. западная часть государства Биарм (рус. Биармия, европ. Биармланд) постепенно переходит из рук биаров/бияров в руки усилившихся болгар. Восточная часть Биарм с центром Пермь (Биарм) и Чердынь постепенно переходит в руки русских, которые через христианизацию ассимилируют тюрков - биаров.

Примечание. Топоним Чердынь исторически восходит к этнониму Чердынь - тюрк. чырдюн/чыр-сюн 'красивые, достойные сюны/хуны'. В татарском языке чыр сохранился в слове чырсыз 'некрасивый, невзрачный', чередование [с] с [д] наблюдается и в морфологии сак - дак 'саки - даки'.

В Среднем Поволжье в какой-то степени имели политический вес тюркские племена сакалиба/сакалы бай, а.с.к.л./ассакалы (а не эсегель, как это пытались расшифровать четыре арабские буквы). Следовательно, среди населения Волжской Булгарии были племена сака-сака. На основе этого этнонима были образованы этнонимы кыусак/кыфсак/кыпчак, косак/казах, а в древности сакалы/сакады. Усеченный вариант слова сакады, т.е. скиды. Этот вариант дошел до современных ученых в трудах Геродота - греческого ученого 5 века до н.э. Интердентальный звук [д-th] в этнониме скиды в старорусском передавался звуком [ф], в результате чего тюркское сакалы/скиды в старорусском произносилось как скиф. Поэтому древнее государство, созданное народом, носившим этноним скиды/скиф, изучается как древнее скифское государство. Следовательно, среди населения Волжской Булгарии были и скифы, т.е. сакалиба/сакалы бай, ассакалы, родственные кусакам 'белым сакам', т.е. кыпчакам.

В период существования государств Биарм и Булгар в регионе косанов доминировали их древние соседи - сородичи ассюны/усуни 'асские сюны', которые были известны своим соседям и другим народам как асы. Эти асы в регионе Казани, в первой переписи населения, проведенной Русским правительством в 16 в., называли себя этнонимом суас 'речные асы', среди них были и буртасы 'асы, занимающиеся бортничеством'. Они были очень близки булгарам. Поэтому арабские путешественники сведения о булгарах смешивали со сведениями о буртасах [Заходер Б.Н., 1967, - С.23]

Можно предположить, что служба Батый Хана город Казань называла Аслы 'Асский'. Монголо-татарские завоеватели этот город разрушили до основания. (Вероятно, поэтому до сих пор не удалось найти развалины этого города недалеко от города Казани). Но асы (прежние косаны) наряду с булгарами и русскими оставались основными противниками монголо-татарских завоевателей. Поэтому после ряда

поражений батыевских войск (в 1223, 1229, 1232 годах) в 1235 году монголы созвали специальный курултай, как повествует персидский историк Джувейни, «относительно уничтожения и истребления остальных непокорных» где состоялось решение «завладеть странами Булгара, Асов и Руси, которые...не были еще покорены и гордились своей многочисленностью...» [Тизенгаузен В.Т., 1941, 23]. Действительно, в этом регионе реальной силой против Батыя были болгары, асы (косаны) и руси. О том, что эти сильные асы были именно косанские асы, мы можем судить и исходя из того, что к 1235 году другие асы Хорезма (хуарасм/суарасм) и Асхабада были уже давно покарены.

Но название *Косан\Казань* успело войти в язык русских и болгар, поэтому в период Золотой Орды оно стало опять активным названием города.

По сообщению древнегреческих историков, в Восточной Европе господствовали племена *сак/сака, сакады/скиды* (рус.*скифы*). Среди них в Поволжье доминировали *сюны/хунны*, а именно их разновидности *кусюны/кусяны/косаны* 'белые, светлые сюны/хуны', а также *усуни/ас-сюны* 'асские сюны'. Вспомним, во II в. до н.э. им удалось организовать решающий военный поход в Бактрию, в результате они освободили *бактров* 'илов, имеющих сады' от греческих завоевателей, насажденных туда А.Македонским. Естественно, и *саки (скифы)*, и *сюны* были тюркоязычными, точнее кыпчакоязычными. Ведь этноним *кыпчак* исторически восходит к корню *сак: кyu-сак>кыф-чак>кыпчак*. А *сюны/хунны* здесь всегда были кыпчакоязычными.

С I в. до н.э. до IV в.н.э. в Восточной Европе активизируются *асы-аланы, усуни/ас-сюны*, которые свое объединение называли *Сарматией*. Надо полагать, что в это время в этом регионе эти племена также были кыпчакоязычными.

В V-VIII вв. н.э. доминирующее положение переходит в руки *биаров* 'богатых иров'. Они создали самое богатое государство в Восточной Европе - *Биармию/Биармланд/Биарм* со столицей Биляр. Среди основного населения *Биарм* 'мой Биар' были, по-видимому, кыпчакоязычные тюрки (язык которых в Среднем Поволжье лег в основу среднего диалекта татарского языка), а также огузоязычные тюрки (язык которых в Среднем Поволжье лег в основу западного, т.е. мишарского, диалекта татарского языка). Это подтверждается тем, что на территории Биармии и сейчас живут как огузоязычные *мишари*, так и кыпчакоязычные *косаны*, а также *барды* (т.е. *бар-лы* 'богатые') - бардымские татары в Пермском крае, где и название города *Пермь*

восходит к названию государства *Биарм*.

Волжская Булгария была создана булгарами на западной части государства Биарм. Судя по тому, представители какого диалекта живут в центральных регионах Булгарии, можно заключить, что булгары говорили на мишарском диалекте, с особенностями огузских языков.

Суасы вокруг Казани общались на том же языке, на котором говорили *кусяне/косаны*, и говорят сейчас представители среднего диалекта татарского языка. Это мы наблюдаем в языковых особенностях жителей поселений, носящих в своих названиях этноним *ас*, как-то *Анас* 'старшие асы', *Дньбяз/Тъп ас* 'главные асы', *Олыяз/Олы ас* 'старшие или великие асы'.

Между булгарами-мишарями, с одной стороны, и косанами, - с другой, существовало, по-видимому, своеобразное легкое соперничество. Как уже было сказано выше, город *Казань* после гибели города Булгара (в 1361 г.), в связи с переносом туда столицы Булгарии, булгарами переименовывается в *Булгар*, вернее *Булгар ал Джадид* 'новый Булгар'. Очевидно там начали доминировать булгары-мишари, назвав г.Казань *Новым Булгаром*. Несмотря на претензии булгар-мишарей на доминирование, косанам удалось взять власть в свои руки, поэтому Казани было возвращено ее историческое название, и литературные нормы языка были основаны на казанском диалекте. Действительно, в период Булгарского государства литературные нормы имели огузо-мишарские особенности (напр., Язык «Кысса и Юсуф» Кул Гали), но в период Казанского ханства литературные нормы характеризуются особенностями языка кусянов/косанов.

В период доминирования косанов на их территории население носило название *косан/кошан/козан*. В составе Булгарского государства его население называлось *булгарами*. После завоевания их земель татарами Батыхана, булгары-мишари в Татарском государстве Джучиева улуса старались занять ведущее положение, поэтому им было выгодно называть себя *татами*. Тем более русские не только булгар и косанов, но и все восточные народы именовали словом *татар*. Так, с двух сторон - со стороны булгар-мишарей и русских - активизировалось применение этнонима *татар*. Таким образом, народ, сложенный из мишарей и косанов, постепенно согласился с общим названием *татары*. (Но необходимо всегда иметь в виду, что семантика этнонима *татар* этого периода резко отличается от семантики этнонима *татар* периода чингизовских агрессоров).

В настоящее время мы очень часто становимся свидетелями того, как интеллгененты-мишари, с одной стороны, считают себя татарами со

знаком качества, с другой, — говоря с гордостью, что они мишари, представителей среднего диалекта называют *татарами*. На самом деле представители среднего диалекта этноним *татар* приняли самыми последними. После завоевания Казанского ханства многие косаны, боясь христианизации, переселились в Башкирию, Сибирь, Кавказ, где они продолжали называть себя этнонимом *косан/козан/казанлы, казан кешесе*.

Что касается формирования татарского литературного языка из двух ведущих диалектов, то надо сказать, что в его лексическом составе и в синтаксическом строе преобладают особенности казанского (среднего) диалекта, а в морфологическом строе — особенности мишарского (западного) диалекта. Но в настоящее время эти структуры постепенно совершенствуются за счет обоих диалектов.

При принятии норм графики и орфографии предпочтение было отдано настойчивости представителей мишарского диалекта: не были обозначены присущими им буквами фонемы [къ] и [гъ] казанского диалекта. Все это было сделано в первые годы советской власти под предлогом того, что в русском языке эти звуки (къ, гъ) отсутствуют, в будущем они якобы выпадут и из татарского языка.

Представителями казанского диалекта удалось сохранить фонемы [къ] и [гъ] в орфоэпии, но здесь было отклонено казанское *жюканье* (*джюканье*) в пользу мишарского *юканья*. [ж] якобы также выпадет из языка как признак дикости. В результате среди аналогичных тюркских языков только в татарском нарушено соответствие между орфоэпией и орфографией. По-видимому, это было неизбежно в условиях соблюдения интересов представителей обоих диалектов.

Необходимо сказать о распространенности особенностей двух диалектов среди других тюркских языков. Казанский язык, т.е. средний диалект татарского языка, напоминает особенности казахского, башкирского, узбекского, киргизского, каракалпакского, нугайского, кумыкского, уйгурского, и др. языков кыпчакского типа, а болгарский (мишарский) язык имел особенности огузских языков, в состав которых входят турецкий, туркменский, азербайджанский и др. Во всех этих языках графика-орфография основана на их орфоэпических нормах.

П р и м е ч а н и е. Исходя из фактических данных, мы сейчас идентифицируем болгарский язык с мишарским диалектом. В середине и конце 60-х годов когда мы в ИЯЛИ КФ АН СССР и в КГПИ интенсивно занимались составлением академической грамматики татарского языка, которая была издана в 1966-67 годах — на татарском, а в 1969-71 годах на русском языке, тогда был поднят принципиальный вопрос об

особенностях языка предков современных татар, т.е. болгар. Известные языковеды Латыф Заляй, Вали Хангильдин, Халиф Курбатов и я решили считать, что болгарский язык имел особенности среднего диалекта. Это наше общее мнение нашло отражение во многих изданиях по татарскому языкознанию. Но в 80-х годах XX в., изучая этногенез предков современных татар, я пришел к выводу, что болгарский литературный язык имел особенности мишарского диалекта.

Литература

1. Закиев М.З. Этническими корнями тюрков были и племена, славившиеся богатством // ж-л «Алтаистика и тюркология». -Астана, №2, 2011г. -С.20-25.
2. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. -М., 1967. -212 с.
3. Тизенгаузен В.Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. -М.-Л., 1941.

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ В.В. РАДЛОВА, ИЗДАНИЕ В
КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД (1871-1884)**

Закирова Л.Н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

zakiri88@mail.ru

Василий Васильевич Радлов (1837-1918) представляет собой яркую страницу в отечественной и мировой науке. Он был тюркологом широкого профиля, ученым-универсалом, сочетающим в себе языковеда, литературоведа, этнографа, историка. Заслуга В.В. Радлова – яркого представителя плеяды востоковедов второй половины XIX – начала XX вв. – состоит в том, что он ввел в научный оборот огромный материал по тюркским языкам, исследовал и издал все главные рунические памятники и ряд памятников древнеуйгурской письменности. Становление сравнительно-исторического метода в изучении тюркских языков в России связано с именем этого крупнейшего ученого.

В тюркологической науке жизнь и деятельность В.В. Радлова в России делится на три периода: алтайский (1859-1871), казанский (1871-1884), петербургский (1884-1918). Алтайский период характеризуется собиранием и накоплением лингвистического, этнографического и фольклорного материала по тюркским народам Алтая и Западной Сибири. Казанский период жизни отмечен как период педагогической и административной деятельности. Самым разнообразным по тематике научных занятий и самым плодотворным по числу изданий считается петербургский период [4: 9; 1: 81]. Необходимо отметить, что круг интересов ученого был весьма широк и в казанский период: непосредственное участие в открытии русских классов в татарских мектебе и медресе, русско-татарских школ, учебных заведений для подготовки педагогических кадров; составление учебных планов, учебников и учебных пособий, грамматических трудов для татарских школ с применением новых методов зарубежных педагогов; занятия в Казанском лингвистическом кружке, организованном известным ученым И.А. Бодуэном де Куртене; участие в деятельности "Общества археологии, истории и этнографии" при Казанском университете; создание трудов по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков; систематизация и научная обработка огромного

материала, накопленного ученым на Алтае и в Западной Сибири. Данная статья посвящена изучению грамматических трудов В.В. Радлова, изданных в Казани.

“Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России. Часть I. Этимология” (1873) (далее “Грамматика”) вышла в свет в 1873 году в Казани, в типографии Казанского университета объемом в 114 страниц. Это первый в истории языкознания сборник правил по фонетике и морфологии русского языка, написанный для татарских школ с целью обучения татарских учащихся основам русского языка. Данный труд представляет собой первый образец сопоставительной грамматики, где грамматические категории русского языка описываются в сравнении с грамматическими категориями татарского языка непосредственно на татарском языке при помощи татарской грамматической терминологии, с привлечением в скобках уже имеющихся арабских лингвистических терминов.

На титульном листе “Грамматики” имеются следующие выходные данные: название книги на русском и татарском языках, дата и место издания, название издательства. В указании автора учебника допущена опечатка: напечатано “Анастасиев Андрей Иванович, действительный статский советник”, там же имеется подпись: “Радлов автор”. О том, что составителем сборника действительно является В.В. Радлов, свидетельствует наличие инициалов “В.Р.” под предисловием автора на третьей странице [5: 3]. В систематическом каталоге Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета указывается: “Автор установлен по “Каталогу книг, продающихся у Базулова” за 1873 и 1874 гг. Сост. В.И. Межловым. Стр. 202”. В списках хронологических трудов В.В. Радлова эта работа также указана [2: 264].

Книга открывается оглавлением, в котором четко изложено содержание “Грамматики”: количество и названия параграфов, нумерация их страниц. Далее следует предисловие автора, где указан адресат данного учебного пособия: “Составленная мною грамматика русского языка имеет целью быть учебником для татар восточной России вообще и в особенности для шакирдов мусульманских медрес” [5: предисловие]. Из предисловия также становится ясно, что при составлении данного учебника автор использовал грамматики А.В. Таппе, И. Николича, А.Х. Востокова, К.Г. Говорова, Н.И. Греча и др., а раздел “Глагол” является его собственным сочинением. Из татарских ученых В.В. Радлов назвал имена К. Насыри, М. Махмудова, Ш. Саинова, которым выразил благодарность за оказание ему помощи при написании правил на татарском языке и корректуры грамматики [5: предисловие].

“Грамматика” В.В. Радлова состоит из двух частей. Первая глава (стр. 1-12), название которой отсутствует, посвящена описанию фонетического строя русского языка и включает в себя 5 разделов: “Звуки и буквы” (стр. 1-3), “О слогах” (стр. 3-4), “Об особенностях некоторых букв” (стр. 4-10), “Переход согласных букв” (стр. 10-11), “О знаках” (стр. 11-12). Материал изложен в 35 параграфах в следующей последовательности: дано определение таким терминам, как “слово” и “буква”, затем указано количество букв в русском алфавите (35 букв), приведен сам алфавит. Необходимо отметить, что автор параллельно указал и арабские буквы. Далее В.В. Радлов дает сведения о буквах, о некоторых фонетических изменениях, которым они подвергаются. Заканчивается эта часть грамматики перечнем знаков препинания.

Вторая глава, которая называется “Этимология” (стр. 13-114), посвящена изучению частей речи и их грамматических категорий. Данный раздел книги состоит из 10 частей: “О частях речи вообще” (стр. 13-15), “Имя существительное” (стр. 16-33), “Имя прилагательное” (стр. 34-43), “Местоимение” (стр. 45-51), “Имя числительное” (стр. 52-58), “Глагол” (стр. 60-105), “Наречие” (стр. 106-109), “Предлог” (стр. 109-112), “Союз” (стр. 113), “Междометие” (стр. 114); всего 151 параграфов. В “Грамматике” В.В. Радлова большое место уделено изучению самостоятельных частей речи: дано полное определение имени существительному, имени прилагательному, имени числительному, местоимению, глаголу, наречию; указаны семантические разряды имени существительного, имени прилагательного, имени числительного, местоимения, наречия; подробно рассмотрены категории числа, рода и падежа имени существительного, степени сравнения имени прилагательного, категории склонения, времени, залога, вида глагола. Из служебных частей речи описаны предлоги, союзы и междометия, наиболее подробно представлены семантические разряды союза. Части речи охарактеризованы на основе лексико-семантического и морфологического принципов. Теоретические сведения объяснены на основе многочисленных примеров.

Своеобразна структура учебника: на половине страницы расположены правила русского языка, рядом на арабском шрифте эти же правила представлены на татарском языке. Автор подчеркнул, что по образцу методики западных педагогов, первоначально грамматика была составлена на татарском языке: “Что первоначальная грамматика чужого языка должна быть составлена на родном языке учеников, это всеобщее принятый принцип, и все грамматики немецкие, французские,

латинские и греческие, употребляемые в наших средних учебных заведениях, составлены по русски. Даже татары, вовсе не знаменитые педагоги, учат в медресах арабской этимологии по руководствам, составленным на татарском языке" [6: 99]. При переводе русских лингвистических терминов на татарский язык, он использовал лексику татарского языка, тем самым, стараясь избежать труднодоступных для татарских учащихся арабских заимствований [5: предисловие]. Для полного раскрытия содержания лингвистических терминов на татарском языке, в скобках планировалось указывать термины на исходном русском языке и арабские термины, употребляемые в грамматиках татарского языка. Однако автору показалось сомнительным, что грамматика русского языка, изложенная на татарском языке, будет полностью доступна татарским учащимся. В.В. Радловым было принято решение дословно перевести татарские тексты на русский язык [6: 99], которые нашли отражение в настоящей грамматике. Правила на татарском языке, в которых рядом с лингвистическими терминами представлены арабские термины, предназначались для шакирдов, углубленно изучивших арабскую грамматику. Правила, переведенные на русский язык, адресовались для учителей [6: 100].

Очень важно при рассмотрении этого вопроса высказывание Н.И. Ильминского по поводу лингвистической терминологии, использованной в учебнике: "Автор грамматики русского языка для татар составил свои термины из татарских или общеизвестных арабских слов, применительно к русским терминам. Это работа очень трудная и серьезная, и должна принести пользу... Терминология, придуманная автором для грамматики, может показаться для иных странною; но ведь и наша русская грамматическая терминология, если на нее посмотреть с точки прямого значения слов, довольно неуклюжа, и только в силу привычки с малолетства, мы не замечаем ее странности, вполне усвоивши себе условно приданное этим терминам техническое значение: и татары могут свыкнуться с такой же терминологией, лишь бы только они заинтересовались русской грамматикой." [3: 373]. Из статьи становится видно, что Н.И. Ильминский полностью поддерживал деятельность В.В. Радлова в области лингвистического терминотворчества, и считал, что употребленные в учебнике лингвистические термины на основе родного языка помогут усвоить татарским учащимся правила русского языка.

Однако другой оппонент В. Смирнов выступил с отрицательной рецензией на учебник. Подробно изучив грамматику В.В. Радлова, в статье "Несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ" рецензент приводит ряд примеров из учебника, которые,

по его мнению, доказывают, "что русский язык для г. В.Р., сочинившего "русскую грамматику для татар восточной России" столь чужд, как для этих татар, которых он взялся поучать русскому языку" [7: 21]. Отметив два положительных свойства грамматики: наличие воплощенной системности и многочисленных примеров на многочисленные правила [7: 9], автор критикует В.В. Радлова в том, что правила русского языка совершенно не понятны для учащихся [7: 10]. В. Смирнов был сторонником миссионерских идей, что ярко выражено в следующих строках: "... не мало живет у нас всяких инородцев, рассеянных преимущественно в восточных и юго-восточных пределах России... Не век же им жить особняком от первенствующего в государстве великорусского населения; надо же и им примкнуть к массе и перестать пестрить собою карту пространного Российского государства" [7: 1]; "... будущая культура наших инородцев возможна для них лишь под условием полного их слияния с русскою народностью" [7: 2]; "Не век же правительству нянчиться с инородцами, как с детьми, и всякое свое распоряжение, всякое мероприятие ... переводить на их языки" [7: 2] и т.д. Таким образом, В.Смирнов считал необходимым составление учебников лишь на русском языке, используя кириллицу, и главным критерием выделял то, чтобы правила русского языка были просты для механического заучивания. Грамматика В.В. Радлова не соответствовала таким критериям, поэтому получила отрицательную оценку со стороны В. Смирнова.

В ответной статье "Еще несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ", В.В. Радлов дал обоснованное объяснение каждому замечанию В. Смирнова, ссылаясь на особенности построения грамматики того или иного языка для иностранцев [6: 98-119]. Что касается использования букв русского алфавита для татарского письма, В.В. Радлов объяснил ситуацию следующим образом. Правописание на каком-нибудь языке чужим алфавитом возможно лишь тогда, когда данный алфавит приспособляется к звуковым законам данного языка. Русский алфавит полностью не передает всех звуков русского языка, в то же время, как и арабский алфавит не может отразить все звуки татарского. Однако и русские, и арабские буквы приспособлены к передаче звуков русского и татарского языка соответственно. Следовательно, употребление кириллицы для татарского языка будет возможным лишь тогда, когда в данный алфавит будут включены дополнительные буквы, отражающие особенности татарского языка, и созданы новые звуковые принципы, а именно, чтобы буквы для обозначения гласных звуков не имели отношения к предыдущему

согласному, что характерно для русской азбуки [6: 115]. Рассуждения автора дают основание полагать, что В.В. Радлов был не только хорошим педагогом, автором-составителем учебников для татарских школ, он являлся, в первую очередь, видным деятелем науки, ученым. В грамматических трудах В.В. Радлова, изданных в казанский период, ярко выражены идеи представителей Казанской лингвистической школы.

Таким образом, "Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России. Часть I. Этимология" (1873) В.В. Радлова занимает важное место в истории составления учебников для национальных школ, методики преподавания, обучения русскому языку как неродному. Труд представляет собой первый образец сопоставительной грамматики русского и татарского языков. Ценность книги заключается еще и в том, что в "Грамматике" использованы новые лингвистические термины, созданные автором на основе татарского языка, что дает возможность тщательного изучения становления и развития лингвистической терминологии татарского языкознания в целом.

Литература

1. Благова Г.Ф. Плеяда востоковедов-единомышленников в противостоянии новой и старой школ (первые десятилетия XX в.) / Г.Ф. Благова // Вопросы языкознания. - 2007. - № 1. - С. 75-102.
2. Дулина Н.А. Хронологический перечень трудов В.В.Радлова и литературы о нем / Н.А. Дулина // Тюркологический сборник-1971. - М.: Наука, 1972. - С. 261-279.
3. Ильминский Н. Новые учебные руководства для татар-магометан г. Радлова / Н.Ильминский // Журнал Министерства народного просвещения. - 1873. - Ч. 167 (май - июнь). - С. 370-374.
4. Кононов А.Н. В.В. Радлов и отечественная тюркология / А.Н.Кононов // Тюркологический сборник-1971. - М.: Наука, 1972. - С. 7-15.
5. Радлов В.В. Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России. Ч.1. Этимология / В.В.Радлов. - Казань: Тип. Казанского ун-та, 1873. - 114 с.
6. Радлов В.В. Еще несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ / В.В.Радлов // Отд. отд. из. Журнала Министерства народного просвещения. - 24 с.
7. Смирнов В. Несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ / В.Смирнов // Журнал Министерства народного просвещения. - 1877. - Ч. 189 (январь). - С. 1-25.

В.В.РАДЛОВ - ЛИНГВОМЕТОДИСТ

Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

zamalet@rambler.ru

Произнеся имя Василия Васильевича Радлова, мы в первую очередь представляем его деятельность и фундаментальные труды в области археологии, диалектографии, лексикографии, типологии языков, тюркской текстологии и филологии, этнографии и др. К сожалению, очень часто его деятельность в области образования и лингвистики остается в тени. Хочется в довольно краткой форме сделать небольшой обзор деятельности ученого в указанных направлениях.

Как известно, с 1872 г. начинается казанский период научно-педагогической деятельности В.В.Радлова. Именно в тот год он приступает в Казани к исполнению обязанностей инспектора по татарским, башкирским и киргизским школам. Период работы В.В.Радлова в данной должности известен тем, что в это время вводятся в медресе изучение русского языка (как иностранного языка в гимназиях), а также курсов арифметики, начала алгебры, геометрии и др. наук; в Казани (1876 г.) открывается Татарская учительская школа (далее - Учительская школа), призванная готовить учителей по светским предметам и русскому языку, и в последующем давшая много известных имен и прославивших данное учебное заведение и др.

В Учительской школе обучению русскому языку отводилось примерно 1/3 от общего количества часов. С 1881 г. данная дисциплина здесь преподается приват-доцентом Казанского университета В.А.Богородицким. Они вместе вели преподавательскую деятельность и занимались решением лингвистических проблем.

Работая в области лингвистики, В.В.Радлов внес огромный вклад в развитие методики обучения неродному языку. В своих публикациях он последовательно придерживается правила - при обучении неродному языку обязательно учитывать знания учащихся по родному языку. По его мнению, лишь «... та азбука годится для чтения, которая имеет определенную орфографию и не требует лишней догадливости читателя. ... Если мы желаем ввести русский язык как полезный для Татар предмет в их школы, то должны связать приобретенные учениками знания с теми знаниями, которые мы намерены им привить; если же мы

убедились, что татарские тексты, написанные арабским алфавитом, служат лучшим средством для первоначального введения нового предмета, то и нужно начать новое учение по этим книгам, и только впоследствии переходить к книгам русским ...» (Радлов, б.г.: с.116-117). В.В.Радлов убежден в том, что при обучении неродному языку необходимо стараться как можно больше прибегать к сравнению языковых фактов изучаемого языка с особенностями родного языка учащихся, «... потому что подобные сравнения легче всего объясняют правила чужаго языка. Если бы даже ученики начали изучать в наших школах и татарский язык, то и тут я не видел бы вреда» (Радлов, б.г.: с.113-114).

Большую роль в реализации названных принципов сыграла написанная им «Первая книга для чтения» (Радлов, 1874), состоящая из двух «отделений» и имеющая своей целью обучать детей-татар чтению на русском языке. В первом (с.1-46) предложены упражнения, направленные на отработку техники или внешней стороны чтения, а во втором (с.47-171) – сознательности и выразительности, т.е. внутренней стороны чтения.

В первое «отделение» В.В.Радловым включены упражнения, которые направлены на формирование навыков правильного послогового чтения. При этом очень важно, что автор отдельно выделяет основные типы слогов русского языка и рекомендует сначала отрабатывать их чтение, затем – слова, включающие именно эти слоги. Основные теоретические положения, связанные с этими проблемами, излагаются в «Грамматике русского языка, составленной для татар Восточной России» (Радлов, 1783).

Второе «отделение» вышеуказанной книги В.В.Радлова состоит из 95 текстов и стихотворений, объединенных в 11 тематических групп: «Школа», «Дом», «Домашние животные», «Сад и огород», «Деревня и город», «Поле», «Лес и луг», «Вода», «Земля», «Воздух и небо», «Человек». Все тексты, даже стихотворные, расположены в два столбика, один из которых напечатан русским, другой – арабским шрифтами.

Таким образом, работая в области методики обучения чтению, В.В.Радлов выявлял и выяснял: проблемы и формы проведения уроков чтения, на которых учащиеся одновременно усваивали бы орфографию и правильное произношение; затруднения, встречающиеся у татар при усвоении русского произношения и др. Эти вопросы изучались на научной основе и при этом широко использовались различные формы экспериментальной работы.

Литература

1. Радлов В.В. Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России. Часть I / В.В.Радлов. – Казань: Университетская типография, 1873. – 114 с.
2. Радлов В.В. Еще несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ / В.В.Радлов // Журнал министерства Народного Просвещения. Б.м., б.г. – С.98-119.
3. Радлов В.В. Первая книга для чтения / В.В.Радлов. – Казань: Университетская типография, 1874. – 171 с.

ПАССИОНАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ТЮРКСКОЙ ПЕЧАТИ

Исхаков Р.Л.

Уральский федеральный университет

rafa-iskhakov@yandex.ru

Возрождение тюркской периодической печати в конце XX – начале XXI века мы представляли в постмодернистской парадигме самоорганизации как фликкер-эффект[1].

Однако многие используемые подходы оказались сегодня недостаточными в анализе прессы. Требуются либо теоретические основания большей объясняющей силы, либо иные дополнительные основания. Мы исходим из того, что во второй половине XX века в науке произошли изменения, позволившие говорить о новом, постнеклассическом, этапе ее развития. Доктор философских наук В. С. Стёпин (Москва) выделил признаки постнеклассического этапа, в их числе - распространение междисциплинарных исследований и комплексных исследовательских программ, а также изменение самого объекта - открытые саморазвивающиеся системы.

Сегодня мы подошли к применению некоторых методов постнеклассической науки[2]. Таким стал один из оригинальных методов современного этапа научного знания - социоестественная история (СЕИ). СЕИ сопровождается сегодня расширением эпистемологического горизонта.

Научные методы и подходы целесообразно соединять по общенаучному принципу - принципу дополнительности. Мы предлагаем в качестве принципа дополнительности теорию пассионарности Л. Н. Гумилева. Пассионарность, являясь характеристикой поведения и психики, понимается Гумилевым как активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели (часто - иллюзорной) и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради достижения этой цели[3]. Источник пассионарности (энергия) находится в природе, реализация пассионарности (энергоизбыточности) происходит в обществе. Гумилев уверен, что «Социальная и этническая история не подменяют друг друга, а дополняют наше представление о процессах, происходящих на поверхности Земли, где сочетаются "история природы и история людей"»[4].

Плодотворным в СЕИ являются исследования семипоколенных

социально-демографических макроциклов[5]. Поскольку в социоестественной истории речь идет об истории жизни народа – биологического и социального организма, то используемой единицей измерения времени может быть только смена поколений: в ходе смен поколений происходят генетические и ментальные изменения в жизни людей. Мы видим, что социоприродный организм – население и территория его проживания через каждые семь поколений проходит через два рода (типа) состояния: либо переломные (бифуркационные), либо – достижения относительной социально-экологической стабильности.

В течение ряда лет ученые, принадлежащие к научному направлению СЕИ, уделяют большое внимание выдвинутой ими гипотезы, согласно которой в обществе *роль генов выполняют основные ценности*.

Пассионарность как принцип дополнительности способствует формулированию пассионарного аспекта истории и теории журналистики. Пассионарная концепция позволяет исследователю непротиворечиво раскрыть эволюцию средств массовой информации (система лингвистических нарративов), которые в различных фазах самоорганизации этноса выполняют конкретную функциональную роль: младоэтническую (патриотическую), националистическую (государственническую) и постэтническую (гражданскую)[6].

Среди актуальных научных проблем теории нами в 2005 г. был назван феномен младоэтничности[7]. Всеобщая история этнической эмансипации знает несколько модусов младоэтнической динамики – “Молодая Италия” (1831 - 1848); “Молодая Германия” (1843 - 1850); “Молодая Польша” (с 1834 г.); “Молодая Ирландия” (1840 - 1848); “Молодая Англия” (1841 - 1848) [7, С. 530 - 534, 586 - 590]. В Европе, кроме того, известны «Молодая Бельгия» (*La Jeune Belgique*, 1881), младочехи, (*mlady čechy*, 1874-1918), в Азии – младоафганцы (начало XX века), «новые османлы» (*eniosmanliler*, 1865 - 1878) и младотурки, в Российской империи – «Молодая Польша» (*Młoda Polska*, 1834 - 36) , «Молодая Эстония» («Noor-Eesti», 1905 - 1915), младолатыши, младофинны, младобухарцы, младохивинцы, младотатары[8], младосартаки[9].

Младоэтничность имеет примордиалистский и обществоведческий аспекты. До этапа младоэтничности ведущим идентификатором этничности выдвигается верность *ареалу* расселения своего рода. Со времен Вестфальского мира 1648 г. территориальные границы государств считаются священными и неприкосновенными. На выходе из

младозтничного этапа развития этноса верность родине прочитывается как верность *отчизне* (традиционно-культурной области). Социальной формой ее артикуляции становится патриотизм[10]. В повременном издании «Светильник известий» выражался патриотический потенциал младоафганцев, в газетах «Narodny noviny», «Vecerny List», «Slovanske Lipu», «Obcanske Noviny» - младочехов, «Dzennik Narodowy», «Postep», «Kurier Lwowsky», «Rada Narodowa» - «Молодой Польши», «Muchbir» («Корреспондент»), «Hurriet» («Свобода»), «Bassiret» («Убеждение»), «Wakit» («Время»), «Ittihad» («Союз»), «Наkikat» («Правда»), «Mekteb» («Школа») - младотурков, «Таракии» («Прогресс»), «Хуршид» («Солнце»), «Асиё» («Азия»), «Тошкент шахри» («Город Ташкент»), «Тужжор» («Купец») - младобухарцев, «Петербургас авизес» - младолатышей. Рождение тюрко-мусульманской журналистики связывают с именем Исмаил-бея Гаспринского (1851 - 1914). Его знаменитая газета «Тарджиман» («Переводчик») с 1883 г. около двадцати лет была единственной мусульманской газетой в России. После революции 1905 г. начинается лихорадочная деятельность по изданию газет и журналов. Гаяз Исхаки вспоминает, что «в течение одного только года вышло более 50 наименований газет и журналов»[11]. До 1917 г. на территории России в разное время издавалось до 100 тюркских газет и журналов.

Младозтнический этап завершается моментом рождения внутри этноса идеи государственности[12]. Политическая ценностная ориентация тюрков (тюркизм) и тюркских СМИ может быть представлена идеей единого тюркского государства[13]. Еще В. И. Ленин отмечал, что тенденцией (стремлением) всякого национального движения является образование национальных государств. «Типичным, нормальным для капиталистического периода является, считал он, <...> национальное государство»[14]. Доктор исторических наук О. Н. Сенюткина (Нижний Новгород) проводит реконструкцию ценностных ориентаций исламских цивилизаций[15].

Государственность - специфический признак, которым отмечено историческое развитие этносов, которые сумели создать собственное государство или восстановить утраченное в силу различных причин, и идеология, общественная, политическая и культурная ориентация, направляющая страну на развитие государства, его защиту, совершенствование политической организации общества. В своё время мы показали, что роль этнической прессы возрастает в период зарождения[16], формирования[17] и развития идеи национальной государственности[18].

Например, история печати Австро-Венгрии иллюстрирует

включенность письменной культуры в нациестроительство [19]. «Газеты уже перестали довольствоваться скромной ролью вестника происшествий и приключений, - пишет Саломон. - <...> газеты стали носителями определенного политического мирозерцания - выразителями политических партий»[20]. Число венгерских газет с 10 в 1830 г. в революционные годы 1848-49 гг. достигло 80. Крупным влиянием пользовались пражские газеты «Prazsky Noviny», «Narodny Listy» (национально-либеральная), «Narodny Politika» (автономистская), «Cas» (богемской народной партии), «Hlas Naroda» (национально-консервативная), «Radikalis Listy», «Cech» (католически-польской партии), «Pravo Lidu» (социалистическая). С середины XIX века наблюдается зарождение словенской печати - «Slovenski Narod», «Slovenec», «Mir», «Slovenski Gospodar», «Cilli Domovina», «Edinost». Значительное оживление заметно в сербской печати, в начале XX века в Белграде издавалось 14 газет. Успешно развивалась газетная периодика в Румынии - появилось свыше двадцати газет. Национальный характер носили возникшие в 1848 гг. в Галиции польские газеты - «Dzennik Narodowy», «Postep», «Kurier Lwowsky», «Rada Narodowa», «Polska». Одновременно с поражением в Первой мировой войне Австро-Венгрия распалась (ноябрь 1918): на возникших новых геополитических пространствах появилась австрийская, венгерская, чешская, словацкая, сербская, хорватская, словенская, итальянская польская, русинская, румынская печать. Их функционирование уже связано с этатизацией этничности, националистическим этапом истории журналистики.

С конца 1960-х гг. появляются работы, в которых этничность рассматривается уже как разновидность политической организации[21]. Сегодня возникли призывы обратиться к категории «нация»[22]. Понятие нация для мусульман увязывается с такими терминами, как 1) "шааб" - народ, объединенный общностью территории, культуры и языка; 2) "кабиля" - племя, объединенное близостью родственных уз; 3) "умма" - община, большая группа людей, объединенных узами духовного родства и религиозного вероучения.

Американский политолог Д. Холинджер видит решение этой задачи в формировании *постэтнических наций* на основе космополитичной модели мультикультурализма[23]. В межэтнической коммуникации начала XXI века все активнее используется калька вошедшего из английской лексики слова «*Russian*» - россияне. Понятие «россияне» вошло в общественное сознание из политической риторики времен Б.Н. Ельцина.

Печать постэтнической нации России[24] - это пресса *россиян*, российского суперэтнуса. Суперэтнос, согласно Гумилеву, - этническая система, состоящая из нескольких этносов и противопоставляющая себя всем подобным целостностям. Суперэтнос - высший таксон этнической иерархии.

Формирование российской гражданской нации как перспективная цель была впервые сформулирована в 1994 г. в ежегодном послании Президента РФ Б. Н. Ельцина «Об укреплении Российского государства». В 2004 году Президент РФ В. В. Путин вернулся к дефиниции главного субъекта власти, политики и управления - понятий «российский народ» и «российская нация». Выступая в Чебоксарах на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений, он подчеркнул: «мы имеем все основания говорить о *российском народе как о единой нации*... Это наша историческая и сегодняшняя реальность». Российская национальная идея 1990-х гг. сегодня существует в виде двух социальных трендов - *деэтнизации политики* в становлении правовой государственности и *деполитизации этноса* в формировании гражданского общества.

Деэтнизация политики есть процесс утраты этнической традиции в политической практике, а также его результат. Деполитизация национальных отношений представляет отделение их от проблем политики. Их единство представляется как процесс формирования *постэтнических наций*.

Постэтническая идентификация включает в свою структуру: 1) признание себя гражданином России (частью общего); 2) признание государственного языка России родным; 3) признание «своего» субъекта федерации составной частью России; 4) признание единства России; 5) признание общей суперэтнической мифологии (истории) граждан России. «Национальная идентичность есть общеразделяемое представление гражданина о своей стране, ее народе и чувство принадлежности к ним, - считает член-корреспондент РАН В. А. Тишков (Москва), - <...> общество, прежде всего в лице интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Таковым может быть только *согражданство*, территориальное сообщество, т.е. *демос*, а не этническая группа...». Перепись населения 2002 г., как и первые итоги переписи 2010 года, показывают, что в стране сформировался «российский народ».

Экстраполируем критерии постэтничности на средства массовой информации. Московские газеты «Татарские новости» (1993),

«Караимские вести» (1994), «Ноев ковчег» (1997), махачкалинский еженедельник «Панорама Дагестана» (1998), уфимский журнал «Ватандаш» (1995), екатеринбургская газета «Уралтау» (1995) и др. своим рождением отметили появление нового типа изданий – прессы постэтнических наций. В 2007 году выпускалось, по нашим подсчетам, свыше 60 газет и журналов постэтнических наций. В теории этногенеза формирование постэтнических наций означает вхождение этноса в новый этап. Л. Н. Гумилев описал содержание постакматической фазы этногенеза термином «надлом» (А. Тойнби – термином «брейкдаун»). Предложенная нами концепция постэтничности не противоречит гумилевской теории этногенеза, адекватно отражает этнополитические реалии.

Поэтому в механизмах модернизации новой России необходимо учитывать тенденции формирования гражданской постэтнической нации в России. Метод компаративистики, который использовал В.В. Радлов, позволяет применить пассионарную концепцию в том числе и для написания истории печати народов России.

Литература

1. Исхаков Р.Л. Самоорганизация издательского дела в странах Содружества Независимых Государств / Редакторские чтения-2004. – Омск, 2004. С. 89-94.
2. Исхаков Р. Л. От этничности к постэтнической идентификации: Очерк эволюции тюркской печати в XX веке. - Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. С. 18;
3. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. – М.: Экспрос, 1993. С. 509.
4. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период – Ленинград: Наука (Ленинградское отделение), 1990. С. 45
5. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Семипоколенные циклы русской истории. Проблемы математической истории. Основания, информационные ресурсы, анализ данных / Отв. ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев – М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2008.С. 138-158.
6. Исхаков Р.Л. Эволюция этнической идентификации // Проблема идентичности российского социума в условиях глобализации: монография – Магнитогорск – Саарбрюкен : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. С. 116-130
7. Исхаков Р.Л. Исторические параллели младоэтнической прессы / Журналистика-2004. СМИ в многополярном мире. Сб. Материалов научно-практической конференции. Часть 1. – М.: Факультет

- журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005, с. 20 - 21.
8. Термин «младотатары» относят чаще всего к крымско-татарскому движению (*Hakan Kirimli. National Movements and National Identity Among the Crimean Tatars (1905 - 1916), 1996*)
 9. Младозтническое движение в Туркестане (*Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории, 1996, № 11 - 12*). Сартак - чингизид, третий правитель Улуса Джучи, сын Бату. После смерти Батыя (1255/1256) Сартак стал правителем Золотой Орды, побратимом Александра Невского (2, с. 382).
 10. Исхаков Р.Л. Исторические параллели младозтнической прессы / Журналистика-2004. СМИ в многополярном мире. Сб. Материалов научно-практической конференции. Часть 1. - М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005, с. 20 - 21.
 11. Исхаки, Гаяз. Идель-Урал. Набережные Челны, 1992. С. 33 (перевод наш - Р.И.).
 12. Исхаков Р.Л. Пресса и государственность: к вопросу о роли СМИ в легализации и легитимации государственности // Известия УрГУ. Серия 3. «Общественные науки». 2007, № 48, с. 79.
 13. Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (На материалах истории Российской империи 1905 - 1916 гг.): Монография - Нижний Новгород: Изд-во НЛГУ, Изд. дом «Медина», 2007. - 520 С.
 14. Ленин В.И. Полное собрание соч., 5 изд., т. 25, с. 259
 15. Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (На материалах истории Российской империи 1905 - 1916 гг.): Монография - Нижний Новгород: Изд-во НЛГУ, Изд. дом «Медина», 2007. С. 13 - 15
 16. Исхаков Р.Л. Исторические параллели младозтнической прессы /Журналистика в 2004 году. Средства массовой информации в многополярном мире: Сб. материалов научно-практической конференции. Москва, 2 - 5 февраля 2005 г. Ч. 1.- М.: Факультет журналистики МГУ, 2005, с. 20 - 21;
 17. Исхаков Р.Л. Национальная периодика и «валидовщина» (К вопросу о национально-государственном самосознании башкир) / Проблемы национальных отношений в России: Сб. статей Всероссийской науч.-практич. конференции 15 февраля 2007 года. - Магнитогорск - Челябинск, 2007, с. 89 - 94.
 18. Исхаков Р.Л. Пресса и государственность: к вопросу о роли СМИ в легализации и легитимации государственности // Известия Уральск. гос. ун-та. Сер. 3 «Общественные науки». Вып. 2. 2007, № 48, с. 79 - 86

19. Исхаков Р.Л. Пресса и нациестроительство в Австро-Венгрии // Австрия как культурный центр Европы. Мат. конференции (25-28 октября, ИФиП УрО РАН).- Екб., 2012 С.
20. Саломон Людвиг. Всеобщая история прессы // История печати: Антология: Т. 1 - М.: Аспект Пресс, 2002. С. 105 - 106.
21. Cohen, Introduction: Lesson of Ethnicity / Cohen A. (ed.) Urban Ethnicity L: Tavistock. 1969
22. Кузнецов А.М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе // Полис, 2007, № 6. С. 15.
23. Holinger D. Post-ethnic America: Beyond Multiculturalism. N.Y.: Basic Books, 1995.
24. Исхаков Р. Л. Пресса постэтнических наций // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 25/26. 2009, № 62, с. 184 - 188.

**МНОГОТОМНЫЙ ТРУД В.В.РАДЛОВА "ОПЫТ СЛОВАРЯ
ТЮРКСКИХ НАРЕЧИЙ"**

Исхакова А.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

alfia73@list.ru

Данная статья посвящена многотомному труду В.В.Радлова "Опыт словаря тюркских наречий". Как сказано во вступительной части первого тома: "Опыт словаря тюркских наречий" - итог полувековой работы выдающегося учёного, основателя отечественной школы тюркологии академика Василия Васильевича Радлова пользуется всеобщим признанием как единственное в своём роде богатейшее собрание лексики и фразеологии многочисленных живых и древних тюркских языков. Для своего времени труд В.В.Радлова был высшим достижением тюркской лексикографии как по обширности лексического материала, так и по строгой научности его систематизации и подачи в словаре». Несмотря на то, что после выхода последнего тома этого словаря прошло более ста лет, ценность его не стала менее значительной. Как известно, в 20-ые годы XX века выдвигались проекты переработки и пополнения словаря В.В.Радлова с учётом новейших достижений тюркской лексикологии и лексикографии, однако по разным причинам они, к счастью, не были осуществлены, что позволило сохранить этот труд именно в авторском варианте. "Опыт словаря тюркских наречий" был издан в четырёх томах с 1893 по 1911годы и уже давно стал библиографической редкостью. В предисловии к первому тому издания приводятся пояснения самого автора к истории написания словаря и его издания. По словам автора, « начало данному труду было положено в 1859 во время сбора произведений народного творчества тюркских наречий собственно Алтая, где он параллельно делал записи о лексическом материале наречий для облегчения понимания собранных текстов.» Поначалу это были наречия алтайских горных калмыков и телеутов. Постепенно в этот список вносились слова киргизского, кара - киргизского, тубинского, шорского наречий и наречий Таранчей и абаканских татар. У слов, общих для всех наречий, указывались все наречия, в которых они употреблялись с характерными для них звуковыми отклонениями. В результате словарь значительно возрос в объёме, что и побудило В.В.Радлова в 1864 году, будучи в

Санкт-Петербурге, представить академику А.А. Шифнеру рукопись словаря. Однако А.А. Шифнер вернул рукопись лишь в 1867 году с пожеланием изменить порядок букв. По предложенному А.А. Шифнером порядку после ы, і должны были следовать у, у, а после j буквы н, р, л. Именно такой порядок и принят в словаре, хотя, как откровенно признается сам В.В.Радлов, он не понял преимущества именно такого порядка букв, «однако А.А. Шифнеру предстояло проделать огромную корректорскую работу и противиться ему я не стал.» Во время редакции словаря В.В.Радлов внёс новый лексический материал из трудов Н.И.Ильминского («Материалы изучения киргизского наречия» Казань,1861г.), из списка слов, переданного ему Алтайскими миссионерами, из словаря иртышских наречий Гиганова (Словарь Российско-Татарский, г. Санкт - Петербург, 1804г.), а будучи в Казани из словаря Троянского (Словарь Татарского языка, г. Казань,1830г.), Каюма Насырова, Алтайской грамматики (Грамматика Алтайского языка, г.Казань, 1869г.), Джагатайских этюдов Вамбери (г. Лейпциг, 1867г.) и сравнительного словаря Будагова (Сравнительный словарь турецко- татарских наречий, г.Санкт - Петербург, 1869г.) Весь материал собирался на отдельных карточках и вносился в общий словарь. Некоторую незавершённость своего словаря, сам В.В.Радлов объясняет намерением изучить старейшие памятники Джагатайского и Османского литератур, почему и откладывалось издание этого словаря: «Однако друзья советовали поспешить с изданием данного словаря, справедливо убеждая меня о невозможности достижения полного совершенства. Именно этим и объясняется название этого труда «Опыт словаря тюркских наречий», который не имеет претензий на полноту, и заключает лишь то, что было мною изучено или почерпнуто из трудов моих предшественников.» Во вступительной части первого тома В.В.Радлов выражает большую признательность Н.И. Ильминскому (г.Казань), И.И.Козас (г.Симферополь), Л.В.Амирханианц (г. Оренбург), профессору Буденц (г.Будапешт), И.Кукош (г. Константинополь), барону В.Р.Розену и коллеге К.Г. Залеману(г.Санкт - Петербург), Вамбери (г.Будапешт), профессору Павэ де Куртель (г. Париж) «благодаря чьей помощи данный словарь выиграл в полноте и правильности». Как говорилось выше, в словаре принят алфавитный порядок, предложенный А.А. Шифнером. Порядок каждой словарной статьи следующий: сначала приводится само слово в транскрипции В.В.Радлова. Далее в скобках идут наречия, в которых встречается это слово, с указанием родственных и соответствующих слов всех других наречий, что, по-мнению самого В.В.Радлова, даст возможность проследить и отыскать

связь родственных форм. Особенностью словаря является то, что нумерация идёт не по страницам, а по отдельным столбцам. В самом начале первой части первого тома под заголовком "Буквы и их выговор" даются пояснения принятой транскрипции и фонетическая классификация каждой букве с указанием особенностей произношения этих звуков в каждом языке и наречии. В конце второй части каждого тома помещен алфавитный указатель тюркских слов, написанных арабскими буквами. Как поясняет сам В.В.Радлов, "дабы облегчить употребление "Опыта словаря тюркских наречий" при чтении текстов, писанных арабскими буквами, я выбрал встречающиеся в нем слова османского, джагатайского, казанского, тобольского наречий, а также помещенные в словаре арабские и персидские слова, и составил из них алфавитный указатель."

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ АРАБСКО - ТЮРКО-ТАТАРСКОГО СЛОВАРЯ XVI ВЕКА

Кадирова Э.Х.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

enge@inbox.ru

«Арабско - тюрко-татарский словарь» - рукописный лексикографический памятник был обнаружен известным татарским археологом С.Вахида в 1928 году в деревне Куюк Спасского кантона. Рукопись состоит из 294 страниц по 7 строк на странице. Список памятника в настоящее время хранится в отделе редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского. С.Вахида, описывая данный словарь, отмечает, что "объяснения арабских слов даны на южно-турецком (османском) языке" (Опись, 200). В 1965 году И.Авхадиев публикует статью «Арабско-тюркский словарь XVI века (1965)» и в дальнейшем данный словарь не был объектом специального изучения. Лишь в 2003 году мы в нескольких статьях затрагивали некоторые аспекты языка памятника (Кадирова 2003, 2004).

Двуязычные словари предназначались для того, чтобы облегчить толкование текстов. Использование их известно с древних времён. Исследование глоссариев имеет большое значение, так как дает основу для изучения лексических, фонетических и грамматических явлений старотатарского языка; дает возможность исследовать текст памятников того периода; показывает лексикографическое описание языка того времени.

В «Арабско - тюрко-татарском словаре» арабские слова пишутся горизонтально, а под ним и под наклоном - перевод на тюрко-татарский язык. Слова расположены в алфавитном порядке. Данный порядок относится не только к начальным буквам слов, но и к последующим. Есть предположение, что данный словарь - словарь к Корану.

«Арабско - тюрко-татарский словарь XVI века» содержит в себе значительные сведения по фонетике, морфологии татарского языка, а также богатый лексический материал. Лексику можно разбить на следующие тематические группы:

религиозные термины: кыйәмәт (16:6) 'страшный суд', кәфер пути (1326:6) 'идол', шәйтән (946:7) 'шайтан', намаз кылачак йир (92а:5)

'кибла', иртə намазы (94а:2) 'утренний намаз', фатиха сүрөсө (86а:5) 'сура Фатиха', йəстү намазы (64б:5) 'вечерний намаз', бəхшиш (34б:3), кəфəрлəр тажы (64б:3) 'крест', кəфəрлəр заһиды (99а:7) 'монах' и т.д.;

слова, связанные государственным устройством: бүлөк (90б:5) 'толпа, группа', хисар (97а:4) 'крепость', каум йыгыны (75б:1) 'народное собрание', йаг асмасы (75б:5) 'паланкин', хөкөм кази (96а:1) 'судья', шəһəр шаһы (53а:1) 'султан', бадишаһ (125а:1) 'правитель', и т. д.;

термины родства: ана (2а:6) 'мать', ата (136б:7) 'отец', асыл (132б:3) 'родство', гаурəтлəр (132б:3) 'женщины', кəленлəр (75:3) 'невесты', атасуз (142б:3) 'сирота', күйəгү (75а:3) 'жених', бөлүгү йакын улмыш углан 114б:6) 'юноша', угыл углы (78а:6) 'внук' и т. д.;

названия растений: ут (76б:4) 'трава, растение', арфа (58б:7) 'ячмень', сармашык (79б:3) 'шиповник', шəм агачы (975а:5) 'можжевелик', тару (33б:5) 'просо', карбуз (32б:7) 'арбуз', анар (43б:7) 'гранат', мержимек (74б:2) 'чечевица', хөрмө салкымы (74б:5) 'кисть', агач кабы (94б:6) 'кора', куз кабы (95а:6) 'скорлупа ореха', йабан суганы (81а:2) 'дикий лук', əзем (81а:2) 'виноград', арслан мишəсө (85а:3) 'лесная чаща', таш кабак (94б:1) 'тыква', богдай (90б:4) 'пшеница', сарлгак (90б:4) 'чеснок', сырмышык (103б:1) 'вьюнок';

названия частей тела: баш (39а:4) 'голова', дудак (59а:3) 'губа', быйык (56а:5) 'усы', тən кабы (56а:4) 'фигура', тəндə улан бигик (56а:4) 'родинка', колак йомшагы (57а:1) 'почка уха', күз (69б:4) 'глаз', талак (69а:4) 'селезенка', бойун (80б:5) 'шея', бугаз очы (85а:3) 'надгортанник', агыз (90а:6) 'рот', башның ике йагы (90б:7) 'висок', күкес очы (95б:3) 'грудная кость', аяк тубыгы (101б:3) 'лодышка', белək (102а:4) 'предплечье', дел (104а:6) 'язык', йөрək тамыры (137а:5) 'аорта', борун дەرөгө (137а:4) 'хрящ носа', кербек (140а:2) 'ресницы', дөрсək (113б:6) 'локоть', сакал (40а:4) 'борода', аяк (40б:3) 'нога', үкчө (78а:6) 'пятка' и др.;

названия явлений природы: көн тотылмак (101а:6) 'затмение', ужак йагмур (15а:3) 'мелкий дождь', болут (72а:7) 'туча', күлчөк (83а:2) 'лу́жа', күк гүрүлдəмək (42б:3) 'гром', күк йөзө (90а:4) 'небо', күк кенəре (1б:7) 'горизонт', кыш көнө ((56б:5) 'зимой', йаз көнө (42б:7) 'весной', йабан йире (90а:2) 'пустыня', йəй башы (55б:4) 'начало лета', таг дүлүгө (122а:4) 'пещера', күнəш (143б:2) 'солнце', бер йолдыз өчөнчө күкдə (77б:6) 'Меркурий', көлкө (75б:7) 'тень', көн тугачак йир (118а:6) 'восход', бозлык (109б:7) 'ледник в горах', су кабыржыгы (86а:6) 'пузыри на воде', шəрк вə гарəб (118а:4) 'восход и запад';

названия животных: арслан (140а:7) 'лев', йабан ишəгө (13б:1) 'дикий осел', йабан сыгырының дешесө (129б:1) 'дикая корова', дешө тай (129а:4)

'кобылка', ике йэшәр сыгыр (116б:3) 'двухлетняя корова', иркәк тай (129а:3) 'жеребенок', кийик бозагусы (95б:1) 'дитя дикого животного', маймун (94б:3) 'обезьяна', курт авазы (81а:5) 'вой волка', дешә таушан (79а:2) 'зайчиха', дешә бозагу (74а:1) 'теленочек', туңыз (31б:5) 'свинья', туңыз чәучагы (31б:5) 'поросенок', ат (32а:7) 'лошадь', кысырык (44а:1) 'кобыла', иркәк туңыз (78а:1) 'дикий кабан', айгур (87а:6) 'жеребец' и т. д.;

названия птиц: кәркәс (132б:6) 'орел', былбыл (981а:4) 'соловей', дешә күкәрчен (79а:2) 'голубь', йабан тавыгы (83б:5) 'цесарки', карка (83а:3) 'грач', козгун (83а:3) 'ворон', быгыртлык кошы (96б:1) 'куропатка', йабан күкүчәнә (142б:1) 'дикий голубь', сыгырчык (46б:5) 'скворец', сәржә (77а:6) 'маленькая птичка, воробей', турна (101а:3) 'журавль', кәлмәк (96б:5) 'сорока', ләкләк (105а:5) 'аист', и т. д.;

названия пищи: тәгам (83а:3) 'пища', йаг (36б:2) 'сало', эч йагы (57а:1) 'нутряное сало', йаг туртасы (101а:5) 'жмыхи', шарлаган йагы (61а:7) 'кунжутное масло', он (69а:4) 'мука', сөд (103б:5) 'молоко', серкә (124а:7) 'уксус', суилә кадышмыш сөд (113б:1) 'молоко, разбавленное водой', йогыр (39а:3) 'свернувшееся кислое молоко', тукмач ашы (102б:7) 'суп-лапша', шәкәр (52а:5) 'сахар', йогырду он вә камыр 'тесто', чекердексез үзүм (95а:7) 'кишмиш' и т.д.;

названия вещей домашнего обихода: калбур (83б:6) 'решето', казан (14б:2) 'котел', кашык (125б:3) 'ложка', чөләк (97а:6) 'кувшин, жван', фитил (86б:6) 'фитиль', агач келә (122а:5) 'замок', дәмүр келә (96б:6) 'висящий замок', култазак (133а:4) 'полотенце', арка йасдыгы (117б:3) 'подушка для спины', баш йасдыгы (112а:7) 'подушка', утуржык йасдык (116а:7) 'подушка для сиденья', шәрәб күбә (35б:7) 'кувшин для вина', көмеш табак (86б:4) 'серебряное блюдо', кәлхан (4а:3) 'печь, топка', ишек бусагасы (77а:7) 'порог', уклагу (56а:4) 'скалка' и т.д.;

названия орудий труда: көрәк (43а:2) 'лопата', камчы (55а:2) 'плеть, кнут', дәмүрчә күрәсә (102б:4) 'кузнечные меха', балта 'топор', балта сабы (142б:5) 'топорище', сабан (111а:5) 'плуг', тун (4б:7) 'одежда', күңлөк (50б:5) 'платье', (97б:6) 'рубашка, сорочка', йабынжык нәснә (60а:5) 'плащ', күглән тасмасы (57б:5) 'шнурок, ремешок', атлас (36б:6) 'шелк, парча' и т.д.;

прилагательные: жумард (53б:6) 'щедрый', сару (64а:2) 'желтый', кулай 'легкий', кору (142б:1) 'сухой', дөрән (80а:5) 'глубокий', арык (83а:1) 'худой', сәмиз (53б:2) 'толстый', йуган (73а:2) 'толстый, олу (124а:2) 'почитаемый, уважаемый', чүрүк (44а:2) 'гнилой', хәйләкәр (111б:3) 'хитрый', кызыл (6а:5) 'красный', йәшел (6б:5) 'зеленый', зийадә кызыл (6а:5) 'очень красный', сагыр (119б:7) 'глухой' и т.д.;

числительные: йитмеш (49б:1) 'семьдесят', йиде (49б:1) 'семь', йидеде бер (49б:1) 'седьмая часть', ун (76б:6) 'десять', унда бер (76б:6) 'десятая часть', йекерме (76б:5) 'двадцать', тукуз (101а:3) 'девять', бең (18а:2) 'тысяча', ике бең (18а:2) 'две тысячи', алтышар алтышар (117а:2) 'по шесть', икешәр икешәр (109а:6) 'по два' и т.д.;

наречия: йаланайак (7а:5) босиком, йаран вә таңлә (83а:2) 'утром', йөзә йөз (92а:4) 'лицом к лицу', бер берин (88а:2) 'по одиночке', чук (83б:7) 'много', элгәру (2б:7) 'давно' и т. д.;

глаголы: йазмак (17б:5) 'писать', агырламак (17б:5) 'уважать', сусамак (7а:5) 'испытывать жажду', очмак (75а:6) 'летать', галәбә әйләмәк (25б:5) 'одержать победу', һаләк итмәк (25б:5) 'убивать', йабышмак (96б:5) 'схватиться', детермәк (95а:6) 'дрожать', ырламак (44а:5) 'петь', агач декмәк (83б:5) 'сажать деревья', йунмак (84а:2) 'умываться', умак (88б:2) 'тереть', тулмак (90б:7) 'наполняться', үксүрмәк (92а:6) 'кашлять', курмак (92б:5) 'сохнуть', кәсмәк (95б:1) 'резать', космак (97а:3) 'отрывать', хәйлә әйләмәк (111б:3) 'хитрить', кире дүнмәк (114б:7) 'возвращаться', суймак (101б:2) 'сдирать' и т. д.;

Лексика, употребляемая в словаре XVI века, составляет древний пласт лексики. Данные слова в той или иной мере характерны для древне- и среднетюркских письменных памятников. Они широко употреблялись в старотатарских произведениях. Ныне эти слова входят в лексический состав татарского литературного языка или активно пользуются в говорах и диалектах.

В целом, словарь является ценнейшим и полезным материалом для изучения исторической лексикологии татарского языка «Арабско - тюрко-татарский словарь» представляет собой большой интерес в исследовании лексического состава языка своего времени.

Литература

1. Авхадиев И.Ш. Арабско-тюркский словарь XVI века// Вопросы татарского языкознания. Кн. 2-я. - Изд.- во Казан. ун.-та, 1965. - С. 343-357
2. Кадырова Э.Х. XVI гасыр гарәпчә - төрки-татарча сүзлекнең лексикасы // Актуальные вопросы татарского языкознания. Выпуск 2 - Казань: Фикер, 2003. - С.106-112.

**ТӨНЬЯК-КӨНЧЫГЫШ ТӨРКИ ТЕЛЛЭРДӘ ИЯРТҮЧЕ ТЕРКӘГЕЧЛЕ
БӘЙЛӘНЭШ**

Кириллова З. Н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт
филологии и искусств

zkirillova@yandex.ru

Күренекле тюрколог Н.А.Баскаков классификациясе буенча, төрки телләрнең төньяк-көнчыгыш, яки кыпчак төркеменә түбәндәге телләр керә: татар, башкорт, казах, каракалпак, ногай, караим, комык, карачай-балкар һәм кырым татарлары теле [2: 117-121]. Шулай ук үзбәк теленең кыпчак диалектына да бу төркем үзенчәлекләре хас. Төрле төрки телләрдәге ияртүче теркәгечләрне чагыштырып өйрәнгәндә, беренче авырлык өлгеге төркем бәйләүче чараларны билгеләү мәсьәләсендә барлыкка килә. Иң элек үзбездә туган телебезгә мөрәжәгать итик. Татар телендә ияртүче теркәгечләр синтаксик функцияләре буенча ике төркемгә туплап бирелә: 1) билгеле бер мәгънә мөнәсәбәтен белдерә торган теркәгечләр (сәбәп-нәтижә: *чөнки, ник дисән; шарт: әгәр, әгәрэнки; кире шарт: гәрчә; аныклаучы: ягъни, аеруча, бигрәк тә, башлыча, хәтта* һ.б.) һәм 2) берничә мәгънә мөнәсәбәтен бирүдә, ягъни төрле иярчен жөмлөләрне төзүдә катнаша торган теркәгечләр (*гүя, гүяки, әйтерсең, диярсең, ки*) [15: 335].

“Татар грамматикасы”ның III томында һәм М.З.Зәкиев хезмәтләрендә ияртүче теркәгечләргә *чөнки, гүя, ки, ягъни*; ә ияртүче теркәгеч сүзләргә *хәтта, хәер, юкса, бигрәк тә, аннан да бигрәк, әйтерсең, башкача, башкача әйткәндә, ул да түгел, җитмәсә, әйтәм (лә), аеруча, һәрхәлдә, димәк* бәйләүче чаралары кертелә [14: 359-363; 9: 257-259].

“Татар грамматикасы”ның II томында С.М.Ибраһимов тарафыннан ияртүче теркәгечләргә *чөнки, гүя, әгәр, әгәрэнки, гәрчә, ки, әйтерсең, диярсең, күрәсең, ул да түгел* сүзләре кертелә, ә *ягъни, мәсәлән, димәк, аеруча, башкача әйткәндә* һ.б. аныклаучы теркәгечләр дип санала; сорау алмашлыклары белән бирелгәннәре исә теркәгеч сүз дигән атама ала [13: 335-341].

Татар теле белән кыпчак-болгар төркемчәсенә берләшкән башкорт телендә ияртүче теркәгечләрнең 4 төркеме аерып чыгарыла: шарт (*әгәр, әгәр зә, әгәр зә мәгәр*), сәбәп (*сөнки*), чагыштыру (окшатыу) (*гүйә, гүйәки*), нәтижә (һөзөмтә) (*хәтта, шуга, шуга ла, шуга күрә, шуның өсөн,*

шунлыктан, шуның һөзөмтәһендә, шул аркала, шулай булгас). Ки теркәгече искергән сүзләр рәтенә кертелә, хәзерге башкорт әдәби телендә аның сирәк кулланылуы билгеләнә [8: 346-348]. Күренгәнчә, башкорт телендә шарт, сәбәп яки чагыштыру теркәгечләре дип билгеләнгән бәйләүче чаралар нигездә татар телендәге теркәгечләр белән тәңгәл килә, ә нәтижә теркәгечләре дип аерып чыгарылганнарының зур күпчелеге исә татар тел белемендә мөнәсәбәтле сүзгә кертәп тикшерелә.

Башкорт телендә генә түгел, башка кыпчак телләрендә дә ияртүче теркәгеч дип билгеләнгән бәйләүче чараларның күбесе хәзерге татар тел гыйлемендә мөнәсәбәтле сүз буларак билгеләнә. Мәсәлән, казах телендә – *сондыктан, сол себепті, сол үшін, сонан соң, онан соң, соған карамастан* һ.б. [5: 160-167]; ногай телендә – *соның үшін, соннан себеп, оннан соң, сол арада, ол заманда* һ.б. [10: 295-296]; караим телендә – *анын үчүн/анын ицин, бунун үчүн/бунун ицин* [11: 324], кырым татарлары телендә – *шуның ичүн, оның ичүн, шундан себеп* [3: 23] һ.б.

Тикшерелгән телләрдә мөнәсәбәтле сүз дип билгеләргә мөмкин булган әлеге бәйләүче чараларны аерып алганнан соң, ияртүче теркәгечләр төркемчәсе бик нык кими. Барлык кыпчак телләре өчен дә уртак ияртүче теркәгеч итеп *эгер/эгер* бәйләүче чарасын күрсәтергә мөмкин. Бары караим телендә генә ул хикәя фигурасындагы хәбәр белән кулланылып, иярчен шарт жөмлө төзүдә төп рольне үти ала дип күрсәтелә. Мәсәлән: *Эгер башында адамның кагат – адамба талашыр. Шулу вакытта эгер теркәгече караим телендә –са, -сей формалы шарт фигурасы белән дә килергә мөмкин: ...эгер ачыхсей, өтмәктән тоярсын* [12: 94].

Кыпчак-ногай төркемчәсенә кергән казах, каракалпак һәм ногай телләре өчен уртак ияртүче теркәгечләр – *өйткени, себеби, неге десе(ң)* сәбәп мөнәсәбәтен белдерү өчен хезмәт итәләр. Мәсәлән, казах телендә бер мисал: *Алдагы жерден кудык табылар деп өзиңди жубатудың кереги жок, өйткени биз кала салгалы жүргенибиз жок* [5: 161]. Ногай телендә: *Ол көңилсиз кайтты, себеби атшабыста аты бәриниң де ызында калды* [10: 295]. Каракалпак телендә: *Күнлер ашылды, өйткени бәхәр болду (Көннәр ачылды, чөнки яз килде)* [1: 522] һ.б.

Кыпчак-коман төркемчәсенә берләшкән караим, кырым татарлары, комык һәм карачай-балкар телләре өчен ки теркәгеченең активлыгы, теркәгеч сүзләренең күп кулланылуы хас. Мәсәлән, караим телендә ки теркәгече төрле иярчен жөмлөләрне баш жөмлөгә ияртүдә катнаша: *Эпкеледи ципце тавук исне, ки казба аны кылмады (сәбәп)* [12: 95].

Йохт буз, ки куйастан иримегей, йохт ацылык, ки замандан кемисмегей (аергыч) [12: 92]. Элеге мисалларда ки теркөгече иярчен жөмлө башында урын ала, бу яктан ул угыз-болгар төркөмчөсөнө кERGән гагауз теле белән уртаклык күрсәтә: *Вар о түрлү да инсаннар, ки азетмеерлар чок ишлемәә (Шундый кешеләр дә бар ки: күп эшләргә яратмыйлар)*. Ки теркөгече караим телендә шулай ук иярчен жөмлөдөгө теркөгеч сүзләр яки баш жөмлөдөгө мөнәсәбәтле сүзләр белән дә кулланылырга мөмкин. Мәсәлән: *Карайлар билдиләр бул тилни ол вахтны, качан ки татарлар ануз келмәдләр Крымга* [12: 94] һ.б.

Элеге төркөмчөгә кERGән комык телендә бары ике генә ияртүче теркөгеч күрсәтелә: *эгер (агер)* һәм чагыштыру мәгънәсендәгә *сайки* [7: 93]. Крым татарлары телендә исә, киресенчә, көньяк-көнбатыш, яки угыз төркөмөнә кертелгән төрек, азәрбайжан телләре белән уртак ияртүче теркөгечләр күзәтелә: *ки, чүнки, зера, эгер, санки, гүя* [3: 23]. Шулай ук Крымда яшәүче караимнар телендә дә, Украина яки Литвадагы кардәшләрәннән аермалы буларак, чүнки теркөгечекнең актив кулланылуы билгеле [12: 8].

Йомгак ясап әйткәндә, төрки телләрнең төньяк-көнчыгыш, яки кыпчак төркөмөнә кERGән телләрдә ияртүче теркөгечләр билгеләнү үзенчәлекләре ягыннан да, кулланылышлары буенча да шактый аерылалар. Төрки телләрнең чагыштырма-тарихи грамматикасында да, тикшерелгән телләрнең хезмәтләрәндә дә ияртүче теркөгечләргә хәзерге татар телендә мөнәсәбәтле сүз дип каралган бәйләүче чаралар да кертелә. Төньяк-көнчыгыш төрки телләрнең һәр өч төркөмчәсә ияртүче теркөгечләрне куллану үзенчәлекләре ягыннан уртаклык күрсәтә. Татар тел белемендә исә төп авырлык ияртүче теркөгечләрне һәм теркөгеч сүзләрне аеру мәсьәләсендә барлыкка килә. Татар грамматикасының ике томы арасында кискен каршылык булу татар тел белемендә ияртүче теркөгеч һәм теркөгеч сүзләрне төгәл билгеләргә мөмкинлек калдырмый, уку һәм укыту процессында да зур авырлыктар тудыра һәм бу мәсьәләдә уртак фикергә килүне таләп итә.

Литература

1. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т. II. Фонетика и морфология. Ч. I. - М.: Изд-во АН СССР, 1952. - 543 с.
2. Баскаков Н.А. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация / Н.А.Баскаков. - Ашхабад: Ылым, 1988. - 140 с.
3. Гаркавец А. Очерк крымскотатарской фонетики, морфологии и орфографии. http://www.gypchaq.unesco.kz/Turkic_Languages_Rus.htm

4. Грамматика современного башкирского литературного языка. - М.: Наука, 1981. - 495 с.
5. Демесинова Н.Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка. - Алма-Ата: Наука, 1974. - 171 с.
6. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. - М.-Л.: Наука, 1948. - 276 с.
7. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. - 205 с.
8. Зэйнуллин М.В. Хэзерге башкорт эзэби теле: Морфология /Югары укыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек/. - Өфө: БДУ, 2002. - 388 б.
9. Зәкиев М.З. Татар синтаксисы: Югары уку йортлары өчен д-лек. - Казан: Мәгариф, 2005. - 399 б.
10. Калмыкова С.А., Саруева М.Ф. Грамматика ногайского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. - Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1973. - 320 с.
11. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. - М.: Наука, 1964. - 344 с.
12. Мусаев К.М. Краткий грамматический очерк караимского языка. - М.: Наука, 1977. - 100 с.
13. Татар грамматикасы. Т. II. - М.: Инсан, Казан: Фикер, 2002. - 448 б.
14. Татар грамматикасы. Т. III. - М.: Инсан, Казан: Фикер, 1999. - 512 б.
15. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. - Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. - 397 с.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Кольчикова Н.Л.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

pollik21@mail.ru

Хакасское героическое сказание – один из самых разработанных жанров устного народного творчества, который пережил длительный процесс исторического становления. В героических сказаниях прослеживается влияние разных эпох их бытования – от времен мифической древности до событий угадываемого исторического прошлого. Хакасское героическое сказание – жанр, подчиняющийся общей эпической традиции, имеющий такие аналоги, как бурятские улигеры, якутские олонхо, русские былины и т.д. Эпос сибирских народов широко привлекается в общетеоретических исследованиях В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, В. Н. Путилова, анализируется в работах А. И. Уланова, С. С. Суразакова, Н. О. Шаракшиновой, Г. У. Эргис, Н. Емельянова, А. В. Кудиярова, в работах хакасских фольклористов Унгвицкой М. А., Майнагашевой В. Е., Троякова П. А. В. М. Жирмунский считает, что черты типологического сходства, основанного на общих закономерностях социального (в частности литературного) развития, выступают более наглядно в тех литературах, которые были относительно менее связаны между собой прямыми культурными взаимодействиями, поэтому « для установления такого закономерного сходства особенно поучительно сравнительно-историческое изучение литературы и фольклора народов Востока и Запада» [1, 109].

Для героического эпоса народов Сибири и Крайнего Севера, для русской былины общими признаками, определяющими их сходство, являются: близость содержания – борьба за высокие идеалы народа, которая носит общенациональный характер; и в хакасских героических сказаниях создается идеальная действительность и идеальные герои. Хакасские сказания основаны на художественном вымысле, хотя и имеют историческую почву, так как в них обобщен опыт исторического прошлого хакасского народа. Другая черта, общая для всех аналогов героического эпоса, заключается в том, что, как правило, все они предназначались не для чтения, а для музыкального исполнения. Так,

хакасские сказания исполнялись хайджи – сказителями под сопровождение чатхана – струнного музыкального инструмента с целью воодушевления слушателей, тем более, что исполнялись они во время торжественных событий – от похорон героя до рождения наследника. В отличие от русской былины хакасские героические сказания имеют стихотворную форму со своеобразным способом рифмовки – рифмуется не конец строки, а начало.

В современном литературоведении анализ жанрово-типологического своеобразия хакасского сказания включает такие проблемы, как: отношение сюжета сказания к исторической действительности, композиция и ее особенности, принципы создания образов эпических персонажей. Один из ведущих хакасских эпосоведов Трояков П. А. считает, что время создания хакасского героического эпоса соотносится с разложением родового строя и созданием ранних форм государственности. Как идеологическое и художественное явление, героические сказания возникают и формируются в условиях образования территориально-этнических объединений [302, 90]. Хакасский эпос хоть и ориентирован на историческое прошлое, но не содержит исторической интерпретации событий. Е. М. Мелетинский считает, что эпос народов Саяно-Алтая древнее гомеровской «Илиады», «Калевалы», «Манаса» и многих других памятников, и что этим определяется «огромная ценность эпического творчества тюркских народов Сибири не только для изучения истории культуры указанных народов, но и для исследования и развития самого героического эпоса [2, 255].

Хакасское героическое сказание теснее связано с мифом, в нем чаще используется прием фантастики. Так все героические сказания начинаются со стандартного зачина:

Это было, когда впервые земля сотворялась.

Иногда медь еще расплавленная разливалась,

И белоснежные вершины тасхылов только что вздымались

Описанная в зачине мифическая древность напрямую соотносится со временем эпического действия. Сюжет сказания, как правило, не имеет конкретной связи с историческими событиями, поэтому в нем отсутствуют географические, исторические, этноисторические ареалы, названия племен и т.д. Историко-генетическое изучение хакасского героического сказания позволяло исследователю прийти к следующему выводу: "Воспевая подвиги богатырей, сказители создают свою эпическую модель жизни, условную и идеализированную с той мерой художественной фантазии,

которая выработалась в народной традиции"[3, 33]. В хакасском эпосе не дается изображение социальных конфликтов, отсутствует всестороннее изображение жизни народа, а повествование сосредоточено на изображении владений данного хана, ханского чурта и ему подвластного народа. В центре повествования судьба именно этого рода, где сюжет построен таким образом, что в нем описана судьба не одного богатыря, а двух-трех поколений богатырей. Типологической особенностью только хакасского эпоса является мотив чудесного рождения богатыря или богатырши в родовой скале. Рождение героев-защитников рода в скале, священной для всего рода – явное проявление родоплеменного культа предков. Хозяин священной горы является и могущественным покровителем героя, вместе с его исчезновением скала закрывается от людей и уходит под землю ("Алтын-Арыг", "Ай-Хуучин" и др.). В этом мотиве прослеживается тесная связь с мифом, с верованиями, господствовавшими на догосударственной, родоплеменной стадии развития общества.

Основа сюжета эпоса – описание биографии героя: его рождение, детство, героическое сватовство, борьба с иноплеменными врагами и демоническими персонажами. В хакасских сказаниях чаще всего богатыри сражаются с врагами, наделенными чертами исторических противников (например, Моол-хан), но в то же время обязательно присутствуют и демонические персонажи, наличие которых свидетельствует об архаическом пласте мотивов. У древних хакасов представление о трехмерности мира (верхний, средний, нижний) нашло отражение в героическом эпосе. К наиболее древним демоническим персонажам сказаний исследователи относят Куу-Иней, Юзут-Арх, которые восходят к древнейшей родо-племенной мифологии.

Композиция сказания, кроме композиции сюжета (однолинейного повествования о судьбе богатырского рода), включает такие уровни, как система содержательных и стилистических моделей – так называемые общие места (описание угощения, свадебного тоя, сборы в дорогу, седлание коня, богатырская поездка, единоборство с врагом); они переходят из сказания в сказание, являются устойчивыми формулами, их выбор зависит от сказителя; система замедлений (прием ретардации – утроенный мотив испытаний богатыря) и ускорений повествования, повторений (одно из типичных – по принципу бинарной оппозиции, в силу тяготения к единоначатию и закону сингармонизма). Завершающий слой композиции героического сказания – зачины и концовки, которые очерчивают пространственные и временные границы эпического мира.

Литература

1. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Л.:Художественная литература, 1962. -727 с.
2. Мелетинский Е.А. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература. 2000. – 470 с.
3. Трояков П. А. Героический эпос хакасов и проблемы изучения. Абакан: Кн. изд-во, 1991. – 320 с.
4. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. М.: Флинта: Наука, 1998. -400 с.
5. Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин/под ред. В. Е. Майногашевой. – Новосибирск: Наука, 1997. – 479 с.

**ФOLЬКЛОРНЫЙ СЮЖЕТ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ
СТИХОТВОРЕНИЯ «ВОДЯНАЯ» («ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕНЬ»)
ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ И БАШКИРСКАЯ СКАЗКА ПРИМОРЬЯ О
СУАНЕ**

Краюшкина Т.В.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН

kvtbp@yandex.ru

Изучение фольклорных сюжетов в произведениях художественной литературы – классическая и одновременно весьма актуальная проблема, находящаяся на стыке фольклористики и литературоведения. Как правило, за отправную точку берут некий фольклорный сюжет и исследуют, как он представлен (воспроизведен полностью или частично, насколько изменен) в текстах художественной литературы. Думается, что для обнаружения особенностей функционирования фольклорного сюжета любопытно будет прибегнуть к обратному порядку: сравнить художественное произведение, написанное на несколько десятилетий ранее, чем был зафиксирован текст устного народного творчества. Это будет полезно при выявлении фольклорных архетипов. Причем, первое и второе должны быть результатом творчества представителей родственных народов, проживающих на одной территории.

Не менее важная проблема – вхождение фольклорных сюжетов одного народа (в нашем случае – татарского), переосмысленных в художественном произведении, в сокровищницу литературы другого народа (русского) через перевод: какие фольклорные образы и мотивы отбираются переводчиком и почему это происходит. Для подобного анализа было выбрано стихотворение известного татарского поэта Габдуллы Тукая «Водяная» (в другом переводе – «Золотой гребень») (1908 г.) и сказка, записанная через 88 лет (в 1996 г.) в г. Владивосток от башкира, родившегося в г. Уфа, – Марата Рахимова (других данных об исполнителе нет). Сказка находится в архиве кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

В 1908 г. Габдулла Тукай написал стихотворение «Водяная». Нам доступны два перевода: Р. Бухараева и В. Думаевой-Валиевой (в статье они будут иногда обозначаться первым и вторым переводом). Перевод Р.

Бухараева не разделен на части, перевод же В. Думаевой-Валивой состоит из двух частей. Башкирская сказка называется «Суана» с пояснением, что Суана – это Мать воды.

В первых строках стихотворения сообщается о том, в какое время и где будет происходить событие. В переводе Р. Бухараева названа жаркая пора лета, местом действия выступает озеро. Далее безлично упоминается о том, чем занимаются в такую жару: *«В жаркую погоду любо в озере играть: /*

брызгаться, нырять, плескаться, плавать, воду лбом бодать!» [2]. Только после этого сообщается о главном герое – мальчике, от лица которого и будет далее вести повествование: *«Так резвился больше часа, – ничем теперь жара! / Но из озера, однако, вылезать пришла пора»* [2]. Сообщается о смене эмоций, которая происходит у главного героя, причина не называется: *«Что-то боязно мне стало – нет ведь рядом ни души»* [2]. В переводе В. Думаевой-Валивой информация о времени года отсутствует, но говорится о жаре и о времени суток: *«Жаркий день»* [3]. Местом действия тоже обозначен водоем, но не озеро, а речка, о главном герое сообщается сразу: *«На нашей речке я в воде и под водой, / Разбиваю воду в брызги, рассекаю головой»* [3]. Если в предыдущем варианте мальчик купается больше часа, то в этом варианте он находится в воде другое количество времени – *«до полутора часов»* [3]. Герой выходит из речки и одевается. И в переводе В. Думаевой-Валивой, как и в переводе Р. Бухараева, мальчик испытывает некую эмоцию, но эмоция определена не точно, а приблизительно: *«Словно боязно сегодня мне на речке одному»* [3]. В башкирской сказке, записанной в Приморье, отсутствует указание на время года, время суток уже иное – вечер, никаких дополнительных деталей, например, одежды мальчика, его эмоций, нет. Все уместается в одно предложение: *«Мальчик вечером пошел на озеро искупаться»* [1].

В первом переводе стихотворения говорится о том, что мальчик уже собрался идти домой, но, оглянувшись, увидел на мостках такую картину: *«<...> глядь! – там ведьма водяная ноги свесила с доски! / Золотым блестящим гребнем над зеркальной водой / космы ведьма продирает, прядью тешится седой»* [2]. Мальчик прячется за деревьями, он сильно напуган. Рисуеться, как изменилось его эмоциональное состояние. Если прежде говорилось о том, что герою стало боязно, то теперь от испуга он даже не может дышать: *«<...> зубы стиснул: и вздохнуть-то не могу»* [2]. Далее используется другое наименование Водяной: она называется чудом-юдом, это выводит персонажа за рамки тюркской мифологии (как, впрочем, и название

Водяной ведьмой). Видимо, это происходит из-за сложностей перевода. Водяная ныряет в озеро, упоминается следующая деталь, касающаяся локуса ее обитания: «<...> бултых! – нырнуло и ушло к себе на дно» [2]. Снова говорится о смене эмоционального состояния героя. В этот раз мальчик совладал со своим страхом: «Тут уж я собрался с духом, вышел из ливы густой <...>» [2]. Только сейчас герой увидел, что Водяная забыла на мостках золотой гребень: «Что ж, не зря кругом безлюдно: не зевай да не робей! / Гребень взял давай бог ноги! – пропустил в село скорей» [2].

В переводе В. Думаевой-Валивой также сообщается о том, что мальчик уже собрался уходить с водоема, когда оглянулся и увидел на мостках Водяную. Здесь не упоминается о том, сидя или стоя расчесывается Водяная. Благодаря несколько иначе подобранным словам, Водяная, судя по ее описанию, не столь опасна. Она седая, но расчесывает не космы, а спутанные волосы золотым гребнем. Только после этого рисуется эмоциональное состояние мальчика, кроме того, он прячется уже не за деревьями, а в кустах: «Обуял меня доселе не испытанный мной страх, / И, ни жив ни мёртв, в прибрежных притаился я кустах» [3]. Если в первом переводе говорились лишь о том, что Водяная причесалась, то во втором упоминается еще одна из черт ее внешности – косы: «Только косу завязала, расчесавши над водой, / Соскочила тут же в реку и исчезла с глаз долой» [3]. Мальчик осторожно выбирается из укрытия, крадет золотой гребень и быстро убегает.

В башкирской сказке Суана также появляется из воды и садится на доску. В тексте дается пояснение, для чего предназначена эта доска: на ней «<...> обычно стоят женщины и стирают белье» [1]. Разночтений с сюжетом стихотворения нет и далее: Суана расчесывает «свои седые волосы золотым гребнем» [1]. Если в стихотворении Водяная прыгает в воду, то в сказке она в нее заходит. В фольклорном тексте отсутствует и описание эмоционального состояния мальчика: он не боится Суаны и не прячется от нее. Суана оставила (а не забыла, как это было в стихотворных переводах) золотой гребень и отправилась купаться. «Пока она купалась, мальчик подошел к озеру, увидел золотой гребень и, обрадованный, побежал домой» [1]. В башкирской сказке опущена такая важная для развития сюжета деталь, как кража гребня. Т.е. действию увидел уже приписывается эта функция: увидел = украл.

Следующий эпизод фиксирует бегство мальчика от Водяной. Герой бежит так, что ничего кругом не замечает. Скорость его бега передана через физиологические ощущения: «Ничего вокруг не вижу и бегу я, и

бегу / как в огне горю, взмокаю, отдышаться не могу...» [2]. Оглянувшись, мальчик видит Водяную, которая несется следом за ним. Смена ощущений вновь передается через физиологию: *«Оглянулся я - и тотчас закачалось все кругом: / ах, злосчастье! - водяная вслед за мной бежит бегом!» [2].* Она не только бежит за героем, но еще и кричит. Ее вопль сначала обращен к каким-то третьим лицам, которые должны поймать мальчика, а затем и к самому герою: *«Голосит: «Держите вора! Стой, негодный, погоди! / Отдавай немедля гребень <...>» [2].* Любопытна следующая фраза. В ней используется самоидентификация персонажа. Водяная определяет себя не через принадлежность к группе мифологических персонажей, а через возрастную группу: *«<...> в грех старуху не вводи!» [2].* Но мальчик и не думает остановиться. Он бежит и тоже ждет помощи от каких-то третьих лиц: *«Я бегу - она вдогонку, я скорей - она вослед! / Что такое: как нарочно, никого в округе нет!» [2].* Так персонажи преодолевают расстояние от водного источника к селу. Только там мальчик получает помощь, но не от людей, а от домашних животных, которых, как оказалось, очень боится Водяная: *«Как залаяли на ведьму псы родимого села! / - Гав-гав-гав! - на всю деревню лаем свора залилась! / Испугалась водяная, восвояси подалась <...>» [2].*

Во втором переводе мальчик бежит, не разбирая дороги, за ним также мчится водяная, но здесь она называется *«матьер водяная» [3],* что имеет несколько иной смысл, чем в башкирской сказке, где персонаж именуется *матьерью воды.* Она угрожает мальчику, но в этом переводе отсутствует призыв о помощи к неким третьим лицам. Упоминается и такая деталь, как угроза герою кулаком: *«- Погоди, постой, грабитель! Ты зачем взял гребень мой? / Он не твой, отдай, не трогай гребешок мой золотой!» [3].* Если в переводе Р. Бухараева говорится о лае, которым собаки встречают Водяную, то в переводе В. Думаевой-Валивоей - о собачьем вое, но потом сразу же упоминается собачий лай. Видимо, налицо одна из трудностей перевода: *«Гав! да гав! без остановки, не прогнать и не унять, / Матьер водная с испугу повернула к речке вспять» [3].* В башкирской сказке описанные события укладываются всего в два предложения, но именно в ней объясняется, для чего именно Суане нужен ее гребень *«Гребень был волшебный, и Суана не могла вернуться в воду без этого гребня» [1].* Это объяснение отсутствует в стихотворных переводах. Мотив погони наличествует и в фольклорном тексте: *«Она всю дорогу гналась за ним и просила вернуть ей гребень» [1].*

В следующем эпизоде первого перевода повествуется о том, что

мальчик отдает гребень матери и обманывает ее, говоря, будто нашел его на обочине. Но материнское сердце не верит словам сына: «<...> но, казалось, сердце было не на месте у нее...» [2]. Солнце садится, мать и сын ложатся спать. Во втором переводе герой тоже вводит мать в заблуждение, сообщая, будто подобрал золотую гребенку, но место, где это произошло, не указывает. У матери в этом переводе возникают недобрые предчувствия, но описываются они другими словами: «Приняла она со страхом этот гребень у меня» [3]. И в башкирской сказке мальчик также отдает гребень матери, но он не обманывает ее, будто нашел его. Отсутствует и указание на отрицательные эмоции у матери, зато есть указание на то, что мать знает, кому именно принадлежит этот гребень (подобного мотива нет в обоих стихотворных переводах): «Но мальчик пришел домой, отдал гребень матери и сказал, что нашел его. Мать поняла, чей это гребень <...>» [1].

Финальный эпизод перевода Р. Бухараева начинается с того, что мальчик никак не может заснуть. В это время раздается стук в окно. Персонажи – мать и сын – по-разному реагирует на него: «Стук-стук-стук!» – внезапно слышу: это кто стучит в окно? / Но лежу я так блаженно, нехота мне вставать. / От ночного стука вздрогнув, поднялась с постели мать. / – Кто там в полночь колобродит! Тьма – не видно ничего!» [2]. Раздается голос водяной, которая объясняет причину своего появления: «– Водяная я, откройте! Где мой гребень золотой? / Знай, на озере сегодня вором стал сыночек твой!» [2]. Только после этого происходит смена эмоций у героя, он испугался и пытается спрятаться, как и тогда, на озере: «Тень ее в окошке лунном: накрываюсь с головой. / Ну, куда теперь деваться?! – весь дрожу я, боже мой!» [2]. Описывается такая деталь внешности Водяной: «<...> с головы ее ручьями влага чистая бежит...» [2]. Подобное описание – своеобразное подтверждение достоверности ее слов. Мать мальчика кидает ей гребень и закрывает окно. Затем, поняв, что опасность миновала, женщина начинает ругать сына: «Видит: больше нет напасти, и ругать меня давай! / Вот ругала, вот ругала, вот дала мне нагоняй» [2]. Стихотворение заканчивается словами: «С той-то взбучки материнской научился я добру. / Есть хозяин или нету – век чужого не беру» [2].

В переводе В. Думаевой-Валиевой говорится о том, что мальчик также не может заснуть. Кто-то начинает не стучать, а «щелкать» в окошко. Герой надеется, что эти щелчки прекратятся. Эмоциональное состояние сына подобно тому, что представлено в первом переводе, эмоциональное же состояние матери описано несколько иначе: «Так

*лежу себе недвижно и не думаю вставать, / На щелчки на эти снова
ото сна проснулась мать. / – Кто там тёмной ночью ходит?»* [3].
Водяная отвечает: «– Матерь водная здесь. Гребень отдавайте золотой,
/ У меня его на речке днём украл сыночек твой» [3]. Эмоциональное
состояние героя названо конкретно: ««Боже, – думаю, – что будет?» и
от страха весь дрожу» [3]. Непонятно, чего именно боится мальчик:
водяной, гнева матери или неизвестности. В этом переводе также
приводится характерная деталь внешности мифологического персонажа:
говорится о родниковой воде, струящейся с волос водяной. Мать
швыряет пропажу хозяйке. После этого очень сильно ругает сына за
воровство: «А когда волнение стихло и тревога того дня, / Как же мать
меня бранила! Как ругала мать меня!» [3]. Ее метод воспитания дал
прекрасный результат: «Но и я с тех пор к чужому не притронулся
рукой, / Без хозяина, лежит, мол, словно гребень золотой!» [3].

В башкирской сказке ситуация описана несколько иначе. В ней вовсе
отсутствует упоминание о каких-либо эмоциях матери и сына, не
говорится и о том, что Суана стучится в окно, не описывается ее
внешний вид. Лишь опосредованно дано понять, что Суана пришла к
дому, где живет мальчик: «<...> и, когда Суана попросила ее [мать
мальчика] отдать гребень, отдала его. Получив гребень назад, Суана
вернулась в озеро» [1]. Налицо другое – не пренебрежительное –
отношение матери к Суане: она не *кидает* и не *швыряет* гребень, а
отдает его Водяной матери. О наказании мальчика за воровство и о
результатах этого наказания не упоминается.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ позволяет
сделать ряд выводов. В двух переводах стихотворения Габдуллы Тукая и
в записанной в конце прошлого тысячелетия башкирской сказке
использована практически одинаковая сюжетная линия о Суане, что
позволяет говорить о сохранности архетипического сюжета как в
фольклорном тексте, так и в произведении художественной литературы.
Оба варианта стихотворения в основном совпадают, но при этом
различные переводы приписывают действующим лицам уникальные
черты, к которым можно отнести разнящиеся наименования
мифологического персонажа, описания Водяной, модели ее поведения,
эмоциональные состояния мальчика и его матери. В переводах
стихотворения представлены две системы мифологических персонажей:
татарская и славянская, вторая из них объясняется попыткой
переводчика обнаружить аналогию между персонажами тюркской и
славянской мифологий. Стихотворение более насыщено мелкими
детальными, чем башкирская сказка. Стихотворный перевод

эмоциональнее фольклорного текста, что находится в рамках специфики поэтического художественного и прозаического фольклорного текстов. Сказка очень сжато передает сюжетную линию, в ней нет ничего сверх необходимого. Подобная модель повествования характерна для прозаических фольклорных текстов, записанных в Приморье в конце XX в.

Литература

1. Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ. Фольклорные тексты. [Электронный ресурс]. 1996 г. П. 2. Т. 7. – 1 CD ROM. – Систем. требования : IBM-совместимый PC; MS DOS 6.0 и Windows 95.
2. http://gabdullatukay.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=462&Itemid=37 [Дата обращения: 5.02.2012 г.].
3. http://gabdullatukay.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=257&Itemid=37 [Дата обращения: 5.02.2012 г.]

ТЮРКСКАЯ СИНОНИМИЯ В ПОЭМЕ КУЛ ГАЛИ

Кузьмина Х.Х.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

shirmanx@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 11-14-16015а/В

Исследование синонимов и особенностей их употребления в средневековых литературных памятниках помогает понять процесс становления татарского литературного языка., т.к. одним из основных исторических путей образования синонимической парадигмы является скрещение говоров при образовании более крупных племенных диалектов либо при консолидации национального языка. В рассматриваемом периоде (XIII в.) в литературном (книжном) языке в силу генетических различий используемой синонимии широко представлено теснейшее соположение арабского, персидского, тюркского (огузского и кипчакского) синонимов, употребление их в одном словесном ряду. Исследования последних десятилетий по синонимии ориентированы на выявление когнитивно-функциональных моделей синонимических парадигм, базирующихся на принципах функционально-грамматического описания и призванные объяснить и прогнозировать выбор синонимичных средств с учетом коммуникативной интенции говорящего и языкового и неязыкового контекста речевого акта (знаний о мире, речевой ситуации и о языке). Собранный материал по синонимии помогает представить язык булгарских памятников в динамике функционирования и гибкости его стилового воплощения, что позволяет приблизиться к пониманию лексических потенциалов Поволжского литературного языка.

Средневековый литературный язык в своей сущности является уникальным явлением, т.к. имеет смешанный характер. Это прежде всего отражается в лексическом составе средневековых произведений, особенно в той его части, где автор употребляет близкие по значению, но разнодиалектные или разноязычные слова. По мнению некоторых ученых, синонимами являются лишь те слова, которые могут быть взаимозаменяемыми - так называемые дублеты. Однако в силу постоянного изменения лексики такие синонимические параллели недолговечны, с течением времени одно слово за счет активизации

другого выпадает из лексического оборота. В научной классификации их определяют как абсолютные. Более живучими являются ряд синонимов, где наблюдается небольшая семантическая дифференция смысловых оттенков - идеографические синонимы. В отличие от абсолютных, которые характеризуются стилистической направленностью, идеографических синонимов больше по количеству и служат они для более точной передачи смысла предложения.

В поэме XIII века "Кысса-и Йусуф" Кул Гали в качестве синонимов употреблены разноязычные и разнодиалектные варианты слов [1]. В данной статье рассмотрим примеры разнодиалектных синонимов. В некоторых работах по истории литературного языка (напр., в трудах Э.Н.Наджиба) [3] разнодиалектными считаются синонимы, отличающиеся лишь фонетическими признаками. Такие слова, как [idi] и [izi] - (бог, хозяин); [quzug] и [qujug] - (колодец) отнесены к разнодиалектным синонимам. Как нам кажется, такие слова правомернее было бы отнести к разнодиалектным фонетическим вариантам одного и того же тюркского слова, но синонимами они не являются. В данной работе фонетические варианты слов (например: [ulu] и [ulug] в качестве синонимов не рассматриваются. Примеры приводятся из текста печатного издания поэмы 1839 года (12-6: номер страницы, номер строки).

Итак, в поэме "Кысса-и Йусуф" наблюдаются следующие синонимические ряды:

[ačigla-, buša-] - в значении "рассердиться" .

[muni iŝitib ŧamgun jaulaq ačiglandüj] - (12-6); (Услышав это, Шамгун сильно разозлился)

[qardäŧläri qajra düŧib boŧar imdi] - (10-9); (Братья снова рассердились)

В современном татарском языке в слове пошу (растроиться) угадывается измененный фонетический вариант слова "buša-". По семантическому признаку эти синонимы можно назвать абсолютными, т.к. значение первого усиливается за счет употребления причастия [йаулак]- "очень". Лексема [ačigla-] относится к кыпчакской группе, лексема [buša-] - к огузской группе языков.

[ara-, istä-] употреблены в значении "искать".

[anlar äjdür ja baba čuq araduq] - (20-4); (Они говорят: "О, отец, мы много искали")

[unülabüz ol arada čuq istädük] - (20-4); (Мы вдесятером искали там)

Форма "araduq" активна для современного турецкого языка, а слово ista- в значении "искать" употребляется в мензелинском и старлетамакском говорах среднего диалекта татарского языка: бөхет

эстәү - "искать счастье"; белем эстәү- "добиваться знаний". В данном контексте эти синонимы являются абсолютными.

[aŋla-, uq-] в значении "понимать"

[mälik äjdür nä däjärsiz aŋlajurmän]- (27-15); (Малик говорит: "Все, что говорите, понимаю я")

[Jusuf birlä xəbärläşür sözin uqur] - (22-3); (Общается с Йусуфом, понимает его слово).

В татарском литературном языке употребляется лексема [anla-]. Есть большая вероятность того, что тюркское слово uq в значении "понял" и татарский глагол уку "читать" являются однокоренными.

[ajaq üb-; diz çük-; äl qauşur-] контекстуальные синонимы в значении "подчиниться, повиноваться".

[düşüb usuf ajaqın öpär imdi] - (35-6); (Слезая, целует Йусуфу ноги теперь)

[dizin çüküb хезмätinä äl quşurdı] - (35-7); (Согнув колени, скрестил руки)

В поэме употреблены в прямых значениях, на что, например, указывает предыдущее слово [düşüb] - "слезая (с коня), поцеловал ногу Йусуфа". В настоящее время вследствие изменения социальных статусов в обществе, эти синонимы употребляются в переносном значении, образуя тем самым фразеологические обороты со значением "почитать, чтить". Являются общетюркскими синонимами.

[qır-; öldir-] в значении "убьем, зарубим".

[galäm qordın qırawız öldüräwiz]- (8-5); (Всех волков во вселенной убьем, зарубим)

Отличаясь смысловыми оттенками, являются идеографическими синонимами. В данном контексте образовали градацию, чем усиливается эмоциональность этих строк. Оба варианта активно употребляются в тюркских, в том числе и в татарском языке.

[ürt-, jab-] - доминирующее значение - "покрывать".

[ol sanämni nä mägnädin örtün imdi]- (66-10); (Зачем закрыла ты этот идол)

[sanäm gaçız haçät dägil anı jabmaq] - (66-16); (Идол беспомощен, нет необходимости закрывать его)

В поэме являются абсолютными синонимами, относятся к огузской и кипчакской группе. В современном татарском языке вследствие активизации лексемы jab- слово [ürt-], активное в современном турецком, выходит из употребления, главным образом применяется в поэтической речи как художественный орнамент (Томаннарга өртелгән яшьлегем... Р.Рәкыйпов. (Молодость моя, покрытая туманами).

[baç-, kür-] - в значении "смотреть, увидеть".

[bir garibkâ sataşdıj baqtıj kördi]- (86-11); (Наткнулся на одного бездомного, посмотрел, увидел)

Являются разнодиалектными абсолютными синонимами: лексема [baç] характерна для огузских языков, а лексема [kög-] - для кипчакских. В татарском языке употребляются оба варианта.

[buşdıq-, üfkä] - в значении "злость, обида".

[qärdäşläri buşdıgıjn hiç işitmäs] - (10-10); (Не слышит он злость братьев)

[qärdäşläri üfkäsindin saqlar imdi] - (13-8) (бережет его от обиды братьев)

Идеографические синонимы. Лексема [buşdıq] - "злость" имеет более усиленное значение, чем [üfkä] - "обида".

[jağrı-; arqa-] - в значении "спина".

[arqasını sıjpa anıñ däjür] - (107-8); (Говорит теперь: "Погладь его по спине")

[gafil kân jağrımdan äñ kâçürdi]» (108-1). (Незаметно он провел рукой по моей сливе)

Являются абсолютными синонимами. Лексема [jağrı] характерна для южной группы тюркских языков, сохранился в злт., тмн. говорах татарского языка [7].

[darlıq-, qızlıq-) - "засуха".

[andan suñra qızlıq ula, muñlu ula] -(82-4); (После этого будет засуха и печально)

[jidi jül darlıq ula imdi] - [82-4); (Целых семь лет будет засуха теперь).

В основе лексемы [darlıq] лежит значение "стесненность" от производящей основы [dar] - "узко", на что указывает употребление антонима этого слова - [kiñlek] - "довольство". Есть вероятность, что лексема [qızlıq] является усеченным вариантом слова [кызулык] - "жара". Являются идеографическими синонимами.

[äl-, qul-), употреблены в значении "рука".

[bir şärif qul älinä kirir imdi]- [22-14); (Попадет тебе на руки один знатный раб)

[qulimıza galä-qomaç almajawız]- (28-4); (Не возьмем мы на руки ситцы и шелка)

Лексема [äl] характерна для огузской группы языков, лексема [qul] - для кыпчакской.

[az; käm; uşuz] в значении "мало, недорого".

[ol oglannı az bähajä satun algül] (23-9); (Купи ты того ребенка за малую цену)

[alar säni satdılar käm jarmaqqa] - (30-2); (Они продали тебя за бесценок)

[ikinci jaulaq säni uĉuz satdı] - (30-1); (Во-вторых, продали тебя очень недорого).

В данном контексте являются идеографическими синонимами. Лексема [uĉuz] характерна для кипчакских языков и активна в мишарском диалекте татарского языка.

[ajürĉ, jalan] в значении "ложный, неправильный"

[razin gizläp ajürĉ söz дәјümәdi] - (7-1); (Скрывая секрет, не молвил неверные слова)

[siddijq irdi jalan söz söjlämädi] - [7-2); (Праведный он, не говорил ложные слова).

Являются общетюркскими идеографическими синонимами.

Таким образом, собранный материал по поэме XIII века "Кысса-и Йусуф" Кул Гали дает нам возможность утвердиться в мысли о том, что лексический состав литературного языка Поволжский тюрки болгарского периода имеет смешанный наддиалектный характер, т.е. смешение разных диалектных лексем приводит к их нормализации в данный отрезок времени. Нельзя не согласиться с мнением Нигматуллова М.М. о том, что "Опираясь на исследования по истории татарского языка можно допустить, что еще в недрах Волжской Булгарии возник литературный язык смешанного огузо-кипчакского типа" [4], т.е. наддиалектное литературное койне болгарского периода, представленное в поэме "Кысса-и Йусуф" Кул Гали.

Литература

1. Кузьмина Х.Х. Лексика поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали / Х.Х. Кузьмина. - Казань: Дас, 2001.-104 с.
2. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект) / Л.Т. Махмутова. - М.: Наука, 1978. - 260 с.
3. Наджип Э.Н. Исследование по истории тюркских языков XI-XIVвв./Э.Н. Наджип.-М.: Наука, 1989. - 291 с.
4. Нигматуллов М.М. Огузские элементы в татарском языке // Формирование татарского литературного языка. - Казань, 1989. - С. 96-110.
5. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева. - Казань: Казан, гос. ун-т, 2004. - 376 с.
6. Нуриева Ф.Ш. Норма и вариативность в языке тюркоязычных

памятников XIII - XIV века Поволжья / Ф.Ш. Нуриева // Татар теле, әдәбияты, тарихы - үткәне, бүгенгесе. - Казань: Изд-во ТГГИ, 2000.-С. 207-213.

7. Татар теленең диалектологик сүзлеге. - Казан: Таткитнәшр, 1969. - 642 б.
8. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. - /Ф.С. Хакимзянов. - М.: Наука, 1987. -191 с.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Кункова В. И.

Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный
факультет

veronikakunkova@yandex.ru

Важным этапом в истории формирования городов Узбекистана занимает период арабского господства. В то время происходил процесс сложения так называемого «мусульманского города», определившего навсегда облик, в том числе и современного узбекского государства. Большое влияние арабо-исламского присутствия оказало на социально-экономическую структуру среднеазиатского региона. В период расцвета халифата Омейядов (661-769) и Аббасидов (750-1258) вплоть до монгольского нашествия сложились исключительно благоприятные условия для создания единого экономического пространства во всем Халифате, в которое органично входила территория будущего Узбекистана. Ислам стал причиной нововведений и нового понимания сути торговли, городского устройства и вместе с местными древними традициями определил будущий вектор развития, в том числе торгово-экономических отношений узбекских городов.

Территория современного Узбекистана в раннее средневековье входила в состав провинции Арабского халифата – Мавераннахр (араб. «то, что за рекой»). Мавераннахр экспортировал свою продукцию, а также выступал транзитной территорией, которую пересекал важный караванный путь из стран Дальнего Востока. Существуют свидетельства активной внутренней торговли. Ярмарки в среднеазиатских городах устраивались на протяжении всего средневековья и были одной из главных форм межрайонного торгового обмена. Одним из источников по истории средневековой Средней Азии является книга Абу Бакра Мухаммада ибн Джа'фара Наршахи (899-959) «История Бухары» («Тарих-и Бухара»), в которой также содержится много сведений, касающихся торговли. Наршахи подробно описывает проходившие в окрестностях Бухары ярмарки. В частности, говоря о близлежащих к Бухаре небольших городах и селениях, Наршахи упоминает селение Таваиса: «Таваиса- другое селение. <...> Арабы прежде не видели павлинов; увидав в этом селении множество этих птиц, они назвали

селение «зат-и-таваис», т.е. место, изобилующее павлинами. <...> В прежнее время в этом селении ежегодно осенью бывала ярмарка, продолжавшаяся 10 дней. Эта ярмарка отличалась тем, что на ней продавали всякие ткани, именно: занавесы, покрывала и др., несмотря на все их недостатки, но возвращать товар не было ни возможности, ни способа и на это ни при каких условиях, не соглашались ни продавец, ни покупатель. Ежегодно на эту ярмарку собиралось более 10 000 человек, приобретающих товары для торговли и таких, которые делали запасы для себя лично. Приходили на ярмарку жители Ферганы, Джаджа [Ташкента] и других местностей и все возвращались с значительной прибылью. Поэтому благосостояние жителей селения Тавис увеличивалось, и богатство свое они приобрели посредством торговли, а не земледелием. Селение Тавис находилось на большой Самаркандской дороге, в семи фарсах от Бухары» [Мухаммад Наршахи, 1897, с. 20]. Для среднеазиатских городов также характерно такое явление как базар, собиравшийся в определенный день недели – «базар четверга», «базар пятницы» и т.д. Например, Наршахи упоминает селение Искаджкат в районе Бухары, все жители которого занимались торговлей местными бумажными материями, а каждый четверг там устраивался базар [Там же, с.21]. «Базар пятницы» в X в. проходил в селении Шарг, расположенном рядом с Искаджкатом, экспортными товарами Шарга были в то время мед и бумажные материи [Там же, с.23]. Наршахи пишет, что ранее (т.е. до X в.) на месте, где располагалось селение Шарг, «был базар, куда ежегодно, зимой, на 10 дней, съезжались купцы из отдаленных областей и торговали. Вывозили отсюда преимущественно халву из орехов, на сиропе, много кустарника, леса, соленой и свежей рыбы, шуб <...> и поэтому сюда собиралось очень много торговцев» [Там же]. Наршахи в качестве близлежащих к Бухаре селений, где периодически проходили базары, называет Вардану (оттуда вывозилась ткань сорта занданачи), Афшину, Варахшу (там базар проходил через каждые 15 дней, в конце года устраивалась ярмарка, длившаяся 20 дней, на 21-й день которой жители праздновали местный новый год) [Там же, с. 27].

В «Тарих-и Бухара» Наршахи все жители города Пайкенда причислены к купцам, торговавшим с Китаем по суше и совершавшим морские торговые путешествия. Во время арабского завоевания Пайкенда город выдержал долгую осаду, так как был сильно укреплен, за свою мощь он был назван «медным городом» [Там же]. Когда арабское войско завоевало этот город, оказалось, что «жители Пайкенда были купцы и большею частью отлучились по торговым делам в сторону Китая

и другие места» [Там же, с. 59].

В Бухаре, Самарканде и других городах Средней Азии в средние века проживало множество представителей торговцев и ремесленников. Наршахи отмечает, что в книгах на арабском языке Бухара называется иногда «городом купцов» [Там же, с.31]. Во время арабского завоевания Бухара представляла собой достаточно отдаленные друг от друга кварталы, внутренний город имел 7 ворот, одни из которых назывались «базарными» воротами, так как только там был городской базар, ко времени Наршахи (X в.) эти ворота уже назывались «ворота продавцов пряностей» (ворота «Аттаран») [Там же, с. 69]. Также в «Тарих-и Бухара» упоминается бухарский базар «шелкающих фисташки» (перед продажей фисташки необходимо было расколоть), Наршахи также ссылается на упоминание до него 1000 лавок на базаре Бухары [Там же, с.71]. Ал-Гарнати (1080-1169) в «Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а`джаб» также упоминает семь ворот Бухары [Ābū Hāmid Muhammad bn. 'Abd al-Rahīm al-Gharnātī. Tuhfat al-albāb wa nukhbat al-a`jāb. 1565. Рукопись ИВР РАН № В-782 (593а), л. 17] и отмечает ее прекрасные сады, рынки и мечети [Там же, л. 18].

Обнаружены монеты, которые чеканились в Самарканде, Бухаре, Усрушане, Чаче, а также медные монеты из разных районов Мавераннахра, что свидетельствует о потребности населения в мелких монетах, наличии товаров массового потребления и о развитости внутренней торговли в городах. Об особенностях среднеазиатской средневековой денежной системы есть упоминание в «Сафар-наме» Ибн Фадлана (X в.), в Бухаре существовало несколько видов местных монет [Ebn Fazlān. Safar nāme.Tehrān, 1345. s. 63]. Ибн Фадлан «видел дирхемы Бухары разных сортов (цветов), из них дирхемы называемые ал-гитрифи. Они состоят из меди, красной меди и желтой меди, из которых берется количество без веса. Сто из них (дирхемов) равны дирхему из серебра»; «у них есть (еще) дирхемы (для которых) взята только одна желтая медь. Сорок из них равны (одному) данаку. У них также есть дирхемы желтой меди, называемые самаркандскими. Шесть из них равны данаку» [Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939, с.57].

После арабского завоевания, которое продолжалось в течение 100 лет, экономика Средней Азии продолжала расти в период конца VIII – начала XIII вв. Включение Средней Азии в Халифат и последующая исламизация благоприятно сказались на интеграции этого региона в рамках мусульманской империи, особенно выразившейся в торговой активности. В IX в. для среднеазиатского города характерен процесс расширения, роста; город выходит за рамки шахристана (собственно

города) и кухандиза (цитадели) [Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973, с.133], его территория распространяется на окрестности - рабад, который становится центром экономической жизни. Халиф ал-Ма'мун (813-833) перенес столицу халифата в город Мерв (809-818), что говорит об усилении не только экономической, но и политической роли восточных частей государства. Образование на территории Хорасана и Мавераннахра независимых от Багдада государств Саффаридов (867-903) и Саманидов (875-999) в целом не повлияло на сложившиеся экономические связи.

Археологические находки также свидетельствуют об активной международной торговле в Мавераннахре в VI-VIII вв.: персидские, китайские, византийские монеты; бусы из янтаря и коралла, привезенные из западных стран; индийский жемчуг; серебряные украшения среднеазиатского производства найдены на Урале [Там же, сс.110-114]. Археологические данные также подтверждают наличие внутригородской торговли, улиц с лавками, базаров, ремесленных мастерских. На материале Средней Азии исследовалась организация профессиональной деятельности ремесленников, в частности на примере специальных письменных уставов - рисала. Это особый жанр литературы, бытовавшей в народной среде, корни которого уходят в древность. Имеющиеся в наличии рисала относятся к сравнительно позднему периоду XVIII-XX вв., но представляют интерес для историков, так как содержат древние сведения о социально-экономической организации и идеологических представлениях среднеазиатских народов. Рисала имеют примерно одинаковую структуру - миф о происхождении ремесла или занятия, молитвы или стихи из Корана, религиозно-нравственные правила поведения ремесленников, святые-покровители ремесла, суфийские ступени познания - шариат, тарикат, хакикат. Рисала - маленькие книжечки рукописные или литографированные на таджикском или узбекском языках. В них содержался своеобразный устав для определенной ремесленной профессии [Сухарева О.А., 1984, сс.202-204].

Текстильное производство было одним из самых распространенных в Мавераннахре, главными его центрами были Мерв, Бухара и Самарканд. Мерв, достигший своего наибольшего экономического взлета при Сельджукидах в XII в. [Джандосова З.А., 2005, с.10], был широко известен на Востоке как центр шелкоткачества и производства высококачественного хлопка; в Мерве существовала тиразная мастерская [Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., сс.270-271]. Ахмад ибн Фадлан (X в.) называет в числе подарков тюркам

от арабского халифа ал-Муктадира (908-932) «мервские одежды» [Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с.64]. Бухара производила особую ткань – занданачи, получившей свое название по селению в районе Бухары – Зандана [Мухаммад Наршахи, с. 23]. Сначала этот сорт ткани производился только в Зандане, где каждую пятницу собирался еженедельный базар, приуроченный к пятничной молитве. Наршахи называет ткань занданачи тканью царей и царских вельмож, которые покупали ее по цене парчи [Там же, с. 24]. Ткани из Бухары экспортировались в Сирию, Египет, Византию [Там же, с.29]. Термез специализировался на шерстяных тканях и коврах. Нишапур являлся одним из крупнейших производителей одежды из хлопка, широко экспортировавшейся [Al-Istākhrī, 1870, s.255]. Одна из глав «Тарих-и Бухара» Наршахи называется «Рассказ о ткацком заведении, которое было в Бухаре и еще существует», в которой дано описание специализированной ткацкой мастерской (байт ат-тираз): «В Бухаре, между крепостью и городом, возле соборной мечети, была большая мастерская, где ткали ковры, занавесы, ткань йезди, подушки, подстилки для молитвы (джай-намаз) и ткани для покрывания пола во дворце халифа. Все эти ткани выделялись такого высокого достоинства, что за один занавес можно было отдать всю поземельную подать Бухары. Из Багдада ежегодно приезжал отдельный сборщик податей, и все подати Бухары получал сотканными там одеждami. Настало, однако, время, когда эта мастерская закрылась, производство прекратилось, и люди, которые выделяли эти материи, разошлись в разные стороны. <...> Не было царя, амира, раиса, чиновника, который не носил бы одежды из этой материи. Материи выделялись красного, белого и зеленого цветов. В наше время во всех областях ткань занданачи пользуется большей известностью, чем эти материи» [Мухаммад Наршахи, сс.29-30].

В городах Мавераннахра было развито керамическое производство, изготовление изделий из металла (например, Хорезм экспортировал замки и ключи; Шаш – ножницы и иголки; Фергана – мечи, железо, военное снаряжение), продажа строительного леса (в Бухаре – улица Торговцев лесом), кожевенное производство (сырье поставляли тюркские кочевники из восточных областей), изготовление парфюмерии, мыловарение (центры – Термез и Балх).

После победы арабского войска во главе с Зийадом ибн Салихом в 751 г. на реке Талас арабам стал доступен процесс изготовления бумаги, который им раскрыли китайские ремесленники. С этого времени Самарканд был самым важным центром изготовления бумаги. На эту

тему в своем сочинении пишет историк XI в. ас-Са'алиби (ум. 1038 г.): «Одна из достопримечательностей Самарканда – бумага (*кагид*), которая вытеснила из употребления египетский папирус и кожи, на которых писали древние, потому что она красивее, приятнее, мягче, удобнее. А бывает она только там и в Китае. Автор «Книги путей и государств» (ал-Джайхани ?) рассказал, что человек, который стал изготавливать кагид, попал в Самарканд из Китая в числе пленных, захваченных Зийадом ибн Салихом. А потом производство увеличилось и стало обычным, так что она превратилась в предмет торговли для жителей Самарканда, и распространилась ее польза и выгода от нее на весь свет» [Халидов А.Б., 1982, с.296]. Ибн Хаукал замечал, что «бумага Мавераннахра по своему хорошему качеству и обилию не сравнится ни с чем» [Ebn Howqal, s. 194]. Долгое время бумага производилась только в Самарканде, только с второй половины X в. бумажное производство началось в Дамаске, Табарии, Хаме, сирийском Триполи, Багдаде, в XI-XIII вв. – в Тебризе, Каире, Фесе. Способ изготовления бумаги в Самарканде описывается в трактате Ибн Бадиса (ум. 1061 г.). В качестве основного сырья использовались куски ткани из льна или конопли, известь, пшеничный крахмал. Также были необходимы такие орудия, как мельница или ступа, чан, рама. Процесс изготовления бумаги был следующим: тряпки вымачивали в извести, чистили и отбеливали, размельчали на мельнице или в ступе; в полученную массу добавляли крахмал, что придавало ей клейкость, смешивали ее и переливали в чан, из которого сетчатой рамой черпали слой за слоем и выстилали для сушки. Размер листа определялся размером черпальной рамы [Халидов А.Б., с.297]. Бумага была различных сортов, окрашивание производилось уже готового продукта. Арабские книги IX-XV вв. писались именно на такой бумаге, производившейся в Арабском Халифате, с XV в. ее начинает вытеснять бумага европейского производства. Мастера-изготовители бумаги из Самарканда внесли большой вклад в развитие производства бумаги в Индии. Местные центры производства были в Кашмире, Сиалкоте, Зафарабаде (получившем название «бумажный город»), Агре, Ауде, Бихаре, Муршидабаде, Хугли, Патане [Ванина Е.Ю., 1991, с.85].

Через Мавераннахр и Хорасан проходило два торговых пути: с Ближнего Востока и из Поволжья. На пути с Ближнего Востока на Дальний Восток находились Нишапур, Мерв, Бухара, Самарканд. Торговля Поволжья с Ираном, Мавераннахром и Дальним Востоком осуществлялась через территорию Хорезма. Поволжье и Русь поставляли на экспорт меха, мед, рыбий клей, кольчуги и др. Широкое развитие торговых связей поддерживалось достаточно низкими пошлинами и

небольшим числом таможен, главные из которых находились в X в. на переправах через Амударью.

К концу X в. Бухара, являвшаяся столицей Саманидского государства, стала одним из крупнейших среднеазиатских городов. Население города составляло примерно 40-50 тысяч человек [Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., с.266]. Бухара делилась на шахристан (медину) и на два рабада, которые последовательно располагались вокруг шахристана [Там же, с.242]. Торговым центром Бухары был внутренний рабад, где располагались базары [Там же, сс.253-254]. После падения Саманидов Бухара переживает экономический упадок. В послесаманидский период интенсивное монументальное строительство в городе проводил Арслан-хан (1102-1130) [Там же, с.254].

Самарканд в X в. включал в себя медину на территории городища древнего Самарканда - Афрасиаба, торгово-ремесленный рабад к югу от Афрасиаба и большой пригород [Там же, с.228]. Население Самарканда вместе с прилежавшими к городу экономически активными районами составляло примерно 100-110 тысяч человек [Там же, с.266]. В середине XI в. торговый район Самарканда имел название - базар Самаркандского Согда, где был центральный рынок, переулок Торговцев молоком (ширфурушан) и др.[Там же, с.229]

Таким образом, раннее средневековье, а именно период арабского господства, стал одним из важнейших для торгово-экономической, политической и культурной истории будущего Узбекистана.

Литература

1. Ābū Hāmid Muhammad bn. 'Abd al-Rahīm al-Gharnāti. Tuhfat al-albāb wa nukhbat al-a'jāb. 1565. Рукопись ИВП РАН № В-782 (593а).
2. Ebn Howqal. Surat al-arz. Tehrān: Tābān, 1345.
3. Ābū Ishāq Ibrahīm b. Muhammad al-Fārisi al-Istakhrī al-ma'rūf bī al-Karkhī. Kitāb masālik al-mamālik. Laydan: Brīl, 1870.
4. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука. 1973.
5. Ванина Е.Ю. Средневековое городское ремесло Индии. М.: Наука. 1991.
6. Видясова М.Ф. Средневековый арабский город в освещении современной буржуазной историографии.// Вопросы истории. № 12. М.: Правда. 1984. с.150-с.159.
7. Джандосова З.А. География Центральной Азии. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. 2005.
8. Наршахи Мухаммад. История Бухары. Ташкент: Типо-Литография т.д.

«Ф. и Г.Бр. Каменские». 1897.

9. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.,Л.: Издательство Академии наук СССР. 1939.
10. Сухарева О.А. Рисала как исторический источник.// Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука. 1984. с.201-с.215.

РУНИЧЕСКИЕ И РУНОПОДОБНЫЕ НАДПИСИ ЯКУТИИ

Левин Г. Г.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Levgerger@yandex.ru

Изучение ленско-прибайкальских надписей проводилось с 30-х гг. XX в. По вопросу датировки и расшифровки ленско-прибайкальских надписей были высказаны самые различные догадки, предположения и гипотезы. Но, к сожалению, ни одна из них не получила среди тюркологов научного признания. Отсутствие единства в мнениях специалистов можно объяснить трудностью исследования, обусловленной, прежде всего, бессистемностью самих рунических текстов.

В 1995-2010 гг. на территории Якутии были найдены новые рунические надписи и руноподобные знаки: а) наскальные рунические надписи - на местности Летний Артык, Суруктах Хая, Крестях, Улахан-Ан I; б) комбинированные надписи на деревянном строении, на священном дереве - на местности Хотугу Челгерия, Нучалах Аласа; руноподобные надписи на мелких предметах: на медной печати, на золотых и серебрянных кольцах, на бляхе, на табакерке.

На местности Суруктах Хая (р. Марха) были обнаружены две рунические надписи, состоящие из 4 и 2 знаков. Тексты были написаны на скале красной охрой, высота рунических знаков 6-8 см, ширина первой надписи 20 см, второй 11 см. Первая надпись была прочитана как *äsiġ til* "священное слово", вторая как *äliġ* "пятьдесят" [1]. На этой писанице была зафиксирована идеограмма, которую можно называть точной копией идеограммы из петровской надписи. Идеограмма была начертана красной охрой, расположена между руническими двумя знаками. Чуть выше этих рун имеются тамгообразные знаки (возможно знаки, указывающие количество людей или добычи) и рисунки, которые, по всей вероятности, отображают культовые или обрядовые действия. По содержанию рисунков и палеографии рунических надписей, можно отметить, что писаница Суруктах Хая как объект преклонения и жертвоприношения существовала не одну тысячу лет.

В 2002 году в Элгейском краеведческом музее была обнаружена медная печать с руническими знаками. Диаметр печати составляет 2,4 см. На лицевой стороне печати были высечены твердым предметом три

рунических знака (рис. 1). Здесь, по-видимому, зафиксирован инициал владельца данной печати. По мнению директора краеведческого музея Е.К. Аввакумова, эта печать была сделана в первой половине XVIII века местным якутским мастером. Как он полагает, последним владельцем данной печати был Самсонов Никита, исполнявший в то время обязанности улусной главы. Подобные надписи также были обнаружены на табакерке и серебряной бляхе, на серебрянных и золотых кольцах (рис. 2). Палеография надписей сильно отличается от орхонских и ленско-прибайкальских рунических знаков, по форме и по характеру выполнения, некоторые из них сильно напоминают манихейские знаки. Интересно заметить, что подобная комбинация неизвестных знаков также была обнаружена на глыбе камня. На первый взгляд этот камень ничем не отличается от других камней, здесь отсутствует шлифовка, не обнаруживаются следы подготовительных работ для нанесения надписи. Однако на поверхности данного камня были глубоко высечены 14 неизвестных знаков, схожих со знаками серебряной бляхи и табакерки. В этой связи, можно предполагать, что предки якутов кроме рунического письма, пользовались еще каким-то неведомым письмом, по всей вероятности, позднего времени происхождения.

Очень интересная находка, породившая среди ученых много спорных моментов, была найдена в Чурапчинском улусе на местности Хотугу Челгерия. Здесь был обнаружен старинный деревянный амбар (предварительно XVII в.) на стене которого были вырезаны надписи, сделанные неизвестными руноподобными знаками. Всего нами было зафиксировано два отдельных текста, состоящие из 52 и 30 знаков. После предварительного исследования выяснилось, что более 60 знаков имеют соответствия с буквами орхоно-енисейского письма, а 22 знака с тамгами и руноподобными знаками ленско-прибайкальских надписей. Только 4 знака не имеют соответствий с графемами древнетюркской письменности. Дальнейшее исследование показало, что в данных текстах зафиксировано 56 отдельных рунических знаков (некоторые знаки имели два-три вида), которые обозначают 24 фонемы (рис. 3). В этом отношении, надо заметить, что на местности Нучалах Аласа (недалеко от местности Хотугу Челгерия) была обнаружена другая надпись, вырезанная на священном дереве. Надпись состоит из 46 различных знаков. Исследователями были зафиксированы буквы кириллицы и рунического алфавита. К сожалению, данная надпись до сих пор не расшифрована и не изучена. Ранее подобная комбинация руноподобных знаков и букв была обнаружена Р.К. Мааком в Вилуйском округе еще во второй половине XIX века [3]. Судя по описанию автора, эта надпись

была нанесена на дереве острым предметом. Здесь четко фиксируются 13 знаков, из которых 4 знака по форме похожие на руны, а остальные на буквы кириллицы. Дальнейшая интерпретация этой надписи нигде не фиксирована.

Другая наскальная надпись, написанная красной охрой синеватого оттенка, была обнаружена на реке Олекма. Высота знаков составляет 17-20 см. Всего было зафиксировано 6 рунических знаков. Надпись была расшифрована А.М. Дьяконовым как äb ädgü ... altip в буквальном смысле "дом хороший получив...". Также уникальная наскальная надпись была зафиксирована на местности Улахан-Ан I. Сущность этой надписи требует к себе пристального внимания тем, что данная надпись была высечена на камне специальным предметом, предназначенным, видимо, для нанесения рисунков или надписей на твердой каменной поверхности. Как известно, наскальные надписи Якутии все до единого были написаны охрой или неизвестной краской синеватого оттенка. Таким образом, текст из Улахан-Ан I является единственной надписью, которая была выполнена методом графитто. Сама надпись состоит из 21 одного знака, высота знаков 1-2 см., общая длина 17-20 см. Знаки текста, отчасти, имеют сходство с руноподобными знаками комбинированных надписей из Хотугу Челгерия (Чурапча). Но, в отличие от челгеринских текстов, в системе общей картины надписи, четко вырисовываются несколько специфичных знаков, напоминающие руноподобные тамги и символы. Здесь нужно заметить, что наряду с текстом наблюдается своеобразная композиция узоров и рисунка, по всей видимости, нетюркского характера.

Итак, рунические и руноподобные надписи Якутии можно разделить на 4 группы: 1) Древние надписи - надписи на скалах (наскальные надписи на территории Якутии - р. Синяя, Олекма, Марха); 2) Поздние надписи (XIV-XVIII вв.) - надписи на различных мелких предметах (на наконечнике стрелы, на печати, различные рунические знаки на специальных досках); 3) Комбинированные надписи (XVII-XVIII вв.) - надписи из Вилюйска, Хотугу Челгерия, Нучалах Аласа (Чурапчинский улус), надпись из Улахан-Ан I; 4) Неизвестные руноподобные знаки и надписи (предварительно VII-XIX вв.) - надписи на серебряной бляхе, табакерке и на камне.

Нужно отметить, что на территории современной Якутии наблюдаются не только следы древней руники, но и прослеживается дальнейшее развитие рунической письменности. Например, здесь можно отнести тамги-руны, оставленные на различных печатях, календарях XVII-XVIII вв., руническую надпись на наконечнике стрелы XIV века,

найденную в Усть-Алданском улусе при раскопке кулун-атахской культуры, а также комбинированные надписи XVII -XVIII вв., в которых, по нашему мнению, в немалом количестве имеются рунические знаки. По всей вероятности, некоторая часть якутов до позднего времени сохранила письменность предков и пользовалась ею. В частности, о существовании таинственной письменности у предков якутов упоминается не только в олонхо и преданиях, но и встречается в рассказах старожителей. Очень часто сказывается, что таинственными знаками пользовались шаманы и народные лекари, сказители народного эпоса олонхо.

Рис. 1. Медная печать с руническими знаками

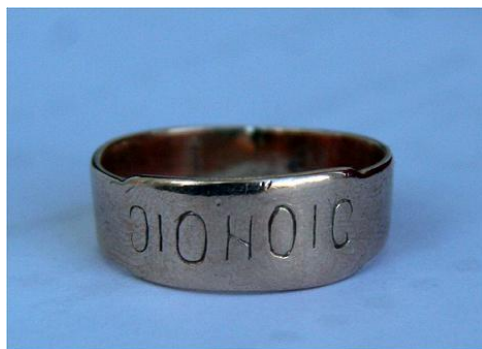

Рис. 2. Руноподобные и неизвестные знаки на золотом кольце

Рис. 3. Надпись из Хотугу Челгерия

Литература

1. Левин Г.Г. Древнетюркский язык (Морфология). Якутск: Изд-во ЯГУ, 2000. – С. 7-8
2. Левин Г. Г. К проблеме исследования ленско-прибайкальских рунических текстов // Наука не востребованный потенциал. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. Т. 3. – С. 13-15.
3. Маак Р.К. Виллюйский округ. – М.: 1994, 2-ое изд: Изд-во: Яна. – С. 148

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХАКАССКИХ НАРОДНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Мазай Л.Ю.

ФГБОУ ВПО "Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова"

malari23@mail.ru

Василий Васильевич Радлов - выдающийся российский востоковед, этнограф, археолог. Его имя также известно в Сибири. Многие работы посвящены изучению хакасской культуры. Так, В. В. Радлов описывает обряд камлания: «при камлании (изгнании злых духов айну Эрлик-хана) абаканские шаманы надевают своеобразную одежду - кожаный халат, увешанный пёстрыми ленточками с колокольчиками. Во всём протяжении камлания шаман, находясь в состоянии транса, восходит из одного небесного круга в другой. Потом «ловит» в бубне помощников (*тӧс*), которые помогают изгнать из юрты злых духов. Нередко шаманы, в особенности пожилые, испытав большое напряжение в ходе камлания, завершив его, валились в состоянии транса, напоминая обморок» [8]. Говоря о целительной функции шамана, мы обращаемся к работам ученого. Слово «мукам», как отмечает В. В. Радлов, равнозначно арабскому слову «кам» - «тот, кто даёт клятвы, лечит словами и заклинаниями».

Неоценимый вклад В. В. Радлов внес в изучение хакасских музыкальных инструментов, анализ которых представлен в данной статье.

Центральным инструментом в музыкальном творчестве хакасов является древнейший национальный самобытный музыкальный инструмент *чатхан*. Как было отмечено в начале главы, уже к середине IX в. в летописи китайской династии Тан (618-907 гг. н.э.) упоминается данный инструмент.

А. А. Кенель указывает на невозможность описания в XVII в. игры на данном инструменте, когда появились первые письменные русские свидетельства о музыке хакасов. Согласно записям исследователя, чатхан был передан от качинцев другим племенам: кызыльцам, сагайцам и т.д. [3, с.4].

Первоначально чатхан имел вид небольшого выдолбленного из целого куска дерева перевёрнутого корытца, на обратной стороне которого натягивали струны из конских волос. Длинными они не могли

быть, следовательно, «...инструмент был небольшого размера, около 50 см» [4, с. 189]. Так как инструмент имел малые габариты и волосяные струны, звук таких чатханов, как отмечает исследователь хакасской музыки А. А. Кенель, был наверное очень тихим [4].

Чатхан (или чаттыган) в прошлом иногда называли лежащей арфой. В.В.Радлов даёт следующее описание инструмента: «Чатыган представляет собой плоский ящик с двойным дном длиной в аршин и шириной в 3-4 вешка, чаще всего из ели или кедра. На этом ящике вдоль были укреплено 6 струн различной толщины. Под каждую струну по отдельности вставляется подпорка, которая после натяжения струны сдвигается таким образом, чтобы более короткая правая часть звучала дискантом, а левая – басом» [8, с.226]. Настройка четырёх-пяти мелодических струн терцово-секундная, двух аккомпанирующих – квинтовая. Роль подставок играли бараньи лодыжки (косточки суставов), которые подкладывались под каждую струну. Как отмечает С. Т. Ким, «натяжение струн было несильным, и подставки при громком исполнении стучали и смещались в ту или иную сторону, поэтому исполнителю часто приходилось подстраивать чатхан прямо во время исполнения» [6, с.49]. Заметим, что прежние чатханы имели всего 3-4 струны, сплетённые из конских волос [12, с.7]. Традиционным считается семиструнный чатхан, название которого буквально означает «семь поющих струн» или «лежащий хан».

Звучание чатхана, как и бубна, хомыса, сопровождало пение или речитатив камлающего шамана, на что указывает Л. П. Потапов [7, с.164]. Также под аккомпанемент чатхана исполнялись все героические сказания (алыптых – нымахи – наиболее крупные жанры народного творчества), в которых отражены исторические события, даны эмоциональные характеристики главных героев эпосов. Как отмечает А. К. Стоянов, «... овладевая игрой на чатхане, будущий хайджи должен был заучить минимум типовых наигрышей, которые издавна передавались из поколения в поколение» [10, с.145]. Во время исполнения сказаний речитативная декламация постоянно сочетается с горловым пением (хаем, у алтайцев – каем, у тувинцев – хоомеем). Чатханный наигрыш звучал и как вступление к новому эпизоду, помогая сосредоточиться хайджи и настроить слушателей на восприятие музыкально-поэтического текста.

Таким образом, чатхан может рассматриваться:

- как инструмент магического обряда или как вида музыкального искусства, если рассматривать место инструмента в быту,
- как сольный и аккомпанирующий инструмент с позиции

исполнительской функции.

Говоря о значении чатхана, отметим, что без звучания данного инструмента не обходились ни праздники, ни похороны. В научной литературе показано место музыки в похоронной обрядовости, раскрыты формы интонационно-звукового поведения, дан анализ значения звучания музыкальных инструментов. Об использовании чатхана в своё время писали в этнографических работах В. В. Радлов, Л. П. Потапов, А. А. Кенель. В рукописях А. А. Кенеля приведены воспоминания Иоганна Шильтбергерга, случайного пленника в войске Едигея, к концу XIV века попавшего в Сибирь: он описал обычай, что в случае смерти неженатого молодого человека призывают различных музыкантов... Идут (впереди процессии) в сопровождении музыкантов, а за ними отец, мать и друзья покойного...[5, с.45].

По хакасскому обычаю на поминки обязательно приглашался сказитель-хайджи, который под аккомпанемент чатхана исполнял героическое сказание всю ночь. В начале данного раздела нами показано сакральное значение хая, которое могли слышать умершие люди, в отличие от обыкновенной речи, которую не слышит его *хут* (душа). Гортанное пение, исполняемое очень низко, является необыкновенным. Как было отмечено, существовал обычай играть на чатхане у тела умершего в продолжение нескольких дней, пока тело умершего находится в доме. Обычай связан с тем, что гортанное пение слышит умерший три дня. Более того, считается, что душа любит слушать хай. Чтобы душа не отняла пение, хайджи под горлом и на чатхане чертил угольком крестик.

Отметим, что наличие песней-плачей, как было сказано, наблюдается и в обновлённом жанре кип-чооха. Звучание чатхана усиливает драматические моменты плача.

Одним из видов хакасских струнных инструментов является *хомыс*.

А. А. Кенель считает, что хомыс является более древним инструментом, чем чатхан. По предположению учёного, хомыс бытовал среди хакасов уже с динлинского времени, т.е. приблизительно с начала н.э. Это предположение подкрепляется мнением литературоведов о том, что и хакасский эпос уходит в динлинскую эпоху. Кенель А. считает, что в эту эпоху сказители аккомпанировали себе на хомысе, так как чатхан появился позже, в эпоху становления классового общества (не ранее X-XI вв.) [3, с.21]. По мнению исследователя, игра на хомысе перешла к более сложному сопровождению на чатхане с появлением второго инструмента в Хакасии [5, с.5]. Хомыс был обтянут кожей, снятой с годовалого жеребёнка или барана. В коже прожигались 3-5 отверстий

для резонанса [11].

На хомысе играют щипком. Иногда берут смычок. В таком случае инструмент представляет собой струнно-смычковый *ыых*. Как описывает В. В. Радлов, натягивается всего две струны – дисконтная, состоящая из трёх конских волос, и басовая – из шести. Играют на этом инструменте смычком, напоминающим по форме «маленький лук, из которого дети стреляют деревянными стрелами» [8, с.29]. Отметим, что на смычок натянуты также конские волосы.

Инструмент *варган* является одним из древнейших, зарождение которого, как отмечают исследователи, восходит в Южной Азии к каменному веку, а в Европе к 5 тысячелетию. Более того, ещё 9-12 тысяч лет назад (эпоха мезолита) существовали инструменты, называемые «поющие луки», «вибрирующие луки» (жила животного, а затем гибкий древок в качестве растягивающей жилы, по которой исполнитель ударял пальцами), которые сходны с варганом по принципам игры.

Говоря о данном язычковом инструменте, важно указать на то, что губной варган является одним из древнейших музыкальных инструментов многих народов мира. Под различными названиями он бытует у русских (варган или зубная губанка), украинцев, белорусов, молдаван (дрымба), якутов (хомус), казахов (шан-кобыз), киргизов, тувинцев (тимир-комуз), туркмен (гопуз), чукчей (зубной бубен), эстонцев (пармуппиль), немцев (маультроммель), японцев (муккури), итальянцев (губная арфа) и пр. [2, с.17].

Что касается общетюркского «хомус», то название отражает представление о магических свойствах инструмента. Например, якутское слово «комухун» означает «волшебство, колдовство, чары», «шаманский фокус при мистерии: умывание кровью для изгнания Злого духа». Иногда в названии хомуса прослеживается ритуальная связь с шаманским бубном: алтайское слово кобыс-тюнюр означает «музыкальный бубен», чукотское и корякское ванни яяр и ванни яяй – «зубной бубен». Г.В. Попов возводит значение к древнетюркскому «ховуз» – «слово, произносимое для изгнания духа», «ховуз огуз» – «заклинание для изгнания злого духа» [9, с.81]. Таким образом, этимология тюркских терминов «хомыс / кобыз» указывает на связь инструмента с голосовым аппаратом исполнителя – человека, обращающегося с просьбой о покровительстве к добрым божествам, духам. Данный вывод показывает магическую роль инструмента, а также раскрывает значение бурдонно-обертонального интонирования, характерного для кочевника, всецело зависящего от природных процессов и явлений.

В культуре юго-западных тюрков Сибири дуговой варган, как единственная разновидность, имеет близкое название – хомус – комус – кобыз. Структура дуговых варганов, зафиксированная у долган, бурят, шорцев, хакасов, тофалар и сибирских татар, может быть разделена на две группы:

- дуговые варганы (у шорцев, хакасов, тофалар), не имеющие петелек в районе крепления язычка,
- варганы с круглой петелькой, встречающиеся у бурят, долган и сибирских татар [1, с.3].

Одной из разновидностей варгана является хакасский *тимір-хомыс*.

Как отмечалось ранее, ведущим направлением в музыкальном наследии хакасов являются охотничье-пастушеские возгласы. Важную роль при имитации голосов птиц и животных играли музыкальные инструменты: манковый хакасский духовой инструмент пыры (качинское название данного инструмента – мыргы) и сымысхы.

Существует два вида *пыры*:

- продольная трубка, представляющая собой две вырезанные из кедра половины усечённой конусной формы (длина – 690 мм), диаметр отверстия узкого конца – 2,5 мм, широкого- 40 мм),
- спиралевидная сложенная полоса, состоящая из бересты. Образует конусную трубу, размеры которой приближаются к рассмотренному первому виду (длина – 580 мм, диаметр отверстия узкого конца – 7,3 мм, широкого – 44 мм).

Выделяется инспираторный способ звукоизвлечения на *пыры*, представляющий «втягивание» струи воздуха. Диапазон звучания данного инструмента зависел от его размеров и физических возможностей исполнителя (диафрагмы, голосового аппарата, возраста и пр.).

Сымысхы – инструмент, представляющий собой свободный аэрофон, изготовленный из сырой бересты, имеющий прерыватель в виде соударяющихся язычков-пластинок.

Звукоизвлечение происходит следующим образом: инструмент кладётся на язык и прижимается в верхней части полости рта. Направляя поток воздуха между периодически соединяющимися пластинами в узкую щель, образованную при помощи зубов и губ, исполнитель воспроизводит короткие, отрывистые звуки. Резонатором при этом служит полость рта [13, с.122-124].

Среди хакасских духовых инструментов важно назвать *хобырах* и *сыылас* – разновидности продольных флейт, о которых также упоминается в истории китайской династии Тан, что указывает на

древнее происхождение инструментов.

Изготавливался хобырах из тростника, на который натягивалась кишка животного (В. В. Радлов). Длина конического ствола составляет 7,4 см. Верхний и нижний концы ствола с тыльной стороны связаны наискось. На лицевой стороне ствола вырезается поперечно-овальное свистковое отверстие. При игре на хобырахе исполнитель в большей или меньшей степени прикрывает пальцем выходное отверстие трубки инструмента, достигая таким образом изменения высоты звука.

Сылас имеет 5 отверстий, одно из которых расположено на тыльной стороне трубки.

В охоте использовался и манок для приманивания самок косуль. Манок изготавливается из дерева и представляет собой особую комбинацию из двух деревянных трубок, вставленных одна в другую.

Безусловно, самым важным в музыкальной жизни хакасов, впрочем, как и всех народов, приверженцев шаманизма, является бубен. Звучание бубна (у хакасов именуется «түүр») связано с ритуальным действием. Без бубна (тюра) не было настоящего шамана. Бубен («укороченная модификация барабана») доносил до духов сообщения людей и позволял принять информацию от жителей сакральных миров.

Хакасский бубен устанавливает связь со сверхъестественной реальностью, на что указывает: анализ места музыки в ритуальном обряде, единство шамана и музыканта, а также легенды о происхождении музыкальных инструментов.

Таким образом, в мифоритуальной концепции мира значительная роль отводится и музыкальным инструментам, так как способность слышать, воспринимать и воспроизводить звук служит средством освоения, семиотизации окружающего мира. Музыка и музыкальные инструменты являются элементами общей модели мира. Музыкальный инструмент принадлежит материальному миру вещей и имеет символический код.

В ходе анализа нами выделены следующие *функции хакасских народных музыкальных инструментов*: мировоззренческая, этноинтегрирующая, коммуникативная, целительная, ритуальная, эстетическая.

Литература

1. Варган и его музыка: материалы I всесоюзной конференции. – Якутск, 1991.
2. Загретдинов Р. Школа игры на кубызе: учебно-методическое пособие / Р. Загретдинов. – Уфа, 1997.

3. Кенель А. Заметки по истории музицирования в Хакасии. Абакан, 1979 г. Фонд ХакНИИЯЛИ.
4. Кенель А. А. Учёные записки. ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1949.
5. Кенель А. Хакасская музыка. – Том 1. ХакНИИЯЛИ. – Фонд № 166.
6. Ким С. Т. Хакассские народные музыкальные инструменты на современном этапе/ С. Т. Ким // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы международной научно-практической конференции. – Абакан, 2002.
7. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов. – Ленинград, 1991.
8. Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника).
9. Решетникова А. П. Об обрядовой функции хомуса. // Варган и его музыка: материалы....
10. Стоянов А. К. О чатханных наигрышах хакасских героических сказаний / А. К. Стоянов // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий». – Абакан, 2002.
11. Хакасские и ойротские национальные инструменты.
12. Хакас чоныныгь көглері. Музыкальное творчество хакасов. – Абакан: Хакаское книжное издательство, 1955.
13. Шевцов В. Н. Охотничье-скотоводческие подражания и возгласы у хакасов... / В. Н. Шевцов.

ТАТАРСКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ТЕКСТ НАЧАЛА XX ВЕКА

Миннуллин Б.К.

ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ

bahtiyar1986@yandex.ru

Конец XIX - начало XX в. является одновременно сложным и интереснейшим этапом исторического, культурного, общественно-политического и языкового развития татарского народа. Именно после революции 1905-1907 гг. бурное развитие получает национальная периодическая печать России. Волна прогресса затрагивает и татарскую периодику.

Несмотря на то, что с 1905 г. начинают печататься газеты на татарском языке, их язык можно было назвать татарским лишь с натяжкой. Язык этот либо был похож на турецкий, либо представлял собой необработанный вариант татарского языка с излишками арабо-персидского компонента.

К примеру, возьмем газеты, наиболее популярные и долговечные по сравнению с другими представителями периодической печати начала XX в. - оренбургскую «Вақыт» («Время») и казанскую «Йолдыз» («Звезда»). Эти газеты, несмотря на тот факт, что являлись газетами, печатающимися на татарском языке, сильно отличались друг от друга в языковом плане. Главным образом это было связано с еще не устоявшимися языковыми традициями татарского народа.

Газета «Вақыт», так же как и ее близкий родственник - журнал «Шура» («Совет», Оренбург), были приверженцами использования форм турецкого языка, не желая развивать язык, близкий широким слоям татарского народа, и использовать уже существующие его языковые богатства. А в газете «Йолдыз» мы наблюдаем отказ от влияния турецких тенденций. То есть наблюдается некое противостояние двух течений того времени среди татарской интеллигенции - тюркизма и татаризма. Если будем сравнивать язык данной газеты с языком остальных представителей периодической печати, то можем наблюдать резкие контрасты. Язык газеты «Йолдыз» принципиально отличался от языка других газет. При этом в газете «Йолдыз» также использовались арабо-персидские заимствования, но дело в том, что они употреблялись не на фоне османско-турецкого языка, как это было в газете «Вақыт», а являлись неким сплетением арабо-персидской лексики с татарской.

И «Йолдыз» и «Вақыт» в начале своего пути не являлись газетами ежедневными, а издавались два – три раза в неделю. По этой причине большая часть номера состояла из статей самих редакторов, а присланные со стороны статьи подвергались глубокой языковой обработке. Именно данным фактом, в первую очередь, объясняется различие газет в языковом плане. Так, в газете «Йолдыз» ощущалось присутствие языка Хади Максуди, а в газете «Вақыт» – Фатиха Карими. В дальнейшем, когда газеты становятся ежедневными, в них начинают публиковаться разные авторы, приверженцы разных вариантов татарского языка. Таким образом, языковой облик и той, и другой газеты меняется, становится более универсальным, а позже и вовсе, подчиняясь веянию времени, попадает под воздействие течения татаризма. Справедливости ради следует отметить, что языковой татаризм того времени не очень-то и отличался от языкового тюркизма. Арабо-персидские заимствования – их общая беда – по-прежнему изменяли и усложняли язык до неузнаваемости. Причем порой язык газеты «Вақыт», близкий к османско-турецкому, был более прост в понимании, чем язык газеты «Йолдыз», отказавшийся от османско-турецкого влияния, но при этом чересчур перегруженный арабо-персидской лексикой.

К примеру, грамматический строй газеты «Борхане таракки» – представителя группы татарских периодических изданий Астраханской губернии, близок к строению современного татарского литературного языка. Однако нельзя не отметить и присутствие в нем элементов традиционных языковых форм, характерных для классического старотатарского языка и влияние османско-турецкого языка. Это является свидетельством еще неформленности нового татарского литературного языка. Падежная система языка газеты «Борхане таракки» демонстрирует использование смешанных падежных форм, что было характерно для многих литературных произведений и текстов статей татарских периодических изданий конца XIX – начала XX в., и это в очередной раз говорит о несформированности и продолжающемся процессе создания нового татарского литературного языка начала XX века. Особенно удачно это показывают аффиксы притяжательного, направительного и винительного падежей, которые кроме современных форм, имеют и формы, отличительные от современного татарского литературного языка. Глаголы, использованные в текстах газеты, также помимо современных форм, присущих татарскому литературному языку, имеют формы, характерные для тюркских языков огузской группы, в частности для османско-турецкого языка. Модальные слова,

использованные в текстах газеты, также подчеркивают влияние на язык газеты османско-турецкого языка.

Таким образом, язык татарского газетного текста начала XX века, в преобладающих случаях, является транзитной языковой формой с грамматическими элементами татарского и турецкого языков, от старотатарского литературного языка к новому литературному языку.

Литература

1. Бәширова И.Б. Татар әдәби теле тарихы: XIX гасыр ахыры - XX йөз башы / И.Б. Бәширова. - Казан: Казан дәүләт технология университеты нәшрияты, 1999. - 528 б.
2. Вәлиди Ж. Сайланма хезмәтләр / Ж. Вәлиди. - Казан: Мәгариф, 2007. - 271 б.
3. Ибраһимов Г. Милләт. Тел. Әдәбият. Сайланма хезмәтләр / Г. Ибраһимов. - Казан: Мәгариф, 2007. - 239 б.

**О ФОРМЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ОГУЗСКО-ТУРЕЦКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ
КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Мирхаев Р. Ф.

Филиал К(П)ФУ в г. Зеленодольске

mirhaev77@yandex.ru

Конец XIX – начало XX веков является сложным и в то же время интереснейшим этапом в истории развития татарского литературного языка. Сложность заключалась в том, что татарский литературный язык в данном этапе своего развития функционировал в нескольких письменных вариантах и перед татарской общественностью остро стоял вопрос о том, какой из них взять в основу для дальнейшего развития литературного языка [5: 11-19].

Среди письменных вариантов татарского литературного языка конца XIX – начала XX веков следует особо выделить так называемый «новоосманский вариант», который сформировался под влиянием тогдашнего османского (турецкого) языка на основе старотатарского литературного языка. Основной особенностью этого варианта является насыщенное употребление грамматических форм, характерных для огузской группы тюркских языков, в частности для османского (турецкого) языка, причем во многих источниках они использовались параллельно с собственно татарскими формами [8: 12]. В дальнейшем, несмотря на свою активность, большинство из них исчезли из системы татарского литературного языка. Одной из таких форм является настоящее время на *-jog*. Форма на *-jog* функционировал здесь наряду с другими формами настоящего времени, в частности с формой на *-a*, которая является ее грамматическим синонимом в тюркских языках кипчакской группы, в том числе и в современном татарском языке.

В статье рассматриваются морфологические и функционально-семантические особенности употребления формы настоящего времени на *-jog* в новоосманском варианте татарского литературного языка конца XIX – начала XX веков. Актуальность данного рода исследований объясняется тем, что в дальнейшем они помогут выявить причины исчезновения из системы татарского литературного языка элементов огузского происхождения, в частности грамматических

форм, характерных для османского (турецкого) языка. В качестве источников исследования были взяты литературные произведения и путевые заметки М. Акъегета, З. Бигиева и Ф. Карими, в которых наряду с собственно татарскими формами наблюдается активное употребление и огузско-османских (турецких) языковых элементов.

Основным значением формы *-jog* является действие, происходящее в момент речи. Кроме этого, она выражает продолжительное действие, которое непрерывно осуществляется в настоящем времени, а также может выражать действие, которое реально осуществилось в прошлом или осуществится в будущем. При спряжении с аффиксами лица она принимает аффиксы второй группы [7: 223-225].

Как уже было сказано, в письменных источниках новоосманского варианта татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков настоящее время на *-jog* является одной из самых часто используемых форм огузско-турецкого происхождения и, несмотря на то, что в большинстве случаев употребляется в третьем лице обоих чисел, она образует полную парадигму спряжения с аффиксами лица, т.е. спрягается с аффиксами всех лиц. При этом она принимает аффиксы, как первой, так и второй группы (Таблица 1).

Таблица 1. Парадигма спряжения формы на *-jog* с аффиксами лица

Лица	Утвердительная форма		Отрицательная форма	
	Единственное число	Множественное число	Единственное число	Множественное число
I лицо	يورم (ۛ) - يورسن (ۛ) -	يورز (ۛ) -	ميورم - مه يورم - ميورمن -	ميورز - مه يورز - ميورمز -
II лицо	يورسك (ۛ) - يورسك (ۛ) -	يورسكز (ۛ) - يورسكز (ۛ) -	ميورسكز -	ميورسز -
III лицо	يور (ۛ) -	يورلر (ۛ) -	ميور - مايور - مه يور -	ميورلر - مايورلر -

В письменных источниках новоосманского варианта татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков парадигматическим значением формы на *-jog* является выражение настоящего актуального (настоящего конкретного) времени, т.е. она обозначает действие, протекающее одновременно с моментом речи. При этом данная форма соответствует форме настоящего времени на *-a*, которая употребляется в современном татарском литературном языке [9, 122-123]:

سزنى بر آدم كورركا ايستيور. آفندم

[äfändem sezne bir adam kürergä istijor] - Мой господин, вас хочет видеть один человек [2, 10].

جماعت نك بو اشكا تعجيلندوكلرونندن سسلرى چقميور نفس لرينده آلمايورلر.

[cämägatneñ bu eşkä täğaccebländüklärendän säsläre çyqmyjor näfäslären dä almyjorlar] - Собравшиеся от удивления стояли затаив

дыхание [2, 45].

شاكر افندی كندی عائله سيله كورشور وداع ايدييور.

[šakir äfände kände ailäsijlä görüşüjor vâda idijor] - Шакир эфенди прощается со своей семьей [6, 4].

بز آكلاميورز. 'سويليور شيلر بر نمسه جه كنه حمال

[xamal jinä nimsäcä bir šäjläř söjlüjor biz aŋlamijoruz] - Проводник снова что-то говорит на немецком, мы не понимаем [6, 61].

يوقسه سانداقلى آجمغه مى امر ايدييور.

[juqsa sandyqlary açmağy my ämrädijor] - Может быть приказывает открыть сундуки? [6, 61].

چاى كىبى شيلرگز وارمى ديه رك صوربيور. 'توتون ياكه 'مالگز تجارت ويره جك پوشينه

[pošlina vâräcäk ticarät malıyız jäki tütün čaj gibi šäjläreñez var mı dijäräk sorujor] - Спрашивает, есть ли товары, которые облагаются пошлиной, или такие вещи, как сигарета, чай [6, 61].

Кроме данного значения форма на *-jor*:

1. Обозначает действие продолжительное, которое воспринимается как непрерывное действие в настоящем времени, причём это действие началось до момента речи:

وابور حرکتنده دوام ايدييور.

[vabur haräkätinde dävam idijor] - Пароход продолжал свой путь [4, 2].

آتلارگ بقيه لرى شو زمانه قدر روسياده وولعا ايله دون نهري آراسنده استرخان ولايتنده اقامت ايدييورلر.

[anlaryñ bäqjalary šu zamana qadar rusjada volga ilä don nähre arasynda ästerxan vilajätendä iqamät idijorlar] - Их племена до сих пор живут в России, между Волгой и Доном, в Астраханьской губернии [4, 36].

2. Выражает действие обычное, постоянное, безотносительно к моменту речи. Постоянный, обычный характер действия, передаваемый данной формой, не ограничено какими-либо специальными условиями контекста. Наоборот, благоприятным условием для его проявления является отсутствие конкретной ситуации и неконкретный, обобщённый характер действующего лица:

بر صو چرولداب آقيور. آنچق يقينده كچوك

[ançaq jaqynda küçük ber su çereldäp aqyjor] - Только где-то вблизи течет ручей [1, 37].

چاقرم حرکت ايدييورلر. 22 دن زياده واپورى وار؛ ساعت ده آشاغييه 40

[qyrqdan zijadä vabury var saatda ašağyja jirmi iki çaqrym haräkät idijorlar] - Имеет больше сорока пароходов, которые за час проплывают больше 22 вёрст [4, 16].

تورکستان يوللرنده نههرل اوزنده كوپر بولنمايور.

[türkistan jullarynda nährlär üzärendä küper bulynmujor] - В дорогах

Туркестана, проходящих через реки, мосты не имеются [4, 83].

سائر شرق لسانلری تحصیل اولنیور. ترکی و 'فارسی' عربی بونده

[bunda arabi farsi türki vâ sairä şarq lisanlary taxsil olunuĵor] - Здесь изучаются арабский, персидский, турецкий и другие восточные языки [6, 17].

جهنمک ایچروسنده بیوک آتش یانیور.

[cähännämin içrüsendä büjüĵ atäş janyĵor] - Внутри ада горит большой огонь [6, 136].

اوروپاده بزده کی کیبی چای ایچمیورلر.

[avrupada bizdäki čaj içmijorlar] - В Европе как у нас не пьют чай [6, 160].

3. Обозначает повторяющиеся действия:

گونلر عادتجه کچیورلر. موسی افندنک حالونی بلورکا هر کون کلیورلر.

[günlär adätčä gäçijorlar musa äfändeneĵ xalini belergä här gün gälijorlar] - Дни проходили как обычно, Мусу эфенди посещали каждый день [2, 35].

الرنده فانوس وار حرکت ایدیورلر. 'طرفه بو طرفه او انسانلر

[insanlar o tarafa bu tarafa ällärendä fanus var xaräkät idijorlar] - Туда-сюда ходят люди с фонарями в руках [4, 60].

بو واغونک کندينه مخصوص خادملى اولوب کيجه اولدقده يتاقلرى دوشه يورلر صباح اولدقده طويليورلر.

[bu vagonuĵ kändinä maxsus xadimläri olup gäcä olduqda düşäĵorlar sabax oldukda topluĵorlar] - В этом вагоне имелись свои специальные проводники, которые каждую ночь стелили постель, а утром собирали [6, 163].

4. Может выражать значение косвенного повеления, при этом действие может относиться к любому грамматическому лицу:

! کلیور حاکملر! ایده یورمن طلب طروؤنکرنی جماعت

[cämaĵat toruwuĵuzny talär idäyormun xakimläär gälijor] - Встать, суд идет [2, 39].

Таким образом, в новоосманском варианте татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков для формы на *-ĵor* в семантическом плане было характерно выражение довольно таки широкого спектра значений. И в морфологическом плане он смог себя полностью реализовать - образует полную парадигму спряжения с аффиксами лица. Однако, несмотря на все это, в дальнейшем форма настоящего времени на *-ĵor* исчезает из употребления, а функции настоящего времени в татарском литературном языке полностью закрепляются за формой на *-a*. Причиной тому, скорее всего явилось то, что форма на *-ĵor* не смотря на свою активность употребления, все же не смогла стать полноправным

элементом системы татарского языка. Прежде всего, она не характерна для диалектов и разговорного языка, в которых значения настоящего времени передаются другими формами, одной из которых является форма на *-a* [10: 293-343]. На наш взгляд, именно это и позволило ей со временем вытеснить из системы литературного языка форму на *-joŋ*.

Литература

1. Акъегет М. Хисаметдин менла. Милли роман яки хикәя / М. Акъегет. – Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1886. – 70 б.
2. Бигиев З. Өлүф, яки гүзәл кыз Хәдичә. Роман / З. Бигиев. – Казан: типогр. Г. М. Вечеслава, 1887. – 77 б.
3. Бигиев З. Гәнаһе кәбаир. Роман / З. Бигиев. – Казан: типогр. Г. М. Вечеслава, 1890. – 72 б.
4. Бигиев З. Мавәразнәһәрдә сәяхәт (Транс-Оксанияйә сәфәр) / З. Бигиев. – Казан: типолитогр. И. В. Ермолаевой, 1908. – 108 б.
5. Бәширова И.Б. XIX гасыр ахыры - XX йөз башы татар әдәби теле: исем категорияләре һәм фигыль наклонениеләрендә әдәби норма, норма вариантлылыгы һәм функциональ-стилистик вариантлылык / И.Б. Бәширова. – Казан: КДТУ нәшр., 1999. – 576 б.
6. Карими Ф. Йаурупа сәяхәтнамәсе. – Оренбург: типогр. «Вакыт», 1902. – 191 б.
7. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А.Н. Кононов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
8. Мирхаев Р.Ф. Огузско-турецкие элементы в татарском литературном языке конца XIX - начала XX веков: дисс. ... канд. филол. наук / Р.Ф. Мирхаев. Казань, 2003 – 167 с.
9. Татар грамматикасы. Т. II. – М.: ИНСАН, Казань: ФИКЕР, 1999. – 512 с.
10. Юсупов Ф.Ю. Морфология татарского диалектного языка / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Фэн, 2004. – 592 с.

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ЦИКЛА (НА ПРИМЕРЕ ГРАФИЧЕСКОГО
СООТВЕТСТВИЯ АЛИФ И АЛИФ ЙАЙ)**

Нуриева Ф.Ш.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

fanuzanurieva@yandex.ru

***Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта №
12-14-16029/а***

В языке памятников золотоордынского цикла выделяется графически многообразное вариативное написание слов с алиф+йай и алиф, что указывает на ослабление корневого [ä] и на передвижение гласных ä ~ е ~ і. Как показывают исследования тюркологов (Щербак, 1970; Севортян, 1974; СИГТЯ, 2002), изменение гласных в корне из широких в соответствующие узкие выступает спорадически во всех диалектах тюркского языка с древнейших времен. На вариативное написание в орхонских текстах слов с начальным гласным ä и с его опущением [e] обратил внимание В.Томсен, который усмотрел в указанных перебоях отражение своеобразного произношения. На явления замены [e] узким [i] в руническом письме: *el~il* «народ, государство»; *eki~iki* «два» и другие указывает И.А.Батманов (1959, 31-32). Большинство ученых считает, что звук [e] в истории развития тюркских языков появился относительно поздно в результате фонетических изменений. В.В. Радлов попытался установить приблизительную хронологию этого фонетического явления. По этому поводу В.В.Радлов (1884, 25) писал: «Постепенный переход ä в і, по моему мнению, произошел в тюркских наречиях позже XIV века и именно следующим образом: сначала ä корня тюркских языков (как он еще теперь выговаривается в алтайском, крымском и азербайджанском наречиях) в западных и киргизских наречиях перешел в звук е, произносимый при большом небном сужении, как мы теперь его слышим в киргизском и абаканском наречиях (подобно немецкому е в слове *sehen*). Впоследствии небное сужение увеличилось, так что во всех урало-волжских наречиях он является как і, выговариваемый при очень энергичной небной артикуляции». Таким образом, по мнению В.В.Радлова, переход [ä] в [i] произошел в тюркских языках Поволжья позже XIV века в результате сужения корневого [ä] до ступени [i].

Соглашаясь с мнением тюркологов, что передвижение гласных не

является узколокальным явлением и что изменение в корне гласных из группы широких в соответствующие узкие выступает спорадически во всех диалектах с древнейших времен, подчеркнем, что только в татарском и башкирском языках оно привело к изменению всей шкалы вокализма. Вполне возможно, процесс сужения широких гласных мог возникнуть вследствие различных причин, связанных прежде всего с особенностями внутреннего развития каждого конкретного языка, и вполне естественно, в силу интра- и экстралингвистических факторов, влияющих на специфику развития языков. Исходя из сравнительного анализа языка эпитафий волжских булгар, Ф.С.Хакимянов (1987, 4) склоняется к мнению, что исходной является система с трехступенчатой оппозицией гласных. Если в раннетюркских памятниках начальную графему можно читать еще как [ä], то в среднетюркских текстах ее необходимо читать как [e] (Хакимянов, 1987, 40-41). Э.Наджиб также указывал на «большую трудность для транскрипции буквы йай, которая, по-видимому, обозначает [i], [e]. Негубной узкий [i] в начальной позиции легко передать при помощи арабского алфавита, но трудно передать негубной полуширокий [e]» (Наджиб, 1975, 81). Об изменении исконного [ä] в первом слоге на [e] и [и] Я.И.Экман говорит следующее: «Караханидское [ä] в первом слоге сохранилось вплоть до середины XV в. Но после оно начало заменяться [e]. Караханидские слова, такие, как: ار (är), اشيك (äşik), كلماك (kälmäk) и др. пишутся в чагатайском как ir, işik, min, как в современном казанско-татарском произношении или с [e]: er, eşik, kel, как в современных тюркских языках Средней Азии (Экман, 1966, 37).

Понимая всю сложность интерпретации графической передачи гласных [ä] - [e] - [i] и учитывая традицию большинства исследователей в транскрипции среднетюркских памятников через [e], мы допускаем возможность интерпретации сохранения анлаутного (алиф) и пропуска гласного в закрытом слоге как древнетюркского [ä], а звуки, переданные графемой «الي» алиф йай», обозначаем [i], хотя допускаем, что «الي» мог обозначать и промежуточный [e]1. Мнения таких авторитетных ученых, как В.В.Радлов, Я.Э.Экман, исследователя развития старотатарской деловой письменности Ф.Хисамовой, которая также считает, что «в текстах XVI-XVII века узкий нелабиализованный гласный переднего ряда [i] последовательно выступает на месте исконного [ä] и этот звук передается буквой «ي» (йай) и буквами «الي» алиф + йай» в анлауте (Хисамова, 1995, 156), подтверждают нашу точку зрения. При транскрипции словоформ из привлеченных текстов учитывалось и то, что официальный язык Золотой Орды был кыпчакский.

Наблюдения показывают, что для языка памятников характерно вариативное написание, где историческое [*ä] и узкий нелабиализованный гласный переднего ряда [i] выступают параллельно. При рассмотрении тенденции соответствия ä ~ е ~ і становится очевидным, что в исследуемый период наблюдается активный процесс сужения [*ä]. Если в языке «Кысас ал-анбия» Рабгузи (1310) графическое колебание несет определенную семантическую дифференциацию, ср.: ار *är* «мужчина», ایر *ir* «воин», в остальных словоформах сохраняется древнетюркское ä: اجدیلار (13-7) *eçdilär* «выпили», اشتدی (17-3) *eşitdi* «услышал», (15-6) *esrutdi* «опьянели», اذكو (17-8) *äbgü* «праведный». Эти же слова в списках памятника более поздней переписки переданы сочетанием «алиф + йай»: ایجتیلار (И.61-23) *içtilär* «выпили», ایشلار (И.67-3) *işlär* «дела» и др. В языке произведений, написанных в середине или во второй половине XIV века, характерным является вариативное написание слов: с начальным ا (алиф) или ای (алиф йай), или пропуск и отражение ې (йай) в первом слоге. Сравни: для языка КР - характерно одновариантное написание слов с ا (алиф), для НФ, КБ характерно сохранение древнетюркского типа: ا (алиф) и вариативное написание ا (алиф) и ای (алиф+йай), где ا (алиф) привалирует. Например, в языке НФ отчетливо выделяются три группы слов:

1) характерными, как показывают данные, являются дублетные формы написания: ال *äl* (229-9) ~ ایل *il* ~ el (34-14) «рука», ارتا (254-1) *ärtä* ~ ایرتا *irtä* (322-3) «умро», ار *är* (366-14) ~ ایر *ir* (367-1) «мужчина», كچا *käçä* (287-3) ~ کيچا *kiçä* (232-3) «вечера», تيریک *tirik* (262-1) ~ ترک *tärek* (262-11) «живой», تیمور *timur* (237-16) ~ تيمور *tämur* (11-8) «железо», بيگی *bigi* (36-6) ~ بگی *bägi* (49-8) «его правитель», بزاک *bzäk* (36-6) ~ بیزاک *bzäk* (380-9) «украшение - наряд», اكسه (218-11) *äksä* ~ ایکسه (234-8) *iksä* «посеять», اگین (43-11) *ägin* ~ ایگین (234-9) *igin* «посев», т.е. традиционные и новые гласные функционируют параллельно;

2) вторая группа слов, где ا (алиф) в анлауте без колебаний выражает древнетюркский [ä]: اسان (28-1) *äsän* «живой», اتماک (332-17) *atmäk* «хлеб», ارکاک (178-11) *arkäk* «особь мужского пола, самец», الیک (250-17) *älük* «пятьдесят», اتاک *ätäk* «подол», امکاک (28-10) *atmäk* «рука» и т.д;

3) имеется также немногочисленная группа слов с начальным [i], где не вызывает сомнения переход *ä > i: اینکاک (346-8) *iñäk* «подбородок». В «Диване» М.Кашгари, в словаре Абу-Хайяна انکاک *äñäk* «подбородок», ایشیت (14-17) *işit* «услышь», в МК äşit «слышать», ایل (17-362) *il* «страна», این (64-10) *iñ* «ширина».

В языке XIII и MN, КБ, Дж наблюдается характерное для среднетюркских памятников вариативное написание, однако в анлауте

превалирует графическая передача اـ (алиф+йай). Для Гб и СС характерно одновариантное написание слов лишь с اـ (алиф йай) и с [i]: ايل (136r-11, 30v-9) il «рука», ايل (164v-1; 23v-2) il «страна», ايا (100-2) ijä «хозяин», ايشيك (119-11, 125-9) işik «дверь», ايش (294-4, 99-2) iş «дело», ايار (44-13) ijär «следуй», ايستاماك (140v-6, 36r-7) istämäk «искать», اينك (46v-12) in «ширина».

Соответствие	КР	НФ	Кб	Дж	ХШ	МН	Гб	СС	ІМ
Карак.-уйг. (алиф)	o	o			l	l			
Вариатив.		●	●	●					o
Кыпч. койне		l	o	o	o	o	o	o	o

o - базисное употребление,

● - вариативное употребление,

l - периферийное употребление.

Сокращенные обозначения источников, ссылки на которые имеются в тексте

Гб - A Fourteenth century turkic translatiyn of Sa`dis Culistan (Sayfi Sarayis Culistan bit-turki). By.A.Bodrogligeti. - Budapest, 1969. - 450 P.

Дж - Исламова А.И. Исследование языка тюркско-татарского памятника XIV в. «Дастан -и Джумджума Султан» Хисама Кятиба: Дис. ... канд. филол. наук. - Казань, 1998. - Текст. - С.39-62.

ІМ - Toparli R. Irşadul-Mülük Ves-Selatin. - Ankara. - 1992. - 627 s. - Faksimile. - 1992. - 498 s.

Кб - Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» . - М.: Наука, 1979. - Текст. - С.124-143.

СС - Radioff W. Das turkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. - StP, 1887. - Wörterverzeichnis. - S.1-132. - Einzelne Sätze. - S.1-79. - Vorwort. - S.80-111.

КР - Мелиоранский П.М. Сказание о пророке Салихе // Сб.ст. - СПб, 1897. - 281 с.; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. - М., 1951. - С.323-341; Ильминский И. Казань, 1859. - 555 с.

МН - Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. - М.: Изд.восточной лит-ры, 1961. - 223 с.

НФ - Eckmann J. Nehcü'l - Feradis. I, Tipki Basim. - Ankara, 1956. - 444 s.

ХШ - Zajaczkowski A. Najatarsza wersja turecka Husräv u Şirin Qutba. - Warszawa, 1958. - Tect. - 304 s.; Faksimile. - 238 s.; Slownik. - 207s.

1 Автором учитываются анализ и транскрипция, использованные исследователями по конкретным текстам.

Литература

1. Eckmann J. Die Kiptschakische Literatur von Janos Eckmann / J.Eckmann // *Filologiae Turcicae Fundamenta*. - Wiesbaden, 1964. - S. 280-285.
2. Радлов В.В. О языке куманов: по поводу издания куманского словаря / В.В.Радлов // *Записки Императорской Академии наук*. - СПб., 1884. - Т. 48. - Кн. 2. -№4. - 53 с.
3. Севортыан Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э.В.Севортыан. - М., 1974. - 767 с.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. - М.: Наука, 2002. - 767 с.
5. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники волжских булгар и их язык / Ф.С.Хакимзянов. - М.: Наука, 1987. - 101 с.
6. Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVI - нач. XVII вв.): Дис. ... д-ра филол. наук / Ф.М.Хисамова; Каз.гос.ун-т. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. - 418 с.
7. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А.М.Щербак. - Л.: Наука, 1970 - 204 с.

**ВАРИАНТЫ ГРАФИЧЕСКОГО НАЧЕРТАНИЯ НЕКОТОРЫХ
ПАДЕЖНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ КАК КЛЮЧ К ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕКСТА.**

Передня А. Д.

СПбГУ, Восточный факультет

secretary@orient.spbu.ru

Традиционно считалось, что существует древнетюркский язык, в который входит как древнетюркский язык рунических памятников, так и древнеуйгурский язык. Однако древнеуйгурский язык причисляется к огузо-уйгурским. Так, некоторые исследователи полагают, что древнеуйгурский язык относится к уйгуро-тюкюйской подгруппе тюркских языков. Данная подгруппа составляет самую древнюю в хронологическом отношении подгруппу языков и состоит из двух древних языков: древнетюркского языка енисейско-орхонских надписей и древнеуйгурского языка, а также двух современных языков: тувинского и карагасского. Помимо этого, существуют представления о том, что древнеуйгурский язык относится к уйгурской подгруппе тюркских языков. К этой группе причисляют тувинский, тофаларский, якутский, хакасский языки. Существует и другая точка зрения, согласно которой представленный главным образом в памятниках буддийского, христианского, манихейского содержания и юридических документах VII-XIII вв. древнеуйгурский язык, относится к древним тюркским языкам, предшественниками которых являются древнейшие тюркские языки.

Категория склонения в древнетюркских языках является развитой и упорядоченной, поэтому можно сказать, что она является одной из основных категорий для рассматриваемых тюркских языков.

Традиционно считается, что в древнетюркском языке рунических памятников присутствуют две совпадающие по начертанию падежные формы, которые представлены аффиксом *-up*, а именно, формы инструментального падежа и формы винительного падежа.

Однако существует и иная точка зрения, согласно которой форма, образуемая показателем *-u(n)* в тюркских языках, обладает самым общим грамматическим значением, сигнализирующим о существовании некой связи между участниками ситуации, и способна передавать в качестве смыслов и информацию об орудии действия, и информацию о прямом

объекте.

В связи с вышеизложенным автор поддерживает точку зрения, согласно которой языке древнетюркских рунических памятников следует различать аффикс инструментального падежа и аффикс винительного падежа, употребляемые после аффикса принадлежности, а также высказать предположение о различной природе их возникновения.

Литература

1. Губайдуллина 2006 - Губайдуллина М.Э. К вопросу о функциональном использовании падежных форм с показателями $-(y)n$ и $-(y)\gamma$ (в памятниках древнетюркской рунической письменности) // Вопросы тюркской филологии. М., 2006. С.40-48.
2. Кононов 1980 - Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л., 1980. 255 с.
3. Малов 1951 - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951. 352 с.
4. Кормушин 2004 - Кормушин И.В. Древние тюркские языки. Абакан, 2004. 336 с
5. Кондратьев 1981 - Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII-XI в. Л., 1981. 191 с.
6. Телицин 2011 - Телицин Н.Н. Инфинитные формы глаголы в древнеуйгурском языке//Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. Спб., 2011. С-179-230

Һ.ТАКТАШ ҺӘМ КОРЪӘН ("ЖИР УЛЛАРЫ ТРАГЕДИЯСЕ" МИСАЛЫНДА)

Сабилов Р.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

sabrad@mail.ru

Коръән – мөселман халыкларының әдәбиятына гына түгел, бөтен дөнья әдәбиятына да нык тәэсир итүче чыганак булып тора. Коръәннең аерым сүрәләрен стильләштерү, андагы мотивларга шигъри ияруләр күп кенә Көнбатыш Европа һәм рус язучылары әсәрләрендә дә байтак. Төрки-татар әдәбиятына да изге китапның тәсире зур. "Коръән татар әдәбиятына төп юнәлеш биргән, күп кенә шагыйрь-язучыларның дөньяны күзаллавында мөһим фактор булып торган" [2, 117].

Һ.Такташ башлангыч чор ижатында дини-мифологик мотивларны мулдан куллана. Коръәнгә нигезләнеп ижат иткән әсәрләренә иң күренеклесе, мөгаен, "Жир уллары трагедиясе" сөдер. Шагыйрь үзе бу әсәрен яһүд халкы мифологиясенә барып тоташуы турында искәртә. Каин белән Авель арасындагы конфликт – ул игенче белән терлекче арасындагы каршылык. Алла икенчесенә корбанын кабул итеп, үзенә аны өстен күрүен белдерә. Көнчелектән Каин кардәшә үтерә. Такташ әлеге мифны тулысынча үзгәртә [1, 69].

Әлеге сюжет Коръәндә дә урын алган. М.Тажетдинова, гомумән, әлеге әсәренә Коръәндәге "Майдә" (Аш яулыгы) сүрәсенә 27-31 аятләре нигезендә ижат ителүен раслый [2]. Аятләрдәге сюжет буенча Кабил белән бер карында яткан Әкһлимә Ходай әмере белән Һабилгә тиеш була. Бу хәбәрне Жәбраил Канун житкерә.

Тик Кабил әлеге әмергә буйсынмый: Әкһлимәне үзенеке итү өчен, туганы Һабилне үтерә. Шуннан соң Кабил, нәкъ Коръәндә язылганча, кылган гамәле өчен бик үкенә. Әсәрдә Кабил бу ялгышлыкны Газзил-Иблис коткысына биреләп эшли. Идея (идеология дип аңларга кирәк) Кабилне дингә каршы котырта, тормыш авырлыгында Ходайны гаепли.

Әсәрдә Кабилнең туганнары Ходайдан аны ярлыкавын сорыйлар, тик Аллаһы Тәгаләдән ярдәм булмый, чөнки Кабил тәүбәгә килми, Ходайдан ваз кичеп, Идеягә иярә. Такташның әлеге сюжеты да Коръән аятләрен нигез итеп язылган булса кирәк. "Гимран" сүрәсенә 26нчы аятендә болай диелгән: "Аллаһу Тәгалә һичкемгә көчә житмәгән эш белән

көчлэмәс, мэгәр көчө житкән эш белән көчләр. Берәү Аллаһуга буйсынып изге гамәлләр кылса, файдалы эшләрне генә эшләсә – файдасы үзенәдер, әгәр берәү Аллаһуга карышып гөнаһларны, явыз эшләрне кәсеп итсә – газабы үзенә”. “Майдә” сүрәсенәң 28нче аятендә язылганча, Кабил үтерү белән янаган чакта да Һабил аны үтермәячәген әйтә, андый кешегә газәпләр киләчәк дип, туганына аңлатырга тырыша. Әсәрдә дә нәкъ шушы ук фикер кабатлана. Һабил туганын ярлыкавын сорап Ходайга мәрәжәгать кыла, чөнки аңарда туганлык хисе бик көчле. Үз бәхетә өчен туганын үтерү түгел, киресенчә, туганы өчен үзен корбан итәргә дә әзер.

Һ.Такташ Корьәндә аңлатылган вәзифаларын яхшы белгән хәлдә әсәрләренә урынлы китереп кертә. Әйттик, уңай геройларны Жәбраил кебек Ходайга тугрылыклы фәрештәләр, пәйгамбәрләр образы аша бирә; начар кешеләрне гәүдәләндерү өчен Газазил, Газраил кебек персонажларны куллана; мәрхәмәтле кешеләрне тасвирлау өчен шагыйрь Ходайга гыйбадәт кылучы Һабил, Әкълимә, Адәм, Һава образларын уңышлы файдалана. Кабил кебек динсез кеше исә туганын үтерү кебек иң авыр жинаять кылудан да тайчынмый, мөхәббәтне дә ул жил кебек ирекле булырга тиеш дип саний...

Литература

1. Гомәров И. Һ.Такташ ижатында мифопозитик башлангыч / И.Гомәров // Фәнни язмалар-2005. - Казан, 2006. - Б.69-71.
2. Таҗетдинова М. “Яңа” Такташ - ул нинди? / Т.Таҗетдинова // Казан утлары. - 2007. - №4. - Б.113-117.

**ДАНЬ ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО (К 175-ЛЕТИЮ
В.В.РАДЛОВА)**

Сайфулина Ф.С.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

fsaifulina@mail.ru

В истории тюркологии не столь много имен, оставивших после себя многоаспектные фундаментальные труды, касающиеся сопоставительному исследованию языков тюркских народов. Одним из таких ученых с мировым именем является академик Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов (1837-1918), ознаменовавший целую эпоху в истории мировой тюркологии. Научное наследие ученого поражает своим размахом и глубиной.

Данью памяти великого ученого, посвятившего себя столь трудной миссии – сбору, записи и всестороннему изучению всей многогранности и богатства языка тюркских народов и явлением в современной тюркологии может считаться увидевшая свет в канун 175-летия В.В. Радлова четвертый том книги «ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН, ЖИВУЩИХ В ЮЖНОЙ СИБИРИ И ДЗУНГАРСКОЙ СТЕПИ». Наречия барабинцев, гарских, тобольских и тюменских татар (Казань: Татарское книжное издательство, 2012. – 519 с.). Составителем данного великолепного издания и идейным вдохновителем его выхода в свет является доктор филологических наук, ученый, внесший огромный вклад в современное языкознание и диалектологию, исследованию различных аспектов татарского языка профессор отделения татарской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета Фарит Юсупович Юсупов.

«Изучению творческого наследия В.В. Радлова в тюркологической литературе посвящено большое количество научных статей и биографических очерков, дающих представление о той или иной стороне его многогранного творчества, о различных периодах жизни и деятельности, в то же время, как ни странно, жизнь замечательного тюрколога до сих пор остается почти совершенно неизвестной,» – пишет составитель в своей объемной вводной статье к книге «В.В. Радлов – выдающийся тюрколог России» (С. 5-28). Здесь автор статьи, задаваясь целью ознакомления широкой аудитории с деятельностью великого ученого, прослеживает все вехи его жизни и научной деятельности, дает

краткую характеристику основным трудам, высоко оценивая их значение в мировой тюркологии, тем самым составляя полную картину многогранного, многочисленного научного наследия В.В. Радлова, составляющего основополагающее значение в научной тюркологии. Обращаясь к трудам великих ученых А.Н. Кононова, С.В. Вайнштейна, С.Г. Кляшторного, Л. Штернберга, А.Н. Самойловича, Э.Р. Тенишева и др., автор вводного слова создает полное представление как о разносторонней научной деятельности изучаемого ученого, так и о ближайшем окружении В.В. Радлова. Таким образом, Ф.Ю. Юсупов создает представление о становлении тюркологии как науки и научном сообществе XIX века, ознаменовавшемся важными событиями в истории тюркологии в целом и татароведении в частности.

Привлекает немалый интерес также статья составителя «Сибирские татары» (С. 29-56), являющаяся обобщением результата многолетнего труда ученого, а также многочисленных полевых экспедиций в Западную Сибирь. Здесь автор пишет о сибирских татарах, проживающих в бассейнах реки Обь и ее многочисленных больших и малых притоков – Иртыш, Ишим, Тобол, Чулым, Томь, Ом, Тура, Тавда, Исеть и др., об истории заселения этих земель, государствах, некогда организованных и существовавших на этих обширных территориях, знакомит читателя с укладом жизни и быта сибирско-татарского народа. С завидной последовательностью и подробно описаны здесь особенности отдельных говоров, которые составляют пеструю картину языка сибирских татар. Особое место уделяется языковым явлениям тобольских, тевризских, тарских, ишимских, заболотных, барабинских, томских, чулымских, калмакских татар. В связи с тем, что в анализируемой книге В.В. Радлова представлены образцы народного творчества тюркских народов, населяющих именно эти территории, данная статья приобретает особую актуальность и научную привлекательность.

Достойное место занимает включенная в книгу статья «По следам Радлова» (С. 487-498), известного ученого-фольклориста, вышедшего из сибирских татар Флоры Вагаповны Ахметовой-Урманче, которая вслед за учеными-тюркологами признает, что «Образцы...» в десяти томах, а также «Опыт словаря тюркских наречий» в восьми томах составляют основу всей тюркологии. Обобщая опыт исследования фольклора сибирских татар писателями Н. Исанбетом и М. Садри (1940), известными татарскими фольклористами Х. Ярми (1940, 1967), Ф. Ахметовой, Л. Замалетдиновым, Х. Гатиной, Н. Ибрагимовым, Х. Махмутовым, Ф. Урманчевым, Н. Хисамовым с 1967 по 1974 годы и позже молодым поколением фольклористов, она пишет: «...были

предприняты экспедиции в те аулы и селения, где в свое время пребывал В.В.Радлов и осуществил с поразительной точностью записи тех произведений, которые, увы, через сто лет мы уже не застали». Целью данной работы автор определяет как представление весьма обширной картины современного состояния фольклора сибирских татар, в частности лирических жанров, в сопоставлении записей современных фольклористов с уникальными фиксациями академика в позапрошлом веке. Статья Ф.В. Ахметовой-Урманче помогает должным образом оценить огромный вклад В.В. Радлова в татарскую фольклористику.

Особый научный интерес вызывает представленный в конце книги составителем Ф.Ю. Юсуповым наиболее полный хронологический перечень трудов самого В.В. Радлова и литературы и нем.

Бесспорно, главное место представляемого издания занимает книга «*Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В.В. Радловым*», часть IV. *Наречия барабинцевъ, тарскихъ, тобольскихъ и тюменскихъ татар* (С. 57-473). Несомненным достоинством работы является то, что составителем подготовлено к переизданию единственное издание, напечатанное по распоряжению Императорской Академией Наук в марте 1872 года в Санктпетербурге, с сохранением всех особенностей академической транскрипции В.В. Радлова, а также технических особенностей издания и рисунка шрифта типографии того столетия.

Данный фундаментальный труд, а также включенная в представляемое издание работа В.В. Радлова «Из Сибири» (отрывки, С. 474-486), как отмечает составитель книги Ф.Ю. Юсупов, «...имеют основополагающее значение для исследований тюркского фольклора» (С. 9).

Во введении к этому тому В.В. Радлов приводит некоторые исторические материалы о татарах, проживающих на данных территориях и диалектных особенностях их языка, что делает изыскания ученого важным источником как для фольклористов, так и для историков и диалектологов. Здесь ученый отмечает, что тобольские, тюменские, тарские, барабинские татары исторически более близки к алтайским телеутам, а связи со Средней Азией и Восточной Европой – явления более позднего периода.

Собранный В.В.Радловым фольклорный материал классифицирован по месту их записи: Бараба, Гарлык, Тоболык, Темәнлек, Тобул халк, Темәнлекләр, которые включают в себя разные жанры народного поэтического наследия. Интересно то, что ученый отмечает, что устные творения уже в его время сохранялись лишь как «святые воспоминания

молодости того времени, когда народный дух еще давал им смелость открыто восхвалять в песнях и сказках деяния их предков. Нынешнее поколение поет Мухаммадию, хикметы Ахмеда Ясави и Мир Али Шира, хоть содержание их для большинства совершенно непонятно» (С. 67).

Особо привлекает на себя внимание записанные В.В. Радловым из уст сказителей-татар, живущих в Сибири, самобытных и полных местного колорита вариантов дастанов «Идегей», «Алтаин Саин Сөмә», «Ак күбек», «Ястэй Мөңкә», «Межек алып», «Йертөшлек», «Кузы Көрпәч и Баян Сылу», «Купланды», «Камбар», «Таһир-Зөһрә», «Бүз егет», которые являются уникальными образцами древнетюркского эпоса и духовным достоянием ряда тюркских народов. Как отмечается учеными, прозаические сказки и эпические сказания в виде сказок записаны В.В.Радловым довольно полно и сохраняют художественные достоинства жанра. Заметим, однако, что, по словам Ф.Ахметовой-Урманче, через сто лет ни одна из этих сказок не повторилась даже в вариантах. Ученые находили лишь сходные мотивы и образцы. Таким образом, тексты фольклорного материала, записанные в IV томе «Образцов...», дают ценнейший материал не только для изучения развития и угасания фольклора, но и для исследования быта, языка, культуры сибирских татар и заслуженно считаются краеугольным камнем тюркологии.

При анализе данной работы поражает воображение практическая деятельность ученого, избранного «ординарным академиком по части истории и древностей азиатских народов», посвятившего шесть десятилетий исследовательской работы «тюркским племенам» России, который сам фиксировал достоверные языковые факты, выезжая на длительные экспедиции по Алтаю, Туве, Хакасии, Шории, Восточному Казахстану, Киргизии, Узбекистану, Северной Монголии, Сибирских земель, вследствие чего накопил огромный материал по всем живым тюркским языкам, записал множество произведений устного народного творчества из уст самих носителей языка. В дополнение ко всему изучал быт, верования, обряды, историю, записывал этнографические и археологические факты, сам проводил раскопки.

Увидевшее свет в канун юбилея ученого данное издание, является знаком искреннего уважения и преклонения татарского народа перед авторитетом великого ученого-тюрколога В.В. Радлова и подтверждением мысли С.Ф. Ольденбурга, не случайно подобранной эпитафией ко вводной статье составителя книги о том, что «Люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В.В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

**ПРИМЕНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СОЗДАНИЯ
КОМПЬЮТЕРНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКОВОЙ ОБРАБОТКИ**

Селендили Л. С.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

crimeantatarphilology@hotmail.com

Для того чтобы создать систему докорпусных представлений о системе конструкторов крымскотатарского предложения, необходимо выполнить синтаксическую разметку текстологического материала. Синтаксическая разметка представляет собой:

- фиксацию синтаксических связей
- приписывание синтаксическим единицам соответствующих морфологических и семантических характеристик
- выявление структурных типов предложения
- определение синтаксической функции непосредственно составляющих
- определение функции синтаксических конструкторов как членов предложения.

Для крымскотатарского языка существуют определенные сложности синтаксической разметки, потому что

- до сих пор не было оценочной системы конструкторов, которая используется реципиентом для классификации различных объектов его речевого пространства;
- реципиент не всегда имеет узкое представление о том, какие конструкторы использовать для прогнозирования повторяющихся событий.

Материалы собранные и описанные нами в наших предыдущих работах свидетельствуют о том, что первичная морфологическая разметка позволит зафиксировать синтаксические связи, приписать синтаксическим единицам соответствующие морфологические и семантические характеристики, выявить структурные типы предложения, определить синтаксические функции непосредственно составляющих, определить функции синтаксических конструкторов как членов предложения [1-8].

Грамматическая индексация в работе выполняется по принципам разработанной нами морфологической разметки, основанной на классификации частей речи, предлагаемой в крымскотатарской

грамматике А. Меметова [9; 10].

Морфологическая разметка показывает функционирование крымскотатарских грамматических категорий в контексте, демонстрирует их структуроформирующие особенности, позволяет представить инвентарные данные синтаксической конструкции.

Для выработки правильной последовательности полуавтоматической разметки грамматических данных важно обратить внимание на следующее [11; 12]: 1) крымскотатарский язык агглютинативный, порядок слов в предложении строгий (исключение составляет поэзия и эмоционально обусловленные предложения), обусловлен морфологическими характеристиками и синтаксическими функциями конструктов (базовые конструкты описаны в наших предыдущих работах: Оказ (Селендили)1996-2011); 2) среди аффиксов выделяются такие, которые имеют сходства в плане выражения, например: -лердже/-ларджа и -джа/-дже, поэтому для максимального избежания погрешностей разметки сначала необходимо отметить длинные аффиксы, а в синтаксической разметке, по аналогии, сложные структуры, т.е. наоборот, потому что нанизывание элементов происходит от простого к сложному; 3) сначала отмечаем имя существительное, затем местоимение, потому что существует множество отыменных частей речи, отыменные части речи представлены у нас формулами, например, существительное/местоимение+словообразовательный аффикс и др., такое индексирование имени существительного, затем местоимения будет одновременно формировать данные формул других частей речи, их отыменных форм, будет способствовать их поиску в тексте и разметке; 4) компоненты крымскотатарских сложных слов могут писаться слитно, раздельно и через дефис, раздельное написание сложных составных слов сближает их план выражения с планом выражения словосочетаний; 5) строение слов в тюркских языках отличается тем, что состав слова формируется нанизыванием аффиксов, располагающихся в строго определенном порядке: чем абстрактнее грамматическое значение, выражаемое аффиксом, тем он дальше расположен от корневой морфемы, иногда аффиксы, имеющие одинаковый план выражения, имеют различный план содержания, это не только позволяет объяснять синтаксические функции слов в предложении, но и важно для последовательности автоматической разметки: сначала самые длинные, затем короткие, потому что в ином случае происходит подмена грамматических понятий; 6) как в славянских, так и в крымскотатарском языке части речи выражают одни и те же лексико-грамматические значения, например, имя существительное в сопоставляемых языках

обозначает предметность, имя прилагательное – признак, глагол – действие и т.д.; своеобразие частей речи крымскотатарского языка проявляется не в значении, а в их морфологических характеристиках: если в русском языке имя прилагательное выражает грамматическую зависимость признака от предмета в формах согласования с существительным в роде, числе и падеже, то в крымскотатарском языке – это неизменяемая категория; 7) некоторые формы прилагательного, числительного и наречия крымскотатарского языка могут имеют одинаковые конечные аффиксы: -джа/-дже/-ча/-че, поэтому к морфологическим параметрам таких частей речи будет присоединен синтморфологический: сначала отметка глагола, затем наречного аффикса –джа/-дже/-ча/-че как морфологического элемента приглагольного определения, затем выделение в тексте собственно прилагательного и числительного, затем собственно наречие, разряд числительного и в самую последнюю очередь – прилагательное – припредметное, приобъектное определение.

В русском и украинском языках имя существительное характеризуется категорией числа и падежа, различается по родам (женский, мужской, средний), а крымскотатарское – наличием категории принадлежности, сказуемости и отсутствием категории рода.

Персональные данные субъектов/объектов могут быть представлены несколькими лексемами, но при этом занимать одну синтаксическую позицию. Несмотря на то, что их количество всегда не больше трех, последовательность строгая (за исключением этикетных элементов обращения, таких как тата, агъа и фрагментов национальной персонификации с учетом степени родства, например, Эдем огълу, Анифе кызы, Мемет агъанынъ къардашы), мы их обозначаем специальными индексами для того, чтобы можно было увидеть смещение/замещение синтаксической позиции.

Для выражения принадлежности в украинском и русском языках нет специальной грамматической категории, с этой целью в них используются: притяжательные местоимения, притяжательные или относительные прилагательные, родительный падеж существительного или личного местоимения (с предлогом и без предлога). Категория принадлежности крымскотатарского существительного выражается при помощи специальных аффиксов -м/-ым/-им и других, предлогов нет, вместо них используются послелоги, способные оказывать семантическое влияние на полнозначные слова, стоящие в препозиции и управлять препозитивными компонентами синтаксических конструкций.

Несмотря на то, что категория одушевленности/неодушевленности и

категория падежа характерны для крымскотатарского языка, их репрезентация и грамматическая значимость имеют свои отличия: 1) в крымскотатарском языке одушевленным является только человек, все остальное считается неодушевленными категориями; 2) категория одушевленности/неодушевленности грамматической значимости не имеет, так как у существительных, обозначающих живые существа, и у существительных - названий предметов падежные формы одинаковы, поэтому в морфологической разметке мы этот параметр не учитываем.

В крымскотатарском языке традиционно выделено 6 падежей и единый тип склонения. В связи с тем, что в синтаксической конструкции нами выявлены формы, неучтенные в падежной парадигме крымскотатарского языка, а описание синтаксических конструктов требует учета этих данных, мы, руководствуясь существующими теоретическими сведениями о падежах других языков, в том числе и тюркских, вводим их гипотетически (последложный, уподобительный, звательный падежи, некоторые формы дательного-направительного и инструментального падежей, выносим в разметку оформленные и неоформленные формы родительного и винительного падежей)

Snominative	-
S possessive1	-нинъ/-нынъ
S possessive2	-
Sdative direction	-ке/-ге/-къа/-гъа/-на/-не
Saccusative1	-ни/-ны
Saccusative2	-
Sinstrumental 1	-нен/-ле/-ла
Sinstrumental 2	иле/ бирле
Slocative	-де/-ге/-да/-та
Sablative	-ден/-тен/-дан/-тан
Spostcase	акъкъында
Ssimilarity1	-дайын/-тайын
Ssimilarity2	киби
Svocative	0, / ,0, / ,0

Категория числа в русском языке особого показателя не имеет, так как окончание одновременно указывает на падеж и на число, а в единственном числе - и на род. Множественное число в крымскотатарском языке, как правило, передается аффиксами -лар/-лер, единственное число особого показателя не имеет. В крымскотатарском языке возможна нулевая форма. Она многозначна и обозначает как отдельные единицы предметов (ед.число), так и их совокупность (мн.

число). Значение данной формы определяется контекстом:

Шимди бала ойнай. – Сейчас ребенок играет.

Шимди балалар ойнай. – Дети играют.

Эвимизге чокь бала кельди. – К нам домой пришло много детей.

В тюркских языках принято выделять категорию сказуемости именных частей речи [13]. Парадигма притяжательных форм крымскотатарских существительных материально тождественна парадигме так называемого объектного спряжения (категории сказуемости или категория состояния), которая характеризует состояние субъекта и выражается изменением лица и числа [14]. В украинском и русском языках данная категория отсутствует.

В отличие от имен прилагательных в украинском и русском языках крымскотатарское прилагательное не изменяется по числам, родам и падежам, в словосочетаниях оно обычно располагается в препозиции, примыкает к имени существительному. В крымскотатарском языке имеются качественные и относительные прилагательные, а притяжательную определительную функцию выполняют имена существительные в родительном, притяжательном, падеже (саиплик келиши). Если русские качественные прилагательные имеют полную и краткую форму, то в крымскотатарском языке краткая форма отсутствует, например: узкий, узок – тар, глубокий, глубокий – терен. План выражения некоторых прилагательных и наречий может быть одинаковым, проблему различия плана содержания в такой ситуации определяет синтаксическая позиция элемента синтаксической конструкции: прилагательное – приименный признак, определение, наречие – приглагольный признак, обстоятельство.

В крымскотатарском языке зависимыми словами в словосочетаниях могут выступать количественные, собирательные, дробные, порядковые, разделительные числительные (с аффиксами -ар/-ер/-шар/шер) и числительные приблизительного счета (с аффиксами -джа/-ларджа/-лердже) (в славянских языках числительных приблизительного счета и разделительных числительных нет). Количественные числительные в крымскотатарском языке не имеют категории числа, так как понятие числа отражено в их лексическом значении. Если в русском языке встречаются исключения, определяющие понятие рода: один, одна, одно; два, две, то для крымскотатарского языка понятие рода для данной категории также не типично.

В крымскотатарском языке имена числительные не согласуются и не управляют падежом существительных, которые выражаются

единственным числом: пять книг – беш китап, тридцать три книги – отуз учь китап. Крымскотатарским числительным не свойственна категория числа, но в связи с тем, что ее наличие в плане выражения «обусловлено конкретными семантическими обстоятельствами» мы вводим ее в параметры разметки [10, 125].

Докорпусная обработка правильных, классических или соответствующих литературной норме, крымскотатарских текстов позволит более широко описать синтаксическую структуру, выделить в ней непосредственно составляющие, выявить модели математической экспликации, сформировать представления о языке как о механизме, функционирование которого проявляется в речевой деятельности его носителей для создания в будущем программ машинного перевода и автоматической обработки текста.

Литература

1. Селендили, Л. С. Глагольные словосочетания с зависимым числительным (на материале крымскотатарского языка) / Л. С. Селендили // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации», 2011. – Т. 24(63), № 3. – С. 40–46.
2. Селендили, Л. С. Именные словосочетания с зависимой частью, содержащей наречие (на материале крымскотатарского языка) / Л. С. Селендили // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24(63), № 2, ч.1. – С. 185–190.
3. Селендили, Л. С. Именные словосочетания с зависимым числительным (на материале крымскотатарского языка) / Л. С. Селендили // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 199. – Т. 2. – С. 49–53.
4. Селендили, Л. С. Обращение: семантика, структура и функции в крымскотатарском предложении / Л. С. Селендили // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23(62), № 3. – С. 99–106.
5. Селендили, Л. С. Особенности глагольных словосочетаний с зависимым наречием (на материале крымскотатарского языка) / Л. С. Селендили // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 22(61), № 1. – С. 46–51.
6. Селендили, Л. С. Формализация признаков крымскотатарских

- сложных составных слов и словосочетаний / Л. С. Селендили // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. – Казань, 2011. – С. 65–70.
7. Селендили, Л. С. Формулы речевого этикета в функции конструкторов предложения / Л. С. Селендили // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24(63), № 4, ч. 1. – С. 170–185.
 8. Селендили, Л. С. Функции устойчивых словосочетаний фразеологизированного и нефразеологизированного характера / Л. С. Селендили // Filologiya meseleleri. – 2011. – № 5. – С. 109–116.
 9. Меметов А. Земаневий кырымтатар тили. - Симферополь: Крымучпедгиз, 2006. - 320с. - На крымскотатарском языке. - ISBN 966-354-025-7
 10. Меметов А. , Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч. 1. Общие сведения о языке. Ч 2. Морфология. Учебное пособие. - Симферополь: Крымучпедгиз, 2003. - 288с. - ISBN 966-8025-35-0
 11. Оказ, Л. С. Сопоставительная типология причастий крымскотатарского и русского языков / Л. С. Оказ, В. Н. Алиева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2009. – Т. 22(61), № 3. – С. 46–50.
 12. Оказ, Л. С. Типологически значимые аспекты сопоставления грамматических категорий крымскотатарского и русского языков (именные части речи) / Л. С. Оказ, В. Н. Алиева // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 147. –Т.2- С. 96–99.
 13. Покровская Л. А. Современный гагаузский язык (курс лекций).- Комрат: Изд-во Комрат. Гос. ун-та, 1998.- С. 109.
 14. Пестов В.С. Категории лица, сказуемости и предикативности в языке кечуа// Вопросы языкознания. – М., 1983, № 1. – С. 108–112.

В.В. РАДЛОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

Субракова В.В.

ГБНИУ РХ "ХакНИИЯЛИ"

subrakova@mail.ru

В.В. Радлов является одним из первых исследователей фонетики хакасских диалектов¹. Он впервые в истории тюркологии представил полную классификацию звукового состава тюркских языков². Данная классификация, учитывающая все достижения фонетической науки того времени, является последовательной и научно обоснованной. При определении места образования согласных звуков автор учел действие активных речевых органов, согласно чему названы основные консонантные ряды: губной, переднеязычный, среднеязычный и заднеязычный. Приведены В.В. Радловым и данные по хакасскому языку. В своей работе он охватывает качинский, койбальский, сагайский и, отчасти, кызыльский диалекты, объединяя их под общим названием абаканские диалекты. В данной работе мы хотели бы остановиться на сагайском диалекте, как на одном из опорных диалектов хакасского литературного языка. В начале слова В.В. Радлов выделил в сагайском диалекте 9 консонантов: 6 шумных - [ʃ], [ʃʰ], [ʃʰʰ], [ʃʰʰʰ], [ʃʰʰʰʰ], [ʃʰʰʰʰʰ] и три сонорных - [ʃ], [ʃʰ], [ʃʰʰ]. Анализируя закономерности функционирования согласных в конце слова, В.В. Радлов разделил все рассматриваемые им тюркские диалекты на 2 группы: 1) диалекты, в которых в ауслауте возможны только глухие и сонорные согласные; 2) диалекты, в которых слова могут оканчиваться не только на глухие и сонорные, но и на звонкие согласные. В каждой из этих групп есть свои подгруппы; в первой группе выделяются две подгруппы: а) алтае-иртышская; б) томь-енисейская, куда входят и абаканские диалекты. В томь-енисейской группе в конце слова встречаются 8 сонорных согласных: [ʃ], [ʃʰ], [ʃʰʰ], [ʃʰʰʰ], [ʃʰʰʰʰ], [ʃʰʰʰʰʰ], [ʃʰʰʰʰʰʰ], [ʃʰʰʰʰʰʰʰ] (В.В. Радловым указаны только 7 звуков), а также шумные глухие согласные, в частности, в абаканских диалектах встречались: [ʃʰʰʰ], [ʃʰʰʰʰ], [ʃʰʰʰʰʰ]. Результаты исследования инлаутных согласных послужили В.В. Радлову основанием для разбиения тюркских диалектов на 3 группы: 1) диалекты, в которых в середине слова употребляются шумные звонкие и сонорные согласные; 2) диалекты, в которых в середине слова встречается шумный глухой сложный по способу образования звук [ʃʰʰʰ]; 3) диалекты, в которых в интервокале функционируют шумные глухие и шумные звонкие звуки.

Абаканские диалекты, отнесенные в этой классификации к первой группе, в середине слова используют, по данным В.В. Радлова, шумные звонкие и сонорные согласные: [p], [pʰ], [b], [bʰ], [m], [ŋ]. Сопоставление наших материалов с данными, приведенными В.В. Радловым в его фундаментальном труде "Phonetik der Nördlichen Türkischen Sprachen"⁴, позволяет проследить динамику развития сагайского консонантизма приблизительно за последние полтора века (если учитывать предшествующий изданию период сбора исследователем материала). Как мы отмечали выше, В.В. Радлов констатировал в анлауте сагайского слова 9 согласных: 6 шумных - [p], [pʰ], [b], [bʰ], [m], [ŋ] и три сонорных - [w], [wʰ], [r]. Наши данные, полученные по одному из говоров сагайского диалекта свидетельствуют о функционировании в инициали слова тех же шести шумных согласных, но претерпевших качественные изменения по пути спирализации. Смычный гуттуральный согласный q, употребляющийся в соответствии с законами палатальной гармонии гласных лишь в твердорядных словоформах, утратил затвор, перейдя в класс щелевых согласных ([ç]). Близок к завершению аналогичный процесс спирализации смычно-щелевого согласного [tʃ]: аффриката ч [tʃtʃ] в речи современных сагайцев (нижне-тёйцев) фактически вытеснена щелевым сильнопалатализованным [tʃ], употребляясь лишь в качестве факультативного оттенка фонемы. Таким образом, если во времена В.В. Радлова 4 из 6 анлаутных шумных согласных были смычными и один смычно-щелевой, то в настоящее время 3 из 6 согласных - щелевые: [p], [pʰ], [b], [bʰ]. Что касается анлаутных сонорных, то здесь окончательно утратил свои позиции согласный g, но зафиксирован (всего в четырех междометиях) согласный j. Анализируя закономерности функционирования согласных в конце слова, В.В. Радлов включил абаканские диалекты в томь-енисейскую подгруппу северных тюркских диалектов, в которых в ауслауте возможны только глухие и сонорные согласные; при этом констатированы следующие звуки: 8 сонорных - [w], [wʰ], [r], [rʰ], [l], [lʰ], [m], [ŋ] (В.В. Радлов перечислил лишь 7) и 5 шумных глухих согласных - [p], [pʰ], [b], [bʰ], [m] 6. В речи современных ниже-тёйцев зафиксированы те же шумные согласные, с учетом спирализации [pʰ], [bʰ]; к подгруппе ауслаутных сонорных следует добавить среднеязычный j; впрочем, отсутствие указания на этот звук в работе В.В. Радлова является, скорее всего, опечаткой. По особенностям реализации согласных в инлауте В.В. Радлов включил абаканские диалекты в группу диалектов, в которых в середине слова употребляются шумные звонкие и сонорные согласные: [p], [pʰ], [b], [bʰ], [m], [ŋ] 7. К настоящему времени группа интервокальных согласных звуков в речи ниже-тёйцев претерпела

значительные изменения. Кроме звонких [p], [t], [k], употребляется звонкий щелевой сильнопалатализованный звук [p̟]. Наряду со звуком [p], в интервокале современного сагайского слова констатируются все остальные сонорные звуки (m, n, r, l, [ŋ]), кроме гуттуральных [p̟] <, и q <., выпадающих в интервокальной позиции. Кроме шумных звонких и сонорных согласных, в современном сагайском диалекте в инлауте ограниченного количества лексем употребляются шумные глухие согласные p, t, [k] (~ [p̟] [t̟]), k, [k̟]. Сопоставление наших наблюдений с данными, приведенными В.В. Радловым, могло бы свидетельствовать о расширении класса интервокальных согласных в сагайском диалекте за счет сонорных и шумных глухих согласных, но лишь в том случае, если исключить предположение о недостаточности языкового материала, которым располагал В.В. Радлов. В.В. Радлов приводит 5 типов биконсонантных сочетаний внутри слова: 1) шумный глухой + шумный глухой; 2) шумный звонкий + шумный звонкий; 3) сонорный + сонорный; 4) сонорный + шумный; 5) шумный + сонорный. К сожалению, констатируя наличие в языке комбинаций сонорный + шумный и шумный + сонорный, автор не конкретизирует качество шумных согласных – являются ли они глухими или звонкими (озвонченными). Полученные данные, свидетельствуют о том, что допустимыми для современного ниже-тёйского говора являются следующие сочетания согласных: 1) шумный глухой + шумный глухой; 2) шумный глухой + малошумный; 3) шумный звонкий + малошумный; 4) малошумный + шумный глухой; 5) малошумный + шумный звонкий; 6) малошумный + малошумный. Таким образом, в сагайском диалекте (ниже-тёйский говор) функционируют те же типы медиальных биконсонантных сочетаний, что и во времена исследования языка В.В. Радловым, за исключением сочетания шумный звонкий + шумный звонкий: и в пре-, и в постпозиции звонкие согласные комбинируются только с малошумными согласными. Сопоставление отмеченных В.В. Радловым фонетических явлений с современным состоянием звуковой системы ниже-тёйского говора свидетельствует о следующем: 1) значительно сократилось число комбинаций со звуком [p̟] в качестве второго компонента: кроме зафиксированного В.В. Радловым сочетания [p̟p̟], других сочетаний шумного звонкого с сонорным r в речи ниже-тёйцев не отмечено (у В.В. Радлова их 7); но в редких случаях констатируется комбинация tr с препозитивным шумным глухим звуком t, не отмечаемая В.В. Радловым; 2) значительно расширилась сфера функционирования звуков [p̟] и [k̟] в качестве второго компонента сочетаний шумный + сонорный: в ряду пяти типов комбинаций с сонорными [ŋ] или [ŋ̟] в качестве

второго компонента, констатированных В.В. Радловым, не функционирует в ниже-тёйском лишь сочетание [tj] – отмеченный выше запрет на употребление шипящего [tʃ] в качестве первого компонента сочетаний двух шумных глухих согласных распространяется и на сочетания этого звука с сонорными; кроме того, в языке ниже-тёйцев отмечены не констатируемые В.В. Радловым сочетания [tʃ], [sʃ], [kʃ] (с препозитивными глухими), и сочетания [bl], [zl] (с препозитивными звонкими); зафиксированное В.В. Радловым сочетание [qʃ] трансформировалось в соответствии с общей тенденцией в [tʃ]; 3) у ниже-тёйцев используется сочетание [zn] с носовым сонорным [n] в качестве второго компонента, не фиксируемое во времена В.В. Радлова; 4) сочетание [qm], отмеченное В.В. Радловым как говорное, в настоящее время не констатируется; 5) появилось сочетание [dj] шумного звонкого [d] с сонорным [j].

Литература

1. Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türkischen Sprachen. – Leipzig, 1882.
2. Чанков Д.И. Н.Ф. Катанов – исследователь хакасского языка // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. X. Серия филологическая. – Абакан, 1964. – С. 94–99.
3. Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türkischen Sprachen. – Leipzig, 1882. – С. 131, 174.
4. Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türkischen Sprachen. – Leipzig, 1882.
5. Там же. – С. 131.
6. Там же. – С. 174.
7. Там же. – С. 199.
8. Там же. – С. 228.

ЗАКИР КАДЫЙРИНЫҢ ТОРМЫШЫ һәм ИЖАДИ ЭШЧӘНЛЕГЕ

Тажиева Л.К.

Казан федераль университеты

zakiri88@mail.ru

Кеше, ул кайда гына һәм ничек кенә яшәмәсен, туган жиренә битараф кала алмый. Туган туфрак ирексездән аның күз алдына килә, төшләренә керә. Сагыну хисе аеруча чит мәмләкәтләргә эләккән ижат ияләрендә, бигрәк тә шагыйрьләрдә, көчле була торгандыр.

Сагындым дияр идем,
Туфрагын үбәр идем,
Кочаклап коча-коча,
Күз яшем түгәр идем.

Бу юллар Ватаныннан читтә калган, әмма Идел-йортын, туган халкын һәрчак сагынып гомер кичергән Сания Гыйффәт тарафыннан язылган.

Татарларның күбесен инкыйлаб дулкыннары эмиграциягә китәргә мәжбүр иткән. З. Кадири һәм аның тормыш иптәше шагыйрә С. Гыйффәт Кадириның тормыш юллары һәм ижади эшчәнлекләре гаять үзенчәлекле.

« ... Хәзергә кадәр безгә,- дип яза Әхмәт әфәнде Хәлимов,- З. Кадириның язмышы билгесез иде. Ул безнең авылдаш. Аның бертуган энесе Кадилов Мәннән хәзергә вакытта Ашхабад университетында профессор булып эшли.» Закир Мөхәммәтхәлим улы Әлкадыйри (1877 - 1955) - татар халкы тормышында үзенә тиешле урынын һәм бәясен алмаган олуг шәхесләрнең берсе. Ул татар халкының мәгариф, фән, журналистика һәм иҗтимагый хәрәкәт тарихында билгеле галим. Кызганычка каршы, аның бу бай мирасы хәзергә кадәр өйрәнелмичә китап киштәләрендә ята бирә.

Закир Әлкадыйри 1877 елда (кайбер чыганаclarга караганда 1879 елда) Самара губернасы Берендей волосте Чердаклы районының Абдулла авылында Мөхәммәтхәлим мулла гаиләсендә дөньяга килә. Закир Кадыйриның әтисе гаиләсендә сигез бала була. Шуларның кайберләре турында мәгълүматлар бар. Чирмешән районының Кади авылында яшәүче Жәүдәт әфәнде үзенең әнисенең Закир Кадыйри сөңлесе булуын хәбәр итә. Ә Мөхәммәтхәлим мулланың жиденче баласы, Габделмәннан ага, сигез туганның жиденчесе була. Ул вакытында югары белем алган һәм Ашхабад университетында профессор булып эшләгән.

Ул Мәләкәстөгә татар мәктәбәндә укыган, ләкин мулла улы булу сәбәплә аннан чыгарылган һәм 1929 елда Әфтәбруй апасы янына Бакуга китә. Биредә ул эшкә урнаша һәм берүк вакытта читтән торып Ленинград университетының астрофизика бүлегендә укый, ләкин 1937 елда репрессияләр башлану сәбәплә Төркманстанга күчеп китәргә мәжбүр була һәм анда Ашхабад институтының физико - математика факультетын тәмамлай. 1987 елга кадәр Төркмәнстан Фәннәр Академиясенә астрофизика лабораториясендә фәнни хезмәткәр, Ашхабад педагогия институтында профессор булып эшләгән. Закир Кадырның әтисе Мөхәммәтхәлим мулла гаять укымышлы, дәрәжәле кеше була. Ләкин Бөек Октябрь революциясеннән соң, төгәлрәк әйткәндә, 20 - 30 елларда, хөкүмәт тарафыннан эзәрлекләнә башлай, төрмәдә дә утырып чыга, йорт - жиреннән мәхрүм ителә, ә аның гаять бай китапханәсе, шул исәптән улы Закирның китаплары да, яндырылып юкка чыгарыла. Закирның әтисе Мөхәммәтхәлим ага, үз гомерендә шактый күп авырлыклар кичереп, 1952 елда үзенең туган авылында - Абдулла авылында вафат була.

Закир Кадыри башлангыч белемне әтисеннән алган булырга кирәк. Яшь йөрәкнең белемгә омтылуы, дөнъяга карашы аның күңеленә тынгылык бирми. Ник дисәң, ул юкка гына туган жиреннән читләшәп, белем дөнъясын киңәйтәр өчен Көнчыгыш илләренә юнәлгән булыр иде микән? Шулай итеп ул Бохара, Каһирә, изге Мәдинә шәһәрләренә барып житә һәм гарәп уку йортларында, бигрәк тә Мәдинә, Каһирә шәһәрләрендә, нигезле белем ала. Аның гаять укымышлы булуы һәм берничә телне белүе мәгълүм. Шәрәк дөнъясында ул танылган шәхескә әверелгән. Каһирә шәһәрәндә яшәгәндә аның тарафыннан колониализмга каршы юнәлтелгән газета нәшер итүе дә зур әһәмияткә ия булган.

1906 елда ул Россиягә әйләнеп кайта. Санкт - Петербург шәһәрәндә Рәшит Ибраһим тарафыннан гарәп телендә басыла торган " Әттилмиз "

("Шәкерд") журналында эшли. Гарәп телендә нәшер ителүче журналда эшләве тагын бер мәртәбә аның гарәп телен яхшы белүен исбат итә.

1907 - 1917 елларда ул Оренбургтагы " Хөсәения " һәм Уфадагы бөтен тирә - якка танылган " Галия " шикелле мәшһүр мәдрәсәләрдә укытучы хезмәтен башкарган. Оренбургтагы атаклы "Хөсәения " мәдрәсәсендә Фатих Кәрим, Муса Багиев, Вәли Батталов кебек алдынгы карашлы, заманында Истанбул, Бэйрут, Каһирә югары уку йортларында, университетларында, Көнбатыш Европада белем алган татар зыялылары белән бергә эшләү Закир Кадырига мәгариф өлкәсендә зур тәҗрибә

тулпарга мөмкинлек биргән. Биредә аңа Галимжан Ибраһимов кебек олуг шәхес белән бергә эшләү насып була. Закир Кадыйри Галимжан Ибраһимов белән инкыйлабка кадәр генә түгел, аннан сонда аралашып, хәбәрләшәп торган.

Закир Кадыйри - илдә, чит мәмлөкәтләрдә басылган күпсанлы мәкаләләренң, китапларның авторы. Мәсәлән, Казан дәүләт университеты китапханәсендә аның «Гарәп нәхүе», «Куәт һәм рух», «Мәмлөкәт идарәсе рәвешләре», «Гаилә» китапханәсе сериясендә чыккан «Кызлар дөнъясы», «Хатын - кыз мәсьәләсе» һәм башка китаплары бар. Закир Кадыйриниң 30 елларда дөнъя күргән төрек - татар дәреслекләре читтәге милләттәшләребезнең шактыена хәзер дә мөгълүм. Кыскасы, Закир Кадыйриниң педагогик, гыйльми, ижтимагый эшчәнлегә - махсус өйрәнүне сорый торган өлкә. «Галия» һәм «Хөсәения» мәдрәсәләрендә Закир Кадыйри фәлсәфә, психология, логика фәннәрен укыткан.

Татар халкының язмышы өчен борчылып яшәгән Закир Кадыйри милләтебезнең ижтимагый тормышында да ифрат киң эшчәнлек алып барган. Мөгълүм булганча, 1917 елның 1 - 15 майларында Бөтенроссия мөселман төрки - татар корылтае ачыла. Закир Кадыйри шул корылтайны оештыруда актив катнаша, хәтта Милләт мәжлесенә, Мөғариф нәзарәтенә әгъза булып сайлана. Еш кына ул халык алдында чыгышлар ясаган.

Закир Кадыйри үзенең журналистик эшчәнлегенең яңа баскычын Өфедә чыга башлаган «Тормыш» газетасыннан башлап жиберә. Ул 1917 елга кадәр «Тормыш» газетасында баш мөхәррир булып эшли. Шушы чор эчендә аның күпсанлы мәкаләләре шушы журнал битләрендә урын ала һәм бу аның журналистик эшчәнлеген аерым алып өйрәнеләргә тиешле өлкәләренең берсе булып тора. Шунуң белән беррәттән Закир Кадыйри Оренбургта оешкан «Мәдрәсәләргә ярдәм» жәмгыятең абруйлы әгъзасы да булып торган.

3. Кадыйри, барысыннан да бигрәк киң карашлы, гыйльми кодрәтле, батыр йөрөклә галим буларак, зур ихтирам һәм хөрмәткә лаеклы Шәхес. Ул - чын мөгънәсендә фәлсәфә, гарәп теле вә әдәбияты, кешелек жәмгыятендә хатын - кыз мәсьәләсе буенча зур белгеч. Аның, мәсәлән, өч томнан гыйбарәт " Ислам мәдәнияте тарихы " (Уфа, 1912 - 1913), " Мөхәммәд пәйгамбәрнең хәяты " (Казан, 1912) кебек хезмәтләре безнең көннәрдә дә әһәмиятләрен югалтмаганнар.

Куренекле инглиз философы дөнъя фәлсәфәсе тарихында позитивизм тәғлиматына нигез салучылардан саналган Һерберт Спенсерның (1820 - 1903) адәм баласын тәрбияләүгә багышланган хезмәтләрен

турыдан - туры англиз теленнән татар теленә тәржемә итеп, аны мөселман Шәркы халыкларына беренче тапкыр тәкъдим итүче дә З. Кадыри.

Шул да мәгълүм булсын, Шөех Мөхәммәд Гаяз Тантавиның хезмәтләрен «Куәт һәм рух» (Уфа, 1910), «Гыйльме кәлам дәрәсләре» (Уфа, 1910), «Низам вә Ислам» (Уфа, 1911), «Тормыш һәм дин» (Уфа, 1911) кебек хезмәтләрен ижади тәржемә итүче дә З. Кадири булып тора.

Мәгърифәтче галимне аеруча тирән кызыксындырган мәсьәләләреннән берсе хатын - кызларны жәмгыятьнең киң хокуклы вә мәгърифәтле әгъзалары итү булып тора. Әйтергә кирәк, З. Кадириның хатын - кыз азатлыгына багышланган тәүге хезмәтләре Касыймбәк Әминнең ижади жимешләрен тәржемә кылуга кайтып кала.

Аның мөстәкыйль хезмәтләреннән «Кызлар дөнъясы» (Казан, 1911) һәм «Хатын - кыз мәсьәләсе» (Уфа, 1915) китапларына кыскача гына күз ташлыйк. Аларның икесе дә «Галия» мәжмугасында дөнъя күргән. «Кызлар дөнъясы» хезмәтендә дөнъядагы мәшһүр фикер ияләреннән кеше тәрбияләү буенча күп санлы фәйдалы киңәшләре китереләп, әхлак һәм акыл, сәяси вә эстетик, физик тәрбия нигәләре бәян ителгән, жир йөзәндәге атаклы хатыннарынның исемнәре телгә алынган. «Тормыш - тереклектәге иң олы бәхет гыйлемлек вә укымышлылыкта, бу - бердәнбер хакыйкәт» - дип З. Кадири хатын - кызларны мәгърифәт өстәүгә өнди.

«Хатын - кыз мәсьәләсе» китабы исә 48 басма биттән гыйбарәт һәм бу хезмәттә, нигездә, галимнең Уфадагы халык унверситетында укыган лекциясе нәшер ителгән. Ул, чын мәгънәсендә, хатын - кыз мәсьәләләрен әтрафлы яктыртучы тирән гыйльми хезмәт. З. Кадири, ислам дөнъясында хатын - кызларның хәленә аерым тукталып, хатын - кыз мәсьәләсенә асылын тирән төшенеп, укучының аңына, йөрәгенә тәәсир итә. Алай гына да түгел, биредә хатын - кызлар мәсьәләсе буенча гарәп, төрек һәм төрки телләрдә язылган хезмәтләреннән зур исемлегә китерелә. Жир шарының төрле почмакларында (мәсәлән, Америка, Европа һәм Азия) хатын - кыз мәсьәләсенә куелышы тарихи яктан жентекләп тикшерелә, дәрәс һәм тотрыклы сөзәтә - нәтижәләр ясала. Гомумән, З. Кадиринең бу хезмәте фикер алышының эзлекчелегә, ачыклыгы ягыннан да игътибарны үзенә жәлеп итә. Ә сүз тәгъбирләреннән дәрәс кулланылышы авторның гажәеп тел остасы һәм көчле оратор икәнлеген бәхәссез дәлилли.

«Тормыш» газетасында да З. Кадири хатын - кызларда югары мәдәниятчелек, укымышлылык вә олы әхлак тәрбияләүгә киң урын

бирде. Мәгълүм ки, ижтимагый – сәяси карашларының күп яклары буенча З. Кадири алдынгы фикерле зыялылар рәтендә торган. Әмма 1917 елгы зәһәр тормыш дулкыннары (олыгайган көнендә бөтенләй хезмәтеннән мәхрүм калуы, газета һәм журналларның ябылуы, ягъни яшәү шартларының юклығы) аны үз кочагына алган, ягъни З. Кадири Ватанны ташлап китәргә мәжбүр булган. Дәрәс, Чита шәһәрәнә килеп житкәнче үк ул үз хатасын аңлаган, яңадан кайтырга рөхсәт сорап, Уфага хат – гариза юллаган, ләкин аның өчен кайту юллары инде бикләнгән булган....

Кытай, Төркия, Филяндия, яңадан Төркия... Шулай итеп, мөхтәрәм галим мәңгегә туган иленнән аерылган, газиз туфрагын күрергә аңа бүтән насып булмаган....

Шулай итеп инкыйлаб дулкыннары ике балалы Кадириләр гаиләсен Кытайга илтеп ташлаган. Гөнжә, Пекин, Хайлар... Мөгаллимлек кылу.

Заманында Бохара, Мәдинә, Каһирә калаларында белем алган Закир Кадири Хайлардан Төркиягә китеп бара. Ике елдан соң аның янына Сания Гыйфәт тә (1877 - 1955) күчеп китә. 1936 елдан Кадириләр Хельсинкида яшиләр, педагогик, гыйльми – ижади эш белән шөгыйльләнеләр.

З. Кадири белән С. Гыйффәтнең тормышлары, әдәби һәм жуналистик эшчәнлекләре аерылгысыз. Алар һаман бергә үрелеп бара. Эмиграция елларында алар гомерләренең соңгы көннәрәнә, соңгы сулышларына кадәр бердәм булганнар.

З. Кадыйриның хатыны Сания Гыйффәт (ул Уган Кадыйри фамилияләрен дә йөрткән) 1899 елда Чистай каласында сүздәгәр гаиләсендә туган. Аның әнисенә исеме Галия, ә әтисенә исеме Хәбиртан була. Саниянең әтисе яшәтән үлеп китә һәм ул әби – бабалары кулында тәрбияләнә, татар мәктәбендә укый, берүк вакытта үзлегеннән рус телен дә өйрәнә. Алга таба Сания Гыйффәт мәшһүр Буби мәдрәсәсендә белем ала, аннан соң укытучы булып эшли. Тормышында аңа үзеннән шактый өлкән яшәтгә педагог, тарихчы, журналист Закир Кадыйри белән очрашырга насып була һәм ул аңа кияүгә чыга.

1936 елда Закир Кадыйрилар гаиләсе Филяндиягә күчеп китә. Алар анда Хельсинкида яшиләр, педагогик һәм гыйльми эш белән шөгыйльләнеләр. Мәгълүм булганча, 1938 елның январь һәм февраль айларында Милләт мәжлесенә 20 еллыгы чит мәмлөкәтләрдә, жөмләдән, Кытайда, Япониядә, Төркиядә, Филяндиядә, Алманиядә, Эстониядә зур күләмдә билгеләп үтелә. Тантаналар үзегә Гаяз Исхакий яшәгән Варшау каласында була. Биредә

4 -5 февраль көннәре чит илләрдәге милләттәшләребез һәм төрле

милли - азатлык хәрәкәте вәкилләре катнашында, төрле чараларның уздырылуы мәгълүм. 6 февраль көнне Гаяз Исхакый Варшау радиосыннан чыгыш ясыи. Сания һәм Закир Кадыриларның рәсемнәре «Финляндия ислам жәмгыяте» 50 еллык юбилей альбомына да урнаштырылган. Сугыш ахырына Закир Кадырилар гаиләсе яңадан Төркиягә әйләнәп кайта һәм Сания Гыйффәт 1957 елның 12 апрелдә Анкара шәһәрәндә вафат була.

Эмиграциядә вакытта, нигездә, Закир Кадыри педагогик, гыйльми эшләр белән шөгыйльләнә.

Литература

1. Ислам. Белешмә - сүзлек. - Казан, 1993. -191 б.
2. Мәдрәсәдә китап киштәсе. - Казан,1993. - 320 б.
3. Миннегулов Х.Й. Янә Сания Гыффәт хақында // Сөембикә. - 1992. - Б.18 - 19.

ШОРСКИЙ ЯЗЫК: СПЕЦИФИКА КОНСОНАНТИЗМА

Уртегешев Н. С.

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

urtegeshev@mail.ru

Шорский язык – это язык одного из малочисленных тюркоязычных этносов, населяющих северные предгорья Алтая (Кузнецкий Алатау) в верхнем течении реки Томи и по её притокам – Мрас-Су, Кондоме, Абе, по реке Чумыш и её притокам, захватывая часть территории Алтайского края, в пределах которого по реке Тогул отмечаются отдельные шорские посёлки; отдельные семьи проживают вместе с кумандинцами в степях около реки Бии [Дыренкова, 1925], а также в долинах рек Абакан, Таштып, Матур в Республике Хакасия Российской Федерации.

Шорский язык по генеалогической классификации Н.А. Баскакова относится к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-хуннской ветви тюркских языков [Баскаков, 1969, с. 353-354] или, по его же более ранней классификации – к хакасской подгруппе уйгурской группы [Баскаков, 1952, с. 134], что свидетельствует об относительной близости шорского языка к другим языкам этой подгруппы – хакасскому, чулымско-тюркскому и северным диалектам алтайского языка (кумандинскому, чалканскому, тубинскому).

В происхождении шорцев и шорского языка сыграли важную роль разные народы... В Южной Сибири до рубежа н.э., а именно до появления первых тюрков, проживали, с точки зрения языка и антропологии, представители, в основном, трех этнических групп – это ираноязычные европеоиды североевропейского типа, кетоязычные европеоиды восточносредиземноморского (памиро-ферганского) типа и самоедоязычные и угроязычные монголоиды уральской малой расы. В конце I тыс. до н.э. в Сибири появляются тюрки – основные предки современных тюркских народов Сибири, в том числе шорцев [Чиспияков 2004, с. 47]. Все эти многовековые контакты с родственными и неродственными языками не могли не сказаться на развитии его фонетики, лексики и грамматики. Больше всего специфики сохранилось в области фонетики.

Экспериментальные данные, анализ дистрибуции и функционирования согласных фонем в языке шорцев позволяют

выделить пятеричное разбиение: первая артикуляция – губная, вторая – переднеязычная, третья – переднеязычно-среднеязычная, четвертая – межзубноязычно-заднеязычно-язычковая, пятая – корнеязычно-фарингальная, т.е. для выделения пяти фонематических типов артикуляции. Следует отметить, что при переднеязычных настройках оттенков фонем преграды могут быть апикальными, апикально-дорсальными и дорсальными с разной степенью дорсальности – от сверхслабой до сверхсильной; дорсальность реализаций переднеязычных фонем является существенной артикуляционно-базовой характеристикой шорского этнического образования и через него – языка шорцев.

В соответствии с закономерностями сингармонизма, понимаемого как регламентация последовательности звуков (гласных и согласных) в словоформе [Черкасский, 1965], звуковые цепи шорских словоформ подчиняются четким аккомодационным алгоритмам. В твердорядных словоформах перед гласными центральнозаднего ряда губные и переднеязычные согласные фонемы употребляются в твердых оттенках, межзубноязычно-увулярные фонемы – в увулярных аллофонах, корнеязычно-фарингальная фонема встречается только в составе твердорядных словоформ. В мягкорядных словоформах переднеязычные смычные согласные не могут употребляться перед гласными переднего ряда, эти согласные функционируют только перед гласными центрального или смешанного рядов. Реализации передне-среднеязычных смычно-щелевых фонем, напротив, употребляются только перед гласными переднего ряда, обнаруживая в этом сходство с другими тюркскими языками Южной Сибири [Селютина, 2000; Selyutina, 2000]. Межзубноязычно-увулярные фонемы в мягкорядных словоформах представлены межзубноязычными аллофонами, которые в препозиции к гласным переднего ряда проявляются как средне-межзубные, а в препозиции к гласным центрального и смешанного рядов реализуются как межзубно-заднеязычные согласные, подчиняясь законам аккомодации, выявленным ранее на материале туба-диалекта алтайского языка [Сарбашева, 2004]. Губные и переднеязычные щелевые фонемы употребляются в препозиции к гласным как переднего, так и центрального и смешанного рядов, но перед гласными переднего ряда они представлены умереннопалатализованными оттенками, а перед гласными центрального и смешанного рядов – слабопалатализованными. Таким образом, в составе шорских словоформ обнаруживается четкая корреляция палатальных характеристик консонантных и вокальных

компонентов звуковой цепи.

Сочетания $C_3 + [C_1]$ на стыке морфем, неприемлемые в ряде современных тюркских языков Южной Сибири [Широбокова, 2000, с. 30-31], продуктивны в шорском языке, что свидетельствует о более слабой ассимиляции согласных по глухости-звонкости.

Система согласных шорского языка структурируется тройной оппозицией по типу работы гортани и языка: *инъективно-эйективные / статичные / эйективно-инъективные*. *Инъективно-эйективные согласные* продуцируются при опускающейся гортани и продвигающемся вперед теле языка; *статичные* – при нейтральном положении гортани и языка; *эйективно-инъективные* – при поднимающейся гортани и оттягивающемся назад корне языка. Три типа артикуляторных настроек сопровождаются соответствующими *акустическими* эффектами: статичные согласные реализуются с акустическим эффектом среднего ровного резонирования; инъективно-эйективные – с акустическим эффектом высокого восходящего резонирования; эйективно-инъективные – с акустическим эффектом низкого нисходящего резонирования. Акустический эффект определяется соотношением резонаторов – переднертового и заднерново-глоточного. *Тип работы гортани и языка – основной конститутивно-дифференциальный признак* в системе шумного консонантизма [Уртегешев 2002, 2004].

Таким образом, система согласных шорского языка не вписалась в типологическую классификацию консонантных систем в языках народов Сибири и сопредельных регионов, разработанную на экспериментально-фонетическом материале и представленную системами, структурируемыми: а) по степени артикуляторной напряженности; б) по длительности; в) по работе голосовых связок. Для нее был предложен *новый классификационный признак* – по типу работы гортани и языка. Учитывая, что аналогичное явление зафиксировано ранее при изучении кетского вокализма [Феер, 1998], – а по данным истории и топонимики кеты обитали в прошлом в местах компактного проживания современных шорцев, – можно предположить, что выявленная особенность артикуляционно-акустической базы шорцев-мрасцев в области шумного консонантизма является наследием *кетского субстрата*.

Литература

1. Баскаков Н.А Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
2. Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков //

- Известия АН СССР, отделение литературы и языка. Том XI. Вып. 2. М., 1952.
3. Дыренкова Н.П. Из полевого дневника за 1925 год. Архив МАЭ. Ф. 3, оп. 1, д. 119.
 4. Сарбашева С.Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004.
 5. Селютина И.Я. Сингармонизм в мягкорядных словоформах в тюркских языках Южной Сибири // *Res Linguistica*. М., 2000, с. 385-392.
 6. Феер Б.Б. Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). Новосибирск, 1998.
 7. Уртегешев Н.С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2002.
 8. Уртегешев Н.С. Малозумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2004.
 9. Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965.
 10. Чиспияков Э. Ф. Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Кемерово, 2004.
 11. Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2000.
 12. Selyutina I. Palatal synharmonism in the Turkic languages of South Siberia // *Turcologica* 46. Studies on Turkish and Turkic Languages. Wiesbaden, 2000, p. 27-32.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ АЛТАЙСКОГО НАРОДА

Ушницкий В.В.

ИГиИПМНС СО РАН

vota@mail.ru

Обычно процесс этногенеза народов приурочивают с современной территорией обитания. Поэтому регионом формирования алтайской народности считается Горный Алтай, горные районы которого изолированы от степной зоны. В горных районах, обычно веками сохраняется древнее население. Прекрасным примером является Северный Кавказ. Следовательно, и в Горном Алтае могли сохраниться реликтовые этнические группы.

В первой половине н.э. именно в Горном Алтае происходил процесс формирования древних тюрков, его можно назвать прародиной древних тюрков. Поэтому в Горном Алтае до сих пор можно найти прямых потомков древних тюрков, часть которых осталась на своей родине, после ухода большей части в степи Центральной Азии. Так кумандинцы состояли из родов со и куманды. В куманды можно увидеть потомков древних куманов - кыпчаков. Кумандинцы до сих пор сохранили предания о своих голубоглазых и русоволосых предках - легендарном народе дин. В них видят динлинов. Следовательно, кумандинцы могут являться потомками угро-самоедоязычных динлинов. Хотя этноним куман, кубан тюркский и восходит к тотемному названию куба - лебедь. В сеоке куманды можно видеть потомков древних кыпчаков, формирование которых видимо, связано с территорией Алтая. По древнетюркскому генеалогическому преданию они вышли из страны Со. Этот этноним связан с качинским сеоком со, соххы (во множ. числе сахалары). Их в свое время связывали с саха. Предположительно происхождение носителей этого этнонима связано с саками.

Древнетюркские корни прослеживаются у сеоков телес и тодош. В них можно увидеть потомков крыльев древних тюрков: тёлёс и гардуш. Видимо такие две фратрии имелись у древних тюрков в начальный период существования их в горах Алтая. В сеоке Ярык можно увидеть потомков тюркского племени джарук. Если хакасов принято считать потомками енисейских кыргызов, то алтайцев следует прямыми потомками древних тюрков.

К глубокой древности относится формирование североалтайских

этносов. В племенах, упоминаемых в соседстве с предками древних тюрков упоминаются братья, превратившиеся в Лебеда.

Загадкой является тот факт, что алтайцам не известен тюркский этноним Огуз, зато есть племена - название которых сходствует с китайским наименованием предков огузских племен - теле. Это название пытаются воспроизвести как терек или связать с динлинами. Видимо термин огуз возник в период существования Орхонского каганата как политический термин, обозначая покоренные тюрками-тугю племена теле. Видимо, поэтому он не известен в Горном Алтае и там сохранился старинный этноним теле. В телеутах можно увидеть прямых потомков древних телесцев - гаогүй. Об этом говорить и присутствие носителей названий телеских племен аба и киби в лице представителей сеоков аба и кобий. Теленгиты являются потомками телеского племени доланьгэ, сохранившегося вплоть до монгольских времен в лице племени теленгут. Телесы тоже упоминаются в монгольских хрониках как племя тулас. Следовательно, племена Горного Алтая также входили в состав лесных народов Баргуджин Тукума. Тот факт, что только в Алтае сохранились прямые потомки теле, говорить об их изолированном существовании в горных районах.

В древних тюрках принято видеть прямых потомков хунну. Но древние тюрки как сложившийся этнос вышли из гор Алтая. Их формирование связано с синкретичной булан-кобынской культурой, сформировавшегося из слияния пазырыкцев, считающихся ирано-самодийцами с пришлыми хуннами. Поэтому Горный Алтай можно считать прародиной тюркских народов. К тому же язык хуннов относили к тюркским, монгольским и к тунгусским языкам. Поэтому его можно назвать праалтайским.

Но Алтай также затронули бурные события кыргызского, монгольского, ойратского владычества в степях Центральной Азии. Так на формирование алтайцев большое влияние оказали кыпчаки, сохранившиеся в качестве отдельного сеока. Связь маймаларов с найманами гипотетично и основано на случайном сходстве этнонимов. В Горном Алтае оказались меркиты, бежавшие из Забайкалья от полчищ Чингисхана.

Джунгары или ойраты оказали огромное влияние на формирование алтайского этноса. Об этом говорит и обозначение алтайского этноса как Ойрот. Безусловно, оседание монголоязычных ойратов в Алтае бежавших от геноцида со стороны Цинской империи сыграла огромную роль на формирование алтай-кижи. Но они, как и ранние мигранты растворились в составе тюркоязычных потомков древних тюрков и теле.

Ключевую роль в формировании алтайской народности сыграло существование Теленгитского ханства. Нынешние теленгиты и телеуты, а также представители их сеоков, принимавших участие в сложении алтай-кижи, являются незначительным остатком многочисленного этноса, переселенного джунгарами в глубь Центральной Азии и полностью там погибшего вместе с гибелью Джунгарского ханства.

ЧУВАШСКИЕ АГНОНИМЫ ТАТАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Фомин Э. В.

Чувашский государственный институт культуры и искусств

pvshalygin@yandex.ru

Чувашско-татарские языковые контакты в лингвистических исследованиях не столь популярны. На то существует несколько причин. Во-первых, языки родственны и обладают значительным общетюркским пластом языковых единиц, разобраться в которых не столь просто. Во-вторых, и чувашское и татарское общества долгое время были заняты распределением болгарского наследия, и эмоциональный подход не позволял успешно развивать научные исследования в данном направлении.

Корпус татаризмов в чувашском языке эксплицитно не описан, хотя признаки татарского происхождения слов установлены более чем надежно (см., например: Сергеев 1993, с. 53–54, а также работы Н.И. Егорова).

Замечательный образец исследованности аналогичной проблемы являет материал чувашско-марийских языковых контактов. В традиционном виде тема практически исчерпана (см.: Räsänen 1920; Лукоянов 1973; Федотов 1990).

Агнони́мы татарского происхождения в чувашском языке существуют в виде целых агнонимичных текстов и лексико-фразеологических единиц.

Агнонимичные тексты представлены в чувашском фольклоре жанром заумных загадок, которых выявлено более сотни [Чекушкин 1989, с. 58]. Лишь небольшая часть слов из их состава выведена в словарь Н.И. Ашмарина в качестве лемм. И это совершенно справедливо: агнони́мы не представляются ценными вне порождающих их загадок. Ср.: аймик в загадке о муравьях (*Кёвен, кёвен, кёвен ут, кёвен ут та сурен ут, тайки мине таймик, ту хӑпарсан аймик < Біллі биллі ҫірӑн ат, билі нӑчка кӑрӑн ат, тауға мӑнӑб таймас ат, хаста тӑйӑб уӑмӑс ат*) [Ашмарин 1, с. 30–31]; акчак – о замке (*Акчак чӑмӑртақ < ?*) [Ашмарин 1, с. 102]; кипёк – о луке (*Кашта, кашта, кашта кипёк, иске чӑпкас, киев кёпёк*) [Ашмарин 6, с. 226] < *Кәттә, кәттә көбәк, өссе чыккач кияу кебек*); кистӑ – о сморкании (*Юмах пуртӑ кӑна, унтан килсен кистӑ кӑна < ?*) [Ашмарин 6, с. 247].

Агнони́мов лексико-фразеологического уровня безусловно татарского

происхождения не столь много, как можно было бы предположить первоначально.

Ак. Употребления ак Н.И. Ашмариным хоть и возводятся к одной семантике, тем не менее разграничиваются между собой.

Ак³. Ак машина мамак авярлать; сармак пусам терле шухайшлать «Белая (?) машина прядет хлопчатую бумагу; в моей молодой головушке бродят разные думы» [Ашмарин 1, с. 65].

Паспорт, указывающий географическую локализацию слова, отсутствует, что осложняет семантизацию рассматриваемого агнонима.

Можно предположить, что под ак подразумевается краткая форма указательного местоимения акъ «вот». Однако автором такая возможность категорически исключается. Таким образом, наиболее вероятной оказывается семантизация, обусловленная татарским ак «белый».

В самом чувашском языке для обозначения белого цвета используется слово шурă. Татаризм ак «белый» встречается лишь в спаянной форме в заимствовании акăш «лебедь».

Ак⁴. Ак перчетке – хёрсен саламё, Чăвашкас хёрсен (хёрёсем?) сакър харамё «Белые перчатки – подарок девушек; девушки из селения "Чăвашкас" – дармоедки» [Ашмарин 1, с. 65–66].

Текст паспортизируется с. Стюхино Бугурусланского уезда Самарской губернии, ныне входящем в Похвистневский район Самарской области.

Перевод нуждается в уточнении. Чăвашкас – не селение, а улица в составе какого-либо многонационального населенного пункта, чувашский конец, околоток (< чăваш «чуваш» + кас «улица»). Для Самарского Поволжья характерно наличие значительного числа смешанных селений, в которых практикуется этнически дифференцированное устройство общины [Ягафова 1998, с. 98–104].

Афористичный характер иллюстративного текста позволяет предположить об устойчивости самого словосочетания ак перчетке, возможно, имевшего локальное распространение.

Ёревёшлĕ. Слово с неизвестным значением, возводимое Н.И. Ашмариным к татарскому ірăўишлĕ «подобный» [Ашмарин 4, с. 129]. Ср.: ёревмё неопрятный; в рукописи, кажется, надо читать «ёревшĕ» [Ашмарин 4, с. 129]; ёревшĕ вид. Чистă савăн ёревишех теççĕ (во всем похож на него). Эп хам суртма савăн суртĕ (= сурчĕ) ёревише турăм (как бы скопировал с его дома). [Ашмарин 4, с. 129]. Иллюстрации паспортизируются селом Старое Чекурское, входящим ныне в состав Дрожжановского района Татарии.

Слово, безусловно, восходит к татарскому *рәвеш* «вид, образ, облик», приспособившемуся под чувашское произношение и чувашскую морфологию: ё- (протеза) + *ревеш* + -лё (аффикс адъектива). В случае с субстантивом *ёревшё* наблюдается явление контактной метатезы.

Или. Агноним *или* в чувашском языке зафиксирован в высказывании *виç пӳрне или*, сразу же объясненном *виç пӳрне хулӑнӑш* [Ашмарин 3, с. 106], т. е. шириной в три пальца. В словарной статье содержится ссылка на татарское *илли* (в современной орфографии *илле*) «ширина пальца».

Ир⁴. В описании Н.И. Ашмарина данное слово представлено как единица, относящаяся к татарскому *ир* «муж» [Ашмарин 3, с. 132], и в дальнейшем в лексикографических источниках не фиксируется.

Ир в чувашском языке встречается только в составе парного слова *ир-семье* «семья». Включение в словарь настоящего слова обосновано его разовым употреблением в книге «Хён-хур куракан сынна турӑ пӑрахмасть» (Казань, 1900), представляющей рассказ студента Казанской духовной академии О.Г. Романова.

Предположение Н.И. Ашмарина представляется справедливым. В слове *ир-семье* наблюдается синонимия составляющих его компонентов в широком смысле, что более всего характерно парному словообразованию.

Интересна этимология слова. Оно являет чувашское образование, состоящее из татарского и русского компонентов: *ир* «муж, мужчина (< человек?)» + *семье* «семья» и выступает синонимом собственно чувашскому *кил-йыш* (< *кил* «дом» + *йыш* «группа»).

Пёр сӳл. Перевод сочетания *пёр сӳл* в словаре сопровождается вопросительными знаками: сразу? в один прием? *Йӑлхав вӑкӑр пёр сӳл* (пёр сул. – Э.Ф.) *ёслет тессё* «Ленивый вол один год работает». Текст включен в словарь из рукописного фонда Н.И. Ашмарина без какой-либо привязки к конкретному ареалу.

В «Сборнике чувашских пословиц» (Чебоксары, 1925) автором дано примечание о непонятности выражения: «Не значит ли здесь “пёр сӳл” то же, что татарское “бір жулы” – сразу?»

В этом же сборнике под номером 222 приведен вариант этой поговорки: *Ўркӳс вӑкӑр пёр сул чёкёрнӗ* «Ленивый бычок дрищет сразу (в один прием)». В сноске дано объяснение: «Здесь “пёр сул” = татарское “бір жулы”».

Тут же под номером 223 имеется другой вариант поговорки с тем же переводом: *Ўрхи мӑкӑр трук чёкёрнӗ* [Ашмарин 10, с. 225 – 226].

С нашей точки зрения, речь идет о двух самостоятельных поговорках: 1) *Йӑлхав вӑкӑр пёр сӳл ёслет тессё* «Ленивый вол один год работает»;

2) *Ўркўс вайкър пёр сул чёкёрнё / Ўрхи майкър трук чёкёрнё* «Ленивый бычок дрищет сразу».

В первом случае Н.И. Ашмаринным дается адекватный перевод, а сомнения в его адекватности обуславливаются лишь наличием похожих текстов.

Важным в семантизации поговорки является ее общечувашское распространение. Она представлена в двух диалектных вариантах: текст с *вайкър* принадлежит низовому диалекту, сформировавшемуся при значительном мишарском (!) участии, а вариант с *майкър* – верховому.

В диалектных вариантах поговорки друг другу соответствуют агнонимичное сочетание *пёр сул* и русского заимствования *трук* «вдруг, внезапно». Таким образом, становится доказательной семантизация *пёр сул* в значении «сразу; вдруг».

Сайак. В разряд семантически темных слов с сомнительными татарскими корнями причисляется другое слово – *сайак* (в современной орфографии *саяк*). С точки зрения составителей словаря, «некоторые пытаются сопоставить его с татар[ским] *сөжәк* “кость”, и склонны понимать его в приведенном тексте в значении костяной застежки, костной пуговицы. А, может быть, это описка вм[есто] сапак? См. последнее слово и тот же пример, где слово саяк заменено сапак» [Ашмарин 11, с. 4]: *Йывайсран саяк тунн сук, ыра тумтир сүмне хунн сук* «Из дерева *сайак* не делается, к добротной одежде не прикладывается». Иллюстративный текст записан И.Н. Юркиным.

Рукописный первоисточник недоступен, однако вслед за лексикографами можно предположить неправильное прочтение слова: вместо *сапак* – *саиак* с последующим переосмыслением в *сайак*.

В данном контексте более вероятно употребление собственно чувашского *сапак*, имеющего архаичное значение «пуговицы, подвески, сережки с ушком или петелькой».

Тамър. Неизвестное слово в загадке о конопле: *Аякран пәхсан – тамър хәва, патәнчен пәхсан – ёнчә хәва* [Ашмарин 13, с. 174] «Посмотришь издали – *тамър* ива, с близкого расстояния – жемчужная ива». В сборнике чувашского фольклора *тамър* также трактуется как слово с неизвестным значением [Чăваш 1984, с. 190, 333].

Фольклористами записаны аналогичные тексты: *Катаран – кар вәрман, патне ситсен – сём вәрман* «Издали – стройный лес, подойдешь ближе – темный лес»; *Катаран пәхсан – катър вәрман, патне ситсен – патър вәрман* «Посмотришь издали – *катър* лес, подойдешь ближе – *патър* лес». В последней загадке *катър* и *патър* объясняются как звукоподражания [Чăваш 1984, с. 190, 333].

Н.И. Ашмарин сопоставляет агноним с татарским словом *тамыр* «корень». Однако ареал, в котором распространена загадка, противоречит этому предположению. Текст локализуется Краснотетайским и Чебоксарским районами Чувашии, практически не имевшими соприкосновения с татарами [Чăваш 1984, с. 289].

Юркан. Слово *юркан* в значении «одеяло» сопровождается Н.И. Ашмариним вопросительным знаком и возводится к татарскому *юрган* [Ашмарин 5, с. 7]. В качестве иллюстративного материала приводится текст из сообщения Н.И. Юркина, уроженца чувашско-татарского села Бюрганы Буинского уезда Симбирской губернии: *Анне мана суратрĕ, шура юрканпа чĕркерĕ* [Ашмарин 5, с. 7] «Мать меня родила, белым одеялом запеленала».

Юркан в значении «ватное одеяло» также приводится в диалектологическом словаре: *Юрканне пăкса урăна тăс* «Глядя на юрган, ногу протяни» (перевод наш. – Э.Ф.). Оно паспортизируется чувашскими селениями Кош-Елга, Шланлы и Шеверли Башкирии и возводится к башкирскому *юрган* «одеяло» [Сергеев 1968, с. 94].

В словаре Н.И. Ашмарина также имеется два агнонима, семантизация которых из-за отсутствия контекста пока еще невозможна:

Вурт² десна? < татарское *урт* «десна» [Ашмарин 5, с. 274].

Юлер брань? Описка? От татарского *jŭlär* «глупый»? [Ашмарин 4, с. 319].

Фонетический облик и предполагаемая семантика данных слов в большей степени позволяют придерживаться их татарского происхождения.

Осторожная семантизация чувашских слов Н.И. Ашмариним даже в очевидных случаях вызывает удивление. Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, тем, что в источниках словаря не было уверенного толкования части лексики; во-вторых, тем, что редакторы словаря подвергали сомнению существование неизвестных им слов.

Таким образом, чувашские агнонимы *ак* «белый», *ёревёшлĕ* «подобный», или «ширина пальца», *ир* «муж», *пĕр сул* «сразу; вдруг», *юркан* «одеяло», безусловно, татарского происхождения; вероятно являются татарскими *вурт* (< *урт* «десна»?), *юлер* (< *юләр* «глупый»?), и пока еще неубедителен татарский генезис слова *тамăр* (< *тамыр* «корень»?).

Выявление татарского следа в семантической интерпретации чувашских агнонимов в дальнейшем предполагает обращение к объемному материалу чувашско-татарских контактных зон.

Литература

1. Ашмарин, Н. И. Чăваш сăмахĕсен кёнеки = Словарь чувашского языка : 17 томпа / Н. И. Ашмарин. Шупашкар, 1928-1950.
2. Лукоянов, Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке / Г. В. Лукоянов ; Чуваш. ин-т усовершенствования учителей. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1973. 118 с.
3. Сергеев, Л. П. Диалектологический словарь чувашского языка / Л. П. Сергеев. Чебоксары, 1968. – 104 с.
4. Сергеев, Л. П. Чăваш чĕлхи / Л. П. Сергеев, В. И. Котлеев. 2-мĕш кăларăм. Шупашкар : Чăваш кёнеке издательства, 1993. 376 с.
5. Федотов, М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / М. Р. Федотов ; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова ; Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Саранск : Изд-во Сарат. ун-та, Саран. фил., 1990. 335 с.
6. Чăваш халăх сăмахлăхĕ : вак жанрсем. Шупашкар : Чăваш кёнеке издательства, 1984. Т. 5. 351 с.
7. Чекушкин, В. С. Питаннă сăнарлăх (чăвашсен усăмсăр текстлă туп-малли юмахĕсене тутарла вуласа пăхни) / В. С. Чекушкин // Чăваш халăх сăмахлăхĕ : тĕпчевсемпе текстсем. Шупашкар, 1989. С. 46–59.
8. Ягафова, Е. Самарские чувашы (историко-этнографические очерки) : конце XVII – начало XX вв. / Е. Ягафова. Самара, 1998. 368 с.
9. Räsänen, M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen / M. Räsänen. Helsinki, 1920. 48. 274 S.

**ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В
КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В 1842-1920 ГГ.***

Хабибуллин М.З.

ГУ "Институт Татарской энциклопедии АН РТ"

kazanmars@rambler.ru

Казанская духовная академия во второй половине XIX - начале XX вв. являлась одним из ведущих дореволюционных центров по изучению истории, этнографии и языка нерусских народов Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири. Ее преподаватели внесли существенный вклад в изучение татар, марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов и др. В Национальном архиве Республики Татарстан и в библиотеках Казани сохранилось большое количество источников, научных отчетов преподавателей академии, отражающих культуру, быт, обычаи, национальные праздники, свадебные и другие обряды многих нерусских народов. Хотя изучение истории и этнографии народов в Казанской духовной академии было продиктовано, прежде всего, миссионерскими целями не стоит недооценивать научную значимость накопленных сведений. Определенную лепту ученые академии внесли и в изучение истории, этнографии и языка тюркских народов Среднего Поволжья - татар и чувашей.

Одной из главных причин открытия в 1842 г. Казанской духовной академии для правительства и высшей церковной власти стало «желание научно освятить сложный «инородческий» вопрос в России и выработать рациональные меры к сближению многомиллионного инородческого мира с коренным населением империи на почве религии и культуры» [1]. Поэтому важной прерогативой академии, безусловно, было изучение языков нерусских народов России для ведения среди них активной миссионерской деятельности. А для выполнения данных задач необходимо было наладить профессиональное производство по подготовке специалистов, хорошо владеющих знаниями по истории, этнографии, культуре, лингвистическим особенностям языков нерусских народов Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири. Работа по созданию отделений в Казанской духовной академии началась сразу после открытия академии. Определив наиболее распространенные языки у нерусских народов, проживающих на территории Среднего Поволжья и восточных окраинах Российского государства, руководство учебного

заведения открыло в 1845 г. две кафедры: 1) турецкий, татарский и арабский языки и 2) монгольский и калмыцкий языки [2]. После продолжительных подготовительных работ, в начале 1854-1855 учебного курса в Казанской академии произошло открытие единственных в России миссионерских отделений: 1) противораскольническое 2) противомусульманское, 3) противобуддистское и 4) черемисско-чувашское. Изучением истории, этнографии и языка тюркских народов Среднего Поволжья татар и чувашей в Казанской духовной академии занимались преподаватели противомусульманского и черемисско-чувашского отделений.

Преподаватели миссионерского противомусульманского отделения уделяли большое внимание изучению истории, этнографии и языков нерусских народов России. Первым такую практику в отделении начал осуществлять Н.И.Ильминский (1822-1891 гг.). Не ограничиваясь кабинетной работой, он стремился к изучению татарского языка «из первых уст». Для этого он одно время жил в Татарской слободе в Казани и посещал занятия в медресе. По поручениям архиепископа Казанского Григория (Постникова) он много ездил по селениям Казанской губернии и собирал ценные научные сведения о религиозной ситуации на местах, об истории татарского народа, этнографические сведения. В этих командировках он на деле столкнулся с реальным положением религиозно-нравственного состояния нерусских народов Казанского края. Многие статьи Ильминского, знакомящие с народной словесностью нерусских народов, их обычаями, обрядами, а также много лингвистических исследований помещены в «Известиях Археологического Общества», «Бюллетенях Академии Наук», «Ученых Записках Казанского университета», «Журнале Министерства Народного Просвещения», «Православном Обозрении» (с 1863), «Православном Собеседнике», «Церковно-приходской Школе» (1888 и 1889), «Известиях по Казанской епархии» и пр. Среди основных работ можно выделить «Самоучитель русской грамоты для киргизов» (Казань, 1861), «Из переписки по поводу применения русского алфавита к инородческим языкам» (Казань, 1883), «Казанская крещено-татарская школа. Материалы для истории просвещения татар» (1887) и др.

Активную работу по изучению истории, этнографии и языка татар проводил и другой преподаватель Казанской духовной академии Е.А.Малов. В Научной библиотеке Казанского университета хранятся десятки научных трудов, а также миссионерские дневники этого яркого представителя казанской духовной школы, знатока арабского, татарского и еврейского языков, специалиста по этнографии народов

Среднего Поволжья. Он преподавал в академии татарский язык, этнографию татар и «историю распространения среди них христианства». П.В.Знаменский писал о нем, его «натура, как будто нарочито созданная для практического миссионерства; притом он историк миссии и искусный наблюдатель нравов, умственных и религиозных понятий татар». Его практическая деятельность отразилась и в направленности его литературно-научных сочинений, являющихся преимущественно полемическими. Среди них: «Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергавшихся влиянию мухаммеданства» (1871), «Сличение мухаммеданского учения об именах Божиих с христианским о них учением» (1874), «Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана (Опыт объяснения одного из очевиднейших противоречий в Коране)» (1889), «О крещеных татарах (из миссионерского дневника)» (1891), «Мухаммеданский букварь (миссионерско-критический очерк)» (1894), и др. Большой интерес с самых первых лет работы в Казанской духовной академии Малов проявил к изучению этнографии нерусских народов Среднего Поволжья. Многочисленные наблюдения за бытом поволжских народов, полученные во время его поездок по уездам Казанской губернии, стали для исследователя тем фундаментом, который лег в основу этнографических исследований Малова. Значительный интерес профессор уделял изучению быта, уровня жизни и всей системы морально-нравственных ценностей казанских, крещеных татар, чувашей, и особенно татар-мишар [3].

Активную деятельность по изучению тюркских народов России проявлял преподаватель Казанской духовной академии этнограф, археолог, журналист, организатор системы народного образования в Средней Азии Н.П.Остроумов. В академии он преподавал «миссионерские предметы против магометанства»: «обличение мухаммеданства», «историю Мухаммеда», арабский и татарский языки. В Казани он занимался изучением истории, этнографии и языка татар, хотя значительная часть его творческого наследия связана с изучением истории, этнографии и языка нерусских народов Средней Азии. Н.П.Остроумов автор более 300 работ по различным проблемам истории Востока и ислама. Он является автором «Первого опыта словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии» (1876 г.), «Татарско-русского словаря» (1892 г.). «Этимологии сартского языка» (Ташкент, 1910 г.). Он известен также как этнограф народов Средней Азии, автор ряда основополагающих этнологических работ по материальной и духовной культуре таджиков, узбеков и

киргизов.

Много интересных сведений об истории, этнографии тюркских народов Среднего Поволжья содержатся в отчетах и в научных трудах М.А.Машанова. Ему принадлежит большое количество работ, миссионерских отчетов, в которых он описывает жизнь, традиции, язык и быт татар Казанской губернии во второй половине XIX - начале XX вв. Эти труды представляют огромную ценность для воссоздания религиозного облика татар, о взаимоотношениях татарского и русского народов. М.А.Машанову часто приходилось бывать в деревнях, беседовать с жителями, наблюдать за их повседневной жизнью и просто жить с ними. Вся эта информация сохранилась в его записках, письмах и отчетах. Поэтому по данным сведениям мы можем судить о жизни татар, чувашей, марийцев того периода, об их религиозной приверженности и отношении к представителям других вероисповеданий и народов. Так, в 1874 г. Машанов был направлен Советом Казанской духовной академии в Мамадышский уезд Казанской губернии. Поездка к крещеным татарам во многом определила направление его научных исследований. Общение с населением, которое велось на татарском языке, наблюдение за их бытом, традициями и внешним обликом, позволили ему собрать интересные и любопытные сведения, опубликованные в 1875 г. в работе «Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда». В 1881 г. Машанов был направлен в деревню Никифорово Мамадышского уезда Казанской губернии «с целью узнать подробнее о религиозном состоянии жителей этой деревни, постараться посредством устных бесед ослабить влияние на них пропаганды... войти в ближайшие сношения с местным священником для уяснения, какие меры вразумления следует принять в данном случае» [4]. Машанов проводил специальные кратковременные педагогические курсы для учителей нерусских школ. Благодаря его работе, были достигнуты успехи в привлечении и укреплении в православной вере крещеных татар, чувашей и марийцев.

На черемисско-чувашском отделении, открытом также в 1854 г., проходило изучение истории, этнографии и языка чувашей и марийцев. Студентам здесь преподавали вероучение, этнографию, языки чувашей и марийцев и соответствующую часть миссионерской педагогики. Преподавателем на него был назначен хороший знаток чувашского и марийского языков протоиерей Виктор Петрович Вишневский. Ему принадлежит ряд трудов по истории, этнографии и языку чувашей и марийцев, среди них: «Начертание правил чувашского языка со словарем», «О религии некрещеных черемис; из записок миссионера»

(1856; перевел на французский язык, СПб., 1859) и др. В первый учебный год он читал студентам чувашскую мифологию и обрядность, описывал нравы и обычаи чувашей, перечислял меры к их обращению в христианство и показывал прогрессивную роль новой религии в жизни новообращенных из представителей этих народов.

После закрытия черемисско-чувашского отделения в 1856 г. лекции по этнографии чувашей и марийцев, а также история распространения христианства среди них, велись преподавателями противомусульманского миссионерского отделения, а затем на татарском отделении академии. Вплоть до закрытия Казанской духовной академии ее преподавали в разное время М.А.Машанов, Е.А.Малов и М.Г.Иванов. Преподаватели Казанской духовной академии уделяли большое внимание изучению истории, этнографии и языка нерусских народов России, а также подготовке профессиональных специалистов – учителей из среды мордвы, марийцев, чувашей, вотяков, крещеных татар и др. Так, при активном участии бывшего преподавателя Казанской духовной академии Н.И.Ильминского в 1870 г. была открыта «Учительская семинария», где готовились учителя из русских, мордвы, марийцев, чувашей, вотяков и крещеных татар. В 1889 г. в здании Спасского монастыря, при активном участии преподавателей Казанской духовной академии, были открыты двухгодичные миссионерские курсы, на которых было уделено большое внимание изучению истории тюркских народов Среднего Поволжья - татар и чувашей: «На миссионерских курсах преподаются науки обоих миссионерских отделов: I) татарского а) история и обличение магометанства, б) этнография татар, киргизов, башкир, чуваш, черемис, вотяков и мордвы, в) история распространения христианства между означенными племенами» [5].

Неоценима роль преподавателей Казанской духовной академии и в деле развития образования среди детей чувашей и марийцев. Среди них необходимо выделить М.А.Машанова, который одновременно также был сотрудником Братства Святителя Гурия. Ему неоднократно приходилось бывать в чувашских школах, открывать новые учебные заведения, наблюдать за процессом обучения и воспитания.

Таким образом, открытая в 1842 г. Казанская духовная академия стала одним из крупных научных дореволюционных учреждений в России по изучению истории, этнографии, языка, религиозных верований нерусских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Преподаватели миссионерских отделений академии выявили и собрали огромный пласт информации о жизни и деятельности тюркских народов Среднего Поволжья - татар и чувашей. Основная часть творческого

наследия преподавателей отделений, представленная в виде отчетов по командировкам, бесед с представителями разных народов, трудов по этнографии и истории, до сих пор остаются в архивах и библиотеках и представляет собой интереснейший материал для понимания современных межнациональных отношений в России. Миссионерские отделения Казанской духовной академии стали востоковедческими и этнографическими центрами, активно проводившими исследования по изучению чувашей, марийцев, удмуртов, татар и др. Преподаватели академии внесли весомый вклад в сохранение и развитие языков нерусских народов России, в подготовке филологов из национальной среды, они разрабатывали и составляли учебники и словари, развивали систему образования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Казанская духовная академия в межконфессиональном взаимодействии народов Среднего Поволжья (1842-1920 гг.)», проект № 11-11-16013а/В / 2012 (РГНФ).

Литература:

1. Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. – 1906. – № 18 – С. 634.
2. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 463. Л. 1; Д. 827. Л. 40.
3. Малов Е. А. Сведения о Мишарях. Этнографический очерк. – Казань, 1885.
4. НА РТ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 8. Отчет о поездке в деревню Никифорову, Мамадышского уезда для увещания отпавших от христианства.
5. Соображения об открытии двухгодичных миссионерских курсов при Казанской духовной академии. – Казань, 1889. – С. 1-8.

**К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ
МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Хайрутдинова Г.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Kgulshat@yandex.ru

В сфере сопоставительного изучения языков важное место принадлежит анализу и описанию их морфологических подсистем. Морфологический уровень языка, отражая своеобразие языкового кода, во многом определяет степень приоритетности тех или иных способов членения объектов материального мира, позволяет выявить значимость определенных концептов и других ментальных образований в коллективном сознании данного этноса. Различия между морфологическими подсистемами русского и татарского языков уже не раз были предметом исследования в работах В.В.Радлова, Н.К.Дмитриева, Э.М.Ахунзянова, Л.З.Шакировой, Ф.А.Ганиева, З.М.Валиуллиной, Д.А.Салимовой и других ученых по сопоставительному языкознанию и преподаванию русского языка как неродного. В этой связи особого внимания заслуживает лингвистическое и методическое наследие В.В.Радлова, в трудах которого нашли воплощение дух и идейные устремления Казанской лингвистической школы. В результате изучения основных проблем морфологии тюркских языков, В.В.Радлов стал родоначальником новой эпохи в развитии отечественной и мировой тюркологии [Кононов 1972: 8, 14].

Сопоставительная грамматика и в настоящее время относится к числу интенсивно развивающихся областей лингвистики, тем не менее остается ряд вопросов, которые не включаются в круг обсуждаемых или остаются на периферии внимания исследователей.

Проблема выявления и описания особенностей грамматического строя сопоставляемых языков связана прежде всего с изучением основных понятий морфологии. К ним принято относить понятия лексемы, грамматической формы, парадигмы, морфологического значения, морфологической категории, частей речи.

Обратимся в данной статье к рассмотрению морфологической категории как центрального понятия грамматики. Существуют разные

подходы к трактовке его сущности Наиболее предпочтительным является определение А.В.Бондарко. С точки зрения ученого, морфологическая категория - это система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм, объединенных однородным содержанием (или значением) [Бондарко 1976: 10-11]. Так, категория числа существительных в обоих языках - это система противопоставленных друг другу двух рядов грамматических форм (единственного и множественного числа), которые способны передавать количественные отношения. Значение количества предметов следует рассматривать в качестве общего, однородного значения по отношению к более частным значениям единичности и расчлененного множества предметов, которые выражаются грамматическими формами (или граммами) единственного и множественного числа субстантивов.

Сопоставительное изучение русского и татарского языков свидетельствует о том, что большинство морфологических категорий в них совпадает: это число и падеж существительных; залог, наклонение, время, лицо и число глаголов. Говоря о различиях, следует в первую очередь указать на несовпадение количества морфологических категорий, имеющих в каждом из сопоставляемых языков: в русском языке выделяется одиннадцать категорий (рода, числа, одушевленности / неодушевленности, падежа, полноты / краткости, степеней сравнения, залога, вида, наклонения, времени, лица), в татарском языке их число равно девяти (это категории числа, падежа, принадлежности, степеней сравнения, залога, наклонения, времени, лица, утверждения / отрицания). При этом в качестве суперкатегорий (термин О.Г.Ревзиной), т.е. категорий, которые связаны более чем с одной частью речи, выступают общие для сопоставляемых языков категории числа, падежа и степеней сравнения. В русском языке к числу суперкатегорий следует также отнести категории рода, одушевленности / неодушевленности, полноты / краткости, в татарском - категорию принадлежности. Своеобразие русского языка определяется наличием категорий рода и одушевленности / неодушевленности существительных, полноты / краткости прилагательных и причастий, а также категории вида глаголов. В татарском языке данные категории отсутствуют. Специфика татарского языка формируется за счет категорий принадлежности (тартым категориясе) у существительного и категории утверждения / отрицания (барлык / юклык категориясе) у глагола. Правда, в «Татарской грамматике» указывается также на наличие категории сказуемости (хәбәрлек категориясе) у существительного и категории аспектуальности (дәрәжә категориясе) у глагола [Закиев 1993: 6].

Однако первую из них более целесообразно считать угасающей, уже не актуальной для грамматики современного татарского языка категориями. Что касается аспектуальности, то это скорее понятийная (или семантическая) категория, нежели морфологическая.

Особую проблему составляет классификация морфологических категорий. Этот вопрос рассматривался в работах А.В.Бондарко, А.А.Зализняка, В.Б.Касевича, Е.В.Клобукова, Г.И.Пановой, О.Г.Ревзиной; Д.Г.Тумашевой, Ф.М.Хисамовой и др. Изучение данной проблемы обнаруживает отсутствие единообразия в подходах к ее решению. С нашей точки зрения, основу таксономического описания должны составить характеристики морфологических категорий, полученные в результате их классификации с учетом следующих признаков: 1) количество граммем, образующих морфологическую категорию (см., например: [Евтюхин 2002: 41]); 2) способность / неспособность категории противопоставлять формы одной и той же лексемы [Ревзина 1973: 18]; 3) семантический / структурный тип доминанты содержания [Бондарко 1976: 41-42]; 4) преимущественно отражательный или интерпретационный характер семантики анализируемой морфологической категории [Бондарко 1976: 41-50]. Дополнение классификационного описания морфологических категорий возможно за счет их характеристики с точки зрения элементного или контекстного способа выражения [Ревзина 1973: 7] и альтернативного или деривационного характера формообразования [Бондарко 1976: 76]. Рассмотрим более обстоятельно первые две из названных классификаций.

1. В основе первой типологии лежит разграничение морфологических категорий по количеству рядов грамматических форм (граммем). По этому критерию выделяются бинарные (двучленные) и небинарные (многочленные) категории. В бинарных категориях противопоставляются два ряда грамматических форм. Небинарные категории образуются в результате противопоставления более двух рядов грамматических форм.

В русском и татарском языках имеются оба типа морфологических категорий. Например, бинарной и в русском, и в татарском языке является категория числа. В качестве небинарных в обоих языках выступают морфологическая категория падежа существительного (шесть граммем и в русском, и в татарском языке) и категория лица глагола, образуемая в результате противопоставления грамматических форм 1-го, 2-го и 3-го лица. Однако есть и различия. Так, наклонение глагола в русском языке – это трехчленная категория, в татарском языке данную

категию составляют пять рядов грамматических форм. Время глагола в русском языке представлено трехчленной категорией, в татарском – девятичленной. Важным при характеристике грамматического строя двух языков представляется также следующий вывод: если в русском языке наиболее распространены бинарные и тернарные (трехчленные) категории [Евтюхин 2002: 42], то в грамматике татарского языка количество подобных категорий, согласно нашим подсчетам, незначительно (ср. данные таблицы):

Двучленные категории		Трехчленные категории		Категории, в которых имеется более трех граммем	
1) числа 2) одуш. / неодуш. 3) полноты / краткости 4) залога 5) вида	1) числа 2) утвержд. / отриц.	1) рода 2) степеней сравнения 3) наклонения 4) времени 5) лица	1) принадл. 2) лица	1) падежа	1) падежа 2) степеней сравнения 3) залога 4) наклонения 5) времени 6) лица
в рус. яз.	в тат. яз.	в рус. яз.	в тат. яз.	в рус. яз.	в тат. яз.

Как известно, на более раннем этапе развития русской грамматики соотношение категорий с точки зрения составляющих их компонентов было иным: отсутствовали, например, категории вида, одушевленности / неодушевленности; категорию времени глагола составляли не три ряда грамматических форм, как в современном русском языке, а семь граммем и т.д. Доминирование бинарных и тернарных категорий, свидетельствующее об усилении в современном русском языке черт аналитизма, достаточно наглядно отражает своеобразие данного участка его грамматической системы по сравнению с аналогичным сегментом в строе татарского языка.

2. В зависимости от способности или неспособности морфологических категорий противопоставлять формы одной и той же лексемы выделяют словоизменительные и несловоизменительные (классифицирующие) категории.

Оба типа морфологических категорий есть только в русском языке. Например, к числу словоизменительных относятся число, падеж существительных; род, одушевленность / неодушевленность, число, падеж, полнота / краткость прилагательных; наклонение, время, лицо и число глаголов. Классифицирующими являются категории рода и одушевленности / неодушевленности существительных и вида глаголов. Как считают многие тюркологи (см., например: [Закиев 1993: 15]), все морфологические категории в татарском языке имеют статус словоизменительных категорий. Разграничение словоизменительных и классифицирующих категорий необходимо для выявления тех семантических признаков, при отражении которых морфологические

средства тесно взаимодействуют с элементами других уровней языка – главным образом лексики и словообразования. Кроме того, данная классификация значима в плане описания эстетических ресурсов морфологических категорий. Установлено, что более широким потенциалом обладают классифицирующие категории, с которыми связана передача постоянных объектов – пола, личности и т.п. В частности, выявлено, что эстетический потенциал грамматического рода русских субстантивов реализуется при их использовании в составе 27 стилистических приемов, среди которых наиболее частотными являются антономазия, анаколуп, каламбур, метаморфоза, олицетворение, образное сранение и перифраза [Хайрутдинова 2009: 38]. Наличие классифицирующих категорий в русском языке позволяет говорить о большей гибкости, пластичности его морфологической подсистемы по сравнению с грамматическим строем татарского языка, который характеризуется отсутствием несловоизменяемых категорий.

Таким образом, сопоставление морфологических категорий русского и татарского языков даже в рамках двух аспектов анализа (с точки зрения количества грамем и способности / неспособности противопоставлять формы одной и той же лексемы) позволило вскрыть существенные особенности их грамматического строя.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. - Л.: Наука, 1976. - 255 С.
2. Евтюхин В.Б. Морфологические категории: учеб. пособие. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. - 68 С.
3. Закиев М.З. Введение // Татарская грамматика: в 3 т. Т. II. Морфология. - Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. - С. 5-18.
4. Кононов А.Н. В.В.Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник, 1971. - М.: Наука, 1972. - С. 7-15.
5. Ревзина О.Г. Основные черты структуры грамматической категории рода // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. - М.: Наука, 1976. - С. 4-24.
6. Хайрутдинова Г.А. Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Казань, 2009. - 45 С.

**ОБЩЕСТВО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ И И.А.
ИЗНОСКОВ**

Хуснуллина И.И.

Нет организации

ilmira-86@inbox.ru

Общеизвестно, что предпосылки создания научных обществ в России сложились в результате преобразований первой четверти XVIII века. Научные общества представляют собой исторически сложившуюся форму организации науки, хорошо осознаваемую их создателями: «Наблюдения и опыты, производимые над образующимися народами, свидетельствуют, что между всеми средствами способствовать повсеместным успехам просвещения, самым удобным может быть учреждение Ученых Обществ, которые будучи одушевляемы и руководимы творческим духом правительства, стремятся действовать совокупными силами к одной благородной цели». Вторая половина XIX - начало XX вв. - период стремительного развития всех отраслей науки в России. Значительную роль в этом процессе сыграли научные общества [1]. Научные общества были исследовательским центром, осуществляли сбор, анализ и публикации документов, вводя в научный оборот колоссальное количество исторических источников, занимались организацией всяческих выставок.

По мнению Назиповой Г.Р., создание новых научных обществ, в частности при Казанском университете во второй половине XIX в. способствовало активизации выставочной деятельности. Особенно ярко это выразилось в деятельности Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). Если по началу выставки были больше мануфактурные, сельскохозяйственные, то с созданием ОАИЭ изменился и их характер. Они стали краеведческими, образовательными [2: 174].

Секретарь Общества Н.П. Загоскин подчеркивает, что мысль о необходимости учреждения такого объединения не нова. IV Археологический съезд стал толчком в деле объединения единомыслящих в вопросе изучения местного края в его прошедшем и настоящем и создания подобного общества [3: 10]. ОАИЭ за первый год осуществления своей деятельности в своем составе, судя по отчету [3: 13-14], имело 64 члена различных наименований. Председателем Общества состоял г. Попечитель Казанского Учебного округа Петр

Дмитриевич Шестаков. Членами Совета состоял протоиерей Платон Егорович Заринский, руководитель Казанского частного Миссионерского Института Николай Иванович Золотницкий, директор народных училищ Казанской губернии Илиодор Александрович Износков, инспектор татарских, киргизских и башкирских школ Казанского учебного округа Василий Васильевич Радлов и ординарный профессор университета Николай Алексеевич Фирсов.

И.А. Износков, получивший высшее физико-математическое образование, осуществлявший свою трудовую деятельность в сфере народного образования, в юридической сфере, больше тянулся к наукам гуманитарного профиля, таким как история, этнография, нумизматика.

Будучи деятельным членом Общества И.А. Износков охотно участвовал в выставочной деятельности Общества. Учеными особо отмечается IV археологический съезд (1877), где отдел «Древности первобытные и вещественные памятники» возглавляли казанский коллекционер А.Ф. Лихачев, тюрколог В.В. Радлов, отдел «Памятники и письма» - профессор Казанской духовной академии, филолог И.Я. Порфирьев, «Восточные древности» - ученый-востоковед, коллекционер, нумизмат, профессор Казанского университета И.Ф. Готвальд, отдел «Нумизматика» - известный казанский коллекционер нумизмат В.К. Савельев, отдел «Этнография» - профессор Казанской духовной академии, историк Н.И. Ивановский и казанский коллекционер, общественный деятель, краевед, этнограф И.А. Износков.

При Казанском Обществе археологии, истории и этнографии существовали библиотека, архив рукописей и актов, археологический, этнографический музеи. Поначалу источником их пополнения были частные пожертвования членов Общества [3: 14].

Примечательно, что для обнародования результатов научной деятельности ОАИЭ создало и свой печатный орган «Известия ОАИЭ». Ежегодно здесь публиковались научные статьи, сообщения членов Общества.

В «Известиях» вышли публикации И.А. Износкова, в которых нашли место проблемы археологии. Им посвящен цикл статей «Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках», а также «Материалы для историко-археологического обозрения Спасского уезда Казанской губернии». В ряде статей он обращается к вопросам этнографии, истории. Сведения, собранные и опубликованные И.А. Износковым, были значимы тем, что содержали огромный материал, имевший практическую значимость для широкого круга ученых. Поскольку в его

публикациях и этнограф, и археолог, и фольклорист, и филолог, интересующийся вопросами топонимики, и работник статистической службы мог найти необходимый материал. Но и сегодня данный материал вызывает определенный интерес современного исследователя.

Литература

1. <http://www.snor.ru/?an=about> - дата обращения 17.01.2012 г.
2. Назипова Г.Р. «Наше время - эпоха выставок»: к истории выставочной деятельности научного сообщества Казани (XIX - начало XX в.) / Г.Р. Назипова // Известия Алтайского гос. университета. Сер. История. Политология. - 2008. - № 4/3.
3. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. - том II. - 1879 год. - 183 с., прил.

**ПЕРСИДСКИЕ И ТЮРКСКИЕ МОТИВЫ В ТРАДИЦИЯХ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И В "ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОМ
ДИВАНЕ" И.-В. ГЁТЕ**

Черепенникова М. С.

Литературный институт им. А. М. Горького

chrita@rambler.ru

На современном этапе развития духовной культуры наиболее актуальной и в то же время недостаточно исследованной темой является проблема литературного взаимодействия Востока и Запада, взаимовлияния поэтических традиций, уходящих своими корнями в ментальные и языковые парадигмы тюркских народностей, наследников персидских цивилизаций и жителей западной Европы. Одним из наиболее ярких классических примеров подобного взаимодействия в контексте мировой литературы является «Западно-восточный диван» Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832) – прекрасный образец зрелого лирического творчества великого немецкого поэта. Сборник, состоящий из двенадцати книг, включающих в себя 235 стихотворений, представляет собой своеобразное завещание грядущим поколениям и обладает сложной аллегорической структурой, сообразованной с поэтикой восточных, главным образом персидских и тюркоязычных лириков.

Показательно, что в последние десятилетия своей жизни Гёте, продолжая художественное исследование философских проблем, затронутых в «Фаусте», драматургии и лирике веймарского периода, облёк их в новые восточные формы, воспринятые им в ходе глубокого изучения творчества Низами, Хафиза, Джалаладдина Руми, Саади, Фирдоуси, Навои и многих других замечательных поэтов, оказавших существенное влияние на формирование национальных литератур таких современных стран как Турция, Азербайджан, Иран, Афганистан, Узбекистан, Таджикистан и других регионов распространения тюркских языков и фарси.

Обращение зрелого Гёте к восточной стилистике и поэтике не было случайным, оно стало замыкающим звеном в том грандиозном проекте художественно-критического исследования мировой литературы, которое великий немецкий поэт продолжал на протяжении всей своей жизни. «Западно-Восточный диван» Гёте одним своим замыслом

указывает на глубинный синтез двух грандиозных культур, инициировавших процесс культурного взаимодействия ещё на заре развития человеческой цивилизации.

Художественные заимствования с Востока в западную литературу и мифологию, перенесение восточных идей, мотивов, образов на западную почву имеют многовековую давность. Единым для многих мифологий Евразии является сюжет о воспитании прародителя племени волчицей. В этот ряд входят мифы Древнего Рима о Ромуле и Реме, древнеиранские легенды о Кире. У тюркских народов волк воспринимался как родовой тотем (пример - происхождение правящего рода Ашина). Сказание о священном волке, как считает академик В. А. Гордлевский, занесли в древнюю Европу именно тюркские племена. Вставочные эпизоды эллинской литературы («новеллы» о Гефесте, Афродите и Аресе в «Одиссее» Гомера) и космогонические мифы древних греков имеют азиатское происхождение. В свою очередь великий полководец эпохи эллинизма Александр Македонский, пытавшийся органично соединить в своём походе культуры Востока и Запада, под именем Искандер стал одним из излюбленных персонажей поэм Низами и Фирдоуси.

Имеющие восточные истоки жанры драматической поэмы и героической песни были занесены крестоносцами из Азии в Европу и оказали огромное влияние на средневековую литературу Запада. Восточные модели структуры литературного произведения проникли в рамочные композиции итальянских сборников новелл («Декамерон», «Новеллино»). В «Божественной комедии» Данте Алигьери, по мнению Х. Л. Борхеса, обнаруживаются мотивы поэта из Нишапура Фарид ад-Дин Аттара (1145/46-1221) - автора знаменитого «Разговора птиц» («Мантик аль Таир» - ок. 1175). С XVIII века в Европе начинается эпоха открытия литературного мира Востока в творчестве Монтескье и Вольтера, в литературно-критических исследованиях Гердера и Гёте, утверждавших, что народы Древней Греции и Древнего Рима нельзя считать основными и единственными творцами литературы. Упоение жизнью во всём её многообразии, вера в неистощимые силы всемирной культурной традиции привлекали Гёте к восточной классике.

«Западно-восточный диван» Гёте представляет собой художественное подтверждение данной эстетики. В его прологе звучит мотив «Гиджры» («Хеджра»), подразумевающий бегство пророка Мухаммеда в Медину, положившее начало магометанскому летоисчислению. Для Гёте - это аллегория нового этапа в жизни и обновлённых в восточном духе форм поэзии. Стихотворение «Гиджра» было написано 24 декабря 1814 г. В

этот период наряду с работой над поэтическим сборником, проникнутым духом Хафиза Ширази (1326-1390), Гёте завершал описание своего первого «бегства» – в Италию в 1786 г. Укрывшись некогда в Италии – стране классической древности, от мрачной и противоречивой современности, в более поздние годы Гёте с той же целью совершил грандиозное мысленное «путешествие» на Восток, сопровождаемое реальными духовными открытиями, изучением нравов, обычаев, предметов, религиозных представлений и воззрений народов данного региона. И итальянский, и восточный культурный опыт привели немецкого классика на разных жизненных этапах к эффекту «нового рождения».

Обращаясь к творческому опыту Хафиза и посвящая ему многие стихотворные произведения «Дивана», Гёте автоматически подключался и к более ранней традиции восточной поэзии, созданной Низами Гянджеви (1141-1209). Азербайджанские исследователи местом рождения Низами считают город Гянджа, что позволяет им называть поэта тюрком, основываясь на превалировании тюркского элемента в этом многонациональном городе. В стихотворении «Образцы», перечисляя примеры высокой любви Гёте также упоминает излюбленных героев Низами Фархада и Ширин, о которых впоследствии писал и Алишер Навои (1441-1501). Творчество Навои дало мощный стимул эволюции литературы на тюркских языках, в особенности чагатайской и воспринявшей её традиции литературы на узбекском и уйгурском языках. Подчёркивая своё тюркское происхождение Навои в трактате «Суждение о двух языках» (1499) обосновывал культурное и художественное значение чагатайского языка, говорил о богатстве тюркской языковой группы и предлагал талантливым поэтам из тюркских регионов совершенствовать своё творчество не только на фарси, но и на тюркских языках. Значение данного трактата для тюркоязычной литературы можно сравнить со значением трактата Данте «О народном красноречии», для развития национальной литературы Италии, тяготевшей до этого к латинской специфике.

Восприняв хафизовский тип поэзии, ассоциируя себя с героями Низами, Навои и Фирдоуси, Гёте под восточной маской продолжал разрабатывать важнейшие философские вопросы бытия, воспринимая глубокую древность в первоначальных героических эпохах Востока, великий немецкий поэт находил материал для изображения разрушительных и созидательных сил истории, проникаясь духом утончённой восточной мистики, он развивал способность понимания мироздания как эманации божества, и подходил к высшим ступеням

сверхчувственного познания, в котором индивидуальное поглощается всеобщим. Таким образом, внешне яркая и экзотическая атмосфера «Западно-восточного дивана» стала для Гёте не только поводом к путешествию в мир, отличающийся от европейского, но и гениальным инструментом синтеза разнородных культур, обладающих общими древнейшими корнями, способом накопления и соединения вечной мудрости, зародившейся в лучших умах цивилизаций Востока и Запада.

ХАЛЫК ЖЫРЫ КүңЕЛГә ХУШ КИЛЕРГә ТИЕШ

Шәкүрова М.М.

Казан федераль университеты

Mshakurova@inbox.ru

Нәкъ моннан 101 ел элек 1910 елның 15 нче апрелендә Казанда "Шәрыкъ клубы"нда Г.Тукай үзенең "Халык әдәбияты" дигән лекциясен укый. Шушы елны ул "Халык әдәбияты"н аерым китап итеп бастыра. Кечкенәдән җырларга яраткан, хислел, моңлы шагыйрь күңелендә йөрткән халык җырлары, аларның тарихы, халык әдәбияты турында бик кызыклы материал урнаштыра. "Нәрсә соң ул халык әдәбияты?" дигән сорауга болай дип җавап бирә: *"Халык әдәбияты, халык шигырьләре дип иңшә итүчә шагыйрә беләнмәгән яки уйлап чыгаручысы вә әүвәл кем тарафыннан сөйләнгәнлегә мәгълүм булмаган хикәя вә масалларга әйтеләдер"* (189 б.).

Г.Тукай үзе ишеткән халык җырларынан "Тәфкилев", "Ашказар", "Сак-Сок", "Касимский", "Ибырай", "Жизнәкәй", "Башмак" көйләренә тарихын бик тәфсилле итеп, гади итеп сөйләп бирә. Сөйләм теленә, белгәнәбезчә, кыскалык һәм фикерне төгәл итеп бирү хас. Телә бик үтәмлә, бай, мәкаль-әйтәмнәр (*Уеннан уймак чыгара; Җырынның җырттыгы юк; Эт симерсә, иясен тешлә; Керпә үз баласын йомшагым һәм аю үз баласын аппагым дип әйтә, ди (соңгысы гарәп халык мәкале*)), фразеологик әйтәлмәләрдән (*колаклар тору, салкын кан белән тыңлау, аркаларга кан йөгөрү һ.б.*) оста файдалана, кушма жөмлөләр белән күбрәк эш итә яки аерымланган рәвеш хәллә гади жөмлөләр куллана (*Кызлар төрлечә көйләр чыгарып карыйлар, ләкин берсә дә түрә кызының күңеленә ошамыйлар (188 б.); Бу җырчы кызлардан бернәрсә дә чыкмагач, түрә кызы, бертөрлә рух вә илһам белән рухланып, хәзерге "Ашказар" көен җырлап җибәрә (188 б.) һ.б.*).

"Халык әдәбияты"ның төп лексикасын төрки-татар чыгышлы сүзләр тәшкил итә, шулай да алынмалар да бар, аларның күбесе гарәп чыгышлы сүзләр (*халык, әүвәл, мәсьәлә, вакыт, хәтер, гәҗҗәеп һ.б.*), икенче урында - рус сүзләре (*сумала, келәт, гәзитә, мужик, сука, гармун, гүләйт һ.б.*), аннары - фарсы (*өмет, хуш, һәм, дустанә, палас һ.б.*), шулай ук латин (*оригиналь, форма*), грек (*оркестр*), француз (*пьеса*), итальян (*мандолина*) һәм төрек (*әфәнде*) сүзләре. Аерым бер сүзләренә

фонетик тышчасына игътибар итү зарури: *бабаларымыз* (бабаларыбыз), *үземезнеке* (үзезнеке), *уқыдыгым* (уқыдым), *уңгайлап* (уңайлап), *яңлышу* (ялгышу). Болар - искергән (архаиклашкан) формалар, хәзерге татар әдәби телендә алар актив түгел. Диалекталь сүзләр дә очрый: *аты шапырма тиргә баткан* (шабыр тиргә бату), *дөнъяда язу сәнгате булмаган чактук* (чакта ук), *жыру*, бер кадак *симәнкә*, кирәк *дия* сүзне бетердем һ.б.

Г.Тукай төгөл итеп халык җырларына да билгеләмә бирә: *"Халык җырлары - безнең бабаларымыз тарафыннан калдырылган иң кадерле вә иң бәһале бер мирастыр"* (192 б.). Биредә *"Халык җыры нәрсә ул? Ул нинди булырга тиеш?"* дигән сорауларга да җавап табып була:

- 1) халык җыры күнелгә хуш килергә тиеш;
- 2) аның үз көе, үз везене (шигырь үлчәве, ритмы) була;
- 3) аны салкын кан белән тыңлап булмый, ул дулкынландыра, хислөндәрә;
- 4) халык җырларында хис, мөгънә була;
- 5) халык җырларын тыңлаганда, аркаларга кан йөгерергә тиеш (хис кешегә шул дәрәҗәдә тәэсир итә!);
- 5) халык җырларының беренче ике юлында юк кына сүзләр әйтелә, аннары соңгы икесендә *мөгънәле*, *көтеп алынган сүз* кулланыла;
- 6) халык җырлары жәүһәр вә якутлардан да кыйммәтле булганга, аларга әһәмият бирергә, аларны югалтмаска кирәк;
- 7) *"...халык җырлары - халкымыз күнеленең һич тә тутыкмас вә күгөрмәс саф вә рәушан көзгеседер"* (192 б.);
- 8) халык җырлары - *"сихерле көзгә"*, *"...сихерле көзгедән каралса, ягъни халык җырларын дикъкать белән укылса, халыкның күнелендә нәрсәләр сакланганын барчасын күреп буладыр"*(194 б.);
- 9) җыр чын-чын халык халәте рухиясен күрсәтә; алар чын үзезнеке булырга тиеш;
- 10) халык үз хиссиятен үзе майданга чыгара (җыр-бәетләр, кара-каршы җырлашулар һ.б.), җырлый бирә. Халык җырлары (житешсезлекләре белән) безгә сөекле булырга тиеш;
- 11) *"Халык җырлары безнең киләчәктә майданга киләчәк әдәбиятымызга, бер дә шөбһәсез, нигез булачактыр"* (195 б.).

Җыр халык рухынча язылырга тиеш. Г.Тукай *"рух"* сүзен күп мәртәбәләр кабатлый: *рух вә илһам* (188 б.), *рухлану* (188 б.), *халык халәте рухиясе* (192 б.) һ.б. Чын халык рухын бары тик халык җырында гына табып була, ди ул. Шагыйрь һәр халыкның үз моңы, үз көе булуын да ассызыклай: *"...һәрбер кош үз тавышы белән ләззәтләнә"* (195 б.). *"Безнең бер көйне руслар арасында бик яхшы тавышлы саналган бер*

кешедән жырлатсаң, әллә ничек, шуның безнең күңелгә охшарына (ошау - Ш.М.) күңел ышанмый. Көөмезнең алтынын кояр шикелле тоела", - ди Г.Тукай (202 б.). Бу гына да түгел, халык жырын рус теленә тәржемә дә итеп күрсәтә:

*Калфагым бар, шәлем юк, У меня колпак есть, но нет шали,
Шәл алдырмый хәлем юк; Необходимо мне купить шаль.
Синнән башка сөйгәнем юк, По мне нет любимой, кроме тебя,
Сине алмый хәлем юк. Необходимо мне жениться на тебе
(195 б.).*

Чыннан да тәржемәдә телнең бөтен нечкәлекләрен биреп бетереп булмый, ул коры. кытыршы чыга.

Г.Тукай халык жырларын башкару серләре белән дә уртаклаша: *калын тавыш белән, көчләнеп жырламаска кирәк, авызны бик зур ачып жырларга ярамый, тавышның йомшак булуы кирәк, берәз уен коралы авазына охшатып башкарырга, иреннәрне мөмкин кадәр аз ачарга кирәк (каты кәгазь сыярлык кына итеп)*. Әлеге лекция бай, фәнни, шул ук вакытта халыкчан булуы белән аерылып тора. Шагыйрьнең "жыр яратуым аркасында туган телгә сөю туды" дигән фикерләре белән бик килешәсе килә. Бүген бигрәк тә халык жырларын ишетәсе, әби-бабайларыбызның, үзәбез яшь чакта жырлаганнарны (туйларда, егетләрнең сөрәнәндә, кич белән наза уеннарында) тыңлыйсы, бик тә жырлайсы килә. Дөрестән дә, халык телен, халык рухын, халык моңын жырда табып була шул.

**СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЗЛИТЬСЯ»,
«НЕНАВИДЕТЬ».**

Шарифуллина А. Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

safia4@mail.ru

Глаголы ненависти и злости являются одной из подгрупп глаголов, выражающих эмоциональное состояние человека. Некоторые языковеды рассматривают их в подгруппе глаголов, выражающих недовольство.

В татарском языке данную подгруппу представляют следующие глаголы: *ачулану, дулау, зәһәрләнү, җәнләнү, җирәнү, кабыну, кабару, кабарыну, кайнау, котырыну, кызу, күрәлмау, нәфрәтләнү, тузыну, усаллану, шашу, шашыну, ярсу, ярсыну, ярсулану*. Следует отметить, что лишь глаголы *ачулану, җәнләнү, күрәлмау, нәфрәтләнү, усаллану, ярсу, ярсыну, ярсулану* передают глагольную сему "ненавидеть", "злиться" и т.п. в своем прямом значении.

Основную лексику эмоциональных глаголов татарского языка составляют глаголы, рассматриваемая сема которых является в их значении вторичной. Однако изначально они входят в состав глаголов, обозначающих: движение: *тузыну* – "бегать взад-вперед"; действие: *дулау* – "бушевать (о ветре, буре)", *кабарыну* – "хохлиться, распушаться", *шашыну* – "проявлять неистовство, распоясываться"; процесс: *зәһәрләнү* – "отравляться", *кабыну* – "загораться, зажигаться", *кабару* – "появляться, опухать", *кайнау* – "кипеть", *кызу* – "накаливаться"; отношение: *котырыну* – "поддаваться провакации"; умственную деятельность: *шашу* – "сойти с ума"; физиологическое состояние: *җирәнү* – "брезгать".

Кроме вышеприведенных глаголов, сему "ненавидеть", "злиться" представляют следующие составные глаголы: *ачу кабару, ачу килү, дошман күрү, дошман тоту, җәнләнен китү, ташып чыгу, шартлар хәлгә җитү, шартлыз язү, ярсып китү*.

Среди английских глаголов со значением «злиться», «ненавидеть» были отмечены следующие: *abhor, abominate, contemn, despise, detest, disdain, disgust, dislike, execrate, fume, hate, loathe, nauseate, rage, revolt, storm, scorn*. Причем лишь в четырех глаголах из данного перечня рассматриваемая сема является вторичной, это глаголы *fume, nauseate, storm* и *revolt*. Глаголы *fume, storm* и *revolt* первоначально представляют группу глаголов действия, отражая следующие значения: *fume* - *курить*;

storm - бушевать; *revolt* - восставать. Глагол *nauseate* с основным значением «чувствовать тошноту» относится к глаголам физиологического состояния. Ряд английских глаголов со значением «ненавидеть», «злиться» пополняется за счет так называемых фразовых глаголов, т.е. комбинацией глаголов с предлогами: *blaze up, bristle up, fly out, fire up, flame up, flare up, pitch into*.

В результате сопоставления двух разноструктурных языков выявляются особенности семантической природы глаголов. В татарском языке их многозначность проявляется в рамках лексических единиц, в то время как полисемия английских глаголов, главным образом, выражается путем их сочетания с предлогами.

Литература

1. Жукова Е. Ф. Эмоциональные глаголы английского языка: дис. канд. филол. наук./ Е.Ф.Жукова. - СПб: 1993, 159 с.
2. Иштанова Р.К. Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: дис. канд. филол. наук / Р.К.Иштанова. - Казань: 2002, 209 с.
3. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 т. [= Толковый словарь татарского языка: в 3 т.] / СССР ФА КФ Г.Ибрагимов исемдәге ТЭТИ; Казан: Татар.китап нәшр, 1979.- 728 б.
4. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S.Hornby. - Oxford: Oxford University Press. - 2000, 1541 pp.

ВОЕННЫЕ ДОСПЕХИ КАЗАХОВ И ИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОСОВ)

Шахметова Н. А.

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова

n.shakhmetova@mail.ru

Воинское снаряжение батыра – одно из семи сокровищ казахского народа. Победа воина-батыра определялась его конем и доспехами. Об этом свидетельствуют существующие в языке пословицы «Ер қанаты – ат, ер қуаты – қаруы» («Крылья джигита – конь, сила джигита – доспехи»), «Ақ білектің күшімен, ақ найзаның ұшымен» (букв. «острием копья, мощью рук»).

В настоящее время в гуманитарной науке существуют различные подходы к рассмотрению вопроса о вооружении воина-батыра. Это является показателем недостаточной изученности данной проблемы.

Первые этнографические сведения о традиционном вооружении казахов даны в трудах ученых XVIII-XIX веков Т. В. Аткинсона, П. С. Палласа, Дж. Кэстля, И. А. Левшина, В. В. Радлова и др. В них характеризуются виды оружия ближнего и дистанционного боев. Позднее тематика военного искусства казахов находит свое продолжение в трудах А. Маргулана, Т. К. Алланиязова, А. К. Кушкумбаева; А. Кайдар, С. Каскабасова, К. С. Ахметжанова и других ученых.

Справедливости ради следует отметить, что комплексным подходом к изучению вопроса о вооружении казахов отличаются труды Ч. Валиханова [1, с.463-468; 2, с. 220-222]. В исследовании ученого «Вооружение киргизов в древние времена и их военные доспехи» описываются виды холодных и огнестрельных оружия, технология их изготовления; обычаи и традиции, связанные с вооружением казахов.

Военные доспехи казахов – этнокультурный феномен. Изучение их особенностей в контексте национальной культуры определяет актуальность темы настоящей работы.

В народе говорят: «Ер қаруы – бес қару» («Оружие джигита – пять видов оружия»). Это: лук (садақ), сабля (қылыш), копье (найза), секира (айбалта) и дубина (шоқпар). Наличие именно этих видов оружия обуславливается тем, что каждый из них выполняет определенную функцию, следовательно, невозможна замена одного вида другим. На

материале героических эпосов попытаемся выявить уникальности некоторых видов воинского снаряжения.

Важнейшим оружием дистанционного боя были лук (садақ) и стрела (оқ).

В Словаре тюркизмов под редакцией А. Н. Кононова даны слова *саадақ, сагадақ, сагайдақ, сайдақ* – (тат.) налучник, чехол на лук; лук с налучником и колчан со стрелами (В. И. Даль); полный прибор вооружения луком и стрелами; лук с налучьем и стрелы с колчаном; чехол для лук и стрел (И. И. Срезневский); в XV веке заимствовано с татарского языка – *сагайдақ* (И. И. Огиенко); *сағҗдақ* (тат.) – колчан, *садақ* (чул.) – лук для стрельбы, *садақ* (каз.) – лук со всеми принадлежностями, *саадақ* (кирг.) – колчан, *сааль* (монг.) – лук-самострел (В. В. Радлов) [3, с. 267].

Лук изготовлялся из березы, клена и сосны. Поэтому в фольклорных материалах мы встречаем выражения *қайың садақ* («березовый лук»), *қарағай садақ* («сосновый лук») и *үйеңкі садақ* («кленовый лук»). Он состоял из нескольких основных частей: середина лука – рукоять (кіріс), согнутые (рефлексирующие) части между рукоятью и концами – плечи лука (иін) и два конца. Концы лука обматывались специально выделанной, недубленой прочной кожей (қайыс – применялся для упряжки и седлания лошадей). Об этом свидетельствует словосочетание *былғары садақ* («кожаный лук»), встречающееся в героическом эпосе «Кобыланды батыр»: *Былғары садақ, бұқар жай, / Тартылар майдан күн бүгін* (с. 106). Размеры лука варьировались в пределах семидесяти-ста двадцати сантиметров. В качестве тетивы для лука (адырна) использовались тонко сплетенные конские волосы. Тетива лука состояла из пяти частей: середина тетивы – букв. поясница (белі), согнутые части – плечи (иін) и два конца – букв. голова (басы). В нерабочем положении лука тетиву оставляли свободной, ненатянутой. С целью предохранения от различных погодных условий луки хранились в специальных кожаных налучниках, которые имели общее название – садақ (*беліне садақ ілінді, садақ байланды*). В героических эпосах мы встречаем различные виды лука – *жай, жақ, керіс, саржа* (бұхаржа): *Атуға мерген жақты алды, / Қашуға жаулар бет алды* (Кобыланды батыр, с. 143); *Алты атқа алған адырна, / Он атқа алған бұхаржа / Ата алмасам, маған серт! / Шым жібектен ескен керісі / Үзіліп кетсең, саған серт!* (Ер Косай, с. 14). Так, например, саржа, по описаниям В. В. Радлова, – вид лука, укрепленный костяными накладками, перекрашенными в желтый цвет [4, с. 339]. В данном случае желтый цвет выражает особенность технологии изготовления этого вида лука.

Стрела (оқ) состояла из четырех основных частей: наконечник (жебе), древко (сабы), оперенье (қанаты) и пятки (табаны), с помощью которой стрела крепилась на тетиве лука. По материалу изготовления наконечники подразделялись на железные (*темір*) и роговые (*мүйізді*). Среди них выделяли также двухгранный – для охоты, четырехгранный (*сауыт бұзар*) – для пробития панциря и *қозы жауырын* (в форме лопатки ягненка) – для того, чтобы сбивать с седла. Четырехгранный наконечник имел ромбовидную форму, относился к классу бронебойных стрел. *Қозы жауырын* – разновидность ромбовидных наконечников, по форме она напоминала лопатку ягненка. В языковом материале находим: *Қолына алып толғанып, / Қозы жауырын жебені, / Ат үстінен шіреніп, / Сонда тұрып тартады* (Кобыланды батыр, с. 8); *Қозы жауырын көк жебе / Алтыннан ойған алпыс кез / Тартатұғын шақ болды, / Жан-жағыма жау болды* (Ер Таргын, с. 32). Древко стрелы изготовлялось из березового дерева и веток тополя, ивы. Стрелы с металлическими черенковыми наконечниками имели внизу на древке узоры в виде красных полос, которые наносились спиралью. Концы узоров заканчивались широкой черной полосой. В описанном виде оружия красный цвет выражает статус воина-батыра, а черный цвет – силу и мощь батыра.

В героических эпосах мы встречаем сочетания слов «белое копьё» (ақ найза), «красное копьё» (қызыл найза), «белый меч» (ақ семсер), «белый доспех» (ақ сауыт), «крепкая пика» (көк сүңгі). Приведем примеры: *Үзеңгісін шіреніп, / Ақ найзасын сүйеніп, / Тұмсығын тығып тұлпардың, / Есігінде тұрады* (Кобыланды батыр, с. 78); *Саймандарын сайланып, / Алтыннан кемер байланып, / Абжыландай толғанып, / Қызыл найза қолға алып...* (Алпамыс батыр, с. 167); *Көтеріп салған көк сүңгі / Тіріде қанға тоймады* (Ер Таргын, с. 34). Цветовая окраска оружия указывала прежде всего на технологию изготовления, металл, применяемый в качестве материала, статус воина-батыра и, безусловно, символизировали силу и мощь батыра.

Как видно, структура описанных нами видов оружия представляет собой антропоморфную модель происхождения мира. Названия составных частей оружия обозначают органы человеческого организма, например, середина тетивы – букв. поясница (белі), согнутые части – плечи (ийн) и два конца – букв. голова (басы). Соответственно, военные доспехи воина-батыра имеют огромную мифологическую значимость.

Далее остановимся на обычаях и традициях, связанных с вооружением казахов.

До середины XIX века в состав калыма и приданого входили

некоторые виды оружия, в частности, лук (садак), кольчуга (сауыт) и щит (қалқан) [5, с. 304].

В истории казахского народа известен обычай владения оружием (*қаруды иемдену салты*). С раннего детства (в основном с шести-семи лет) ребенка обучали военному искусству. Для того чтобы добиться меткой стрельбы, большой дальности полета стрелы, необходимо было знать технику стрельбы. При стрельбе лук в основном держался в вертикальном положении в левой руке. Особо важное значение придавалось наклону лука. При стрельбе на большое расстояние лук держался в высокоподнятом положении. Одним из решающих факторов, обеспечивающих успешное применение лука, были погодные условия. Во время метания стрелы вставляли в такую позицию, чтобы полету стрелы сопутствовало движение ветра. Это было одним из решающих моментов точной и правильной стрельбы. Успешное попадание и дальность полета стрелы зависели и от других условий: гибкости, упругости лука, способа надевания тетивы на кибыть лука, качества тетивы, положения рук на кибити (хват) и тетиве (захват), наконец, опыта и мастерства обучающегося. Большой маневренности требовала стрельба с коня. Здесь немаловажное значение имели стремена седла. Для казахской манеры посадки в седле были характерны короткие стремена. Чаще всего наездник укорачивал одно стремя (левое или правое - в зависимости от индивидуальных особенностей), что давало ему способность маневрировать при езде и тем самым облегчало стрельбу из лука. Секреты стрельбы из лука передавались из поколения в поколение. Эту мысль можно подтвердить словами исследователя А. И. Уланова: «Герой получает оружие сначала «детское» - от родителей, затем «взрослое» - от отца и, наконец, - «от небожителя» [6, с. 80]. Эта точка зрения находит свое продолжение в работе С. А. Плетневой «От кочевий к городам»: «Многие сказки кочевых народов начинаются с того ответственного в жизни героя момента, когда он просит у отца дать ему имя, оружие и коня. В эпосе и сказках герою в это время может быть даже три года, но этнографические данные свидетельствуют, что мальчик впервые садился на коня примерно в шесть-семь лет. У огузов мальчик получал имя и коня в пятнадцать лет. Этот обычай, несомненно, является отголоском древнего обычая инициаций, существовавших на определенной ступени общественного развития у всех народов мира» [7, с. 78].

Подробное описание обряда «перешагивания через меч» («қылыштан аттату») мы находим в киргизском эпосе «Манас»: перед смертью Манас завещает жене, чтобы она подготовила сына Семетея к роли мстителя за

гибель его лучших чоро. Чтобы избежать козней родни – шести сводных братьев Манаса, жена должна увести ребенка к своему отцу в Бухару, вовремя исполнить обряд посвящения в воины – «перепрыгивание через булат»; в двенадцать лет надеть на него кольчугу, выбрав «священный» день, и открыть ему тайну его происхождения.

В героических эпосах оружие так или иначе предвещает о смерти. Предвестниками смерти могут быть: 1) букв. распоротая кольчуга воина-батыра («сөгілген сауыт»); 2) оружие, которое хранится дома; 3) сон родных и близких. Согласно мифологическим воззрениям, между человеком и его одеждой сохраняется магическая связь. Поэтому все случившееся с одеждой отражается и на самом человеке. В эпосе «Кобыланды батыр» сестра Карлыгаш видит во сне брата и поймет, что он попал в беду: *Адыра қалғыр айбалта / Тасқа тиді, кетілді, / Қайран ем тағы жетілді*. Сточенный топор предвещает о смерти батыра.

С воинским снаряжением батыра связан также обряд, называемый «қару-жарақты сындыру» (букв. ломать оружие). Он совершается после смерти воина. После смерти батыра все его доспехи развешивались по дому. Слева от дома укрепляли длинное копьё. Наконечник копья завязывали платком: красным – если погиб молодой воин, черным – среднего возраста и белым – пожилого возраста. По цвету платка люди догадывались о возрасте погибшего. В похоронном процессе устраивали скачки. После скачок собирали все снаряжения воина, а копьё с платком (в зависимости от возраста) на наконечнике ломали.

В некоторых этнографических материалах даются сведения о том, что батыра хоронили вместе с его доспехами. На их могилах можно было найти копьё с конским хвостом на наконечнике, лук, меч и другие снаряжения. Мотив этот восходит к анимистическому представлению человека: его душа может находиться не только в теле, но и в одежде, оружии и в других вещах. Поэтому после смерти батыра совершался обряд «қаруды сындыру» или же его снаряжения хоронились вместе с ним.

Таким образом, в настоящей работе мы попытались рассмотреть вопрос о вооружении казахов в аспекте «язык и культура». Воинские снаряжения являются элементом национальной культуры. Они являются достаточно достоверными сведениями об истории национальных обычаев и традиций, о религиозных, мифологических представлениях того или иного народа. В структурном отношении части оружия, на наш взгляд, представлены «анатомическими кодами», обозначающими органы человеческого организма. Соответственно, структура оружия представляет собой антропоморфную модель происхождения мира. В

центре мироздания - человек.

Комплексное изучение вопроса о вооружении казахов позволило определить этнокультурный потенциал военных доспехов батыра.

Литература

1. 1 Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собр. соч. в 5-и томах. - Т. 1. - А.-А.: Изд-во АН Каз ССР, 1961. - С.463-468.
2. 2 Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII века // Собр. соч. в 5-и томах. - Т. 1. - А.-А.: Изд-во АН Каз ССР, 1961. - С. 220-222.
3. 3 Словарь тюркизмов в русском языке / Сост. Е. Н. Шипова. - А.-А.: Наука Каз. ССР, 1976. - 444 с.
4. 4 Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника / Пер. с нем. К. Д. Цивиной и В. Е. Чистовой. - М.: Наука, 1989. - 749 с.
5. 5 Казахи: историко-этнографическое исследование. - Алматы: Казахстан, 1995. - 352 с.
6. 6 Уланов А. И. Бурятский героический эпос. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд., 1963. - 220 с.
7. 7 Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. - М.: Наука, 1967. - 198 с.

**В.В. РАДЛОВ - ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАЗАНСКОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

Юсупов Ф.Ю.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ferits@yandex.ru

В шестидесятые годы XIX в. начинается научно-исследовательская деятельность всемирно известного тюрколога Василия Васильевича Радлова. Несмотря, что каждый их таких как Н.Ф. Катанов, И.Н. Березин, О.Н. Бётлингк, Н.И. Ашмарин и др. внес ощутимый вклад в дело становления и развития русской тюркологии, эпоха, в которой протекала их научная деятельность, была названа радловской эпохой в истории мировой тюркологии.

В.В. Радлов в течение своей шестидесятилетней научной деятельности охватил все области тюркологии: диалектологию, лексикографию и лексикологию, сравнительную и историческую фонетику и издание тюркской письменности на руническом, уйгурском, арабском алфавитах, тюркский фольклор, этнографию, историю, археологию[1].

В.В. Радлов родился в 1837 г. в Берлине. После окончания гимназии в 1854 г. поступил на философский факультет Берлинского университета. Постепенно у Радлова складывается твердое решение посвятить себя изучению языков, истории и культуры народов тюркского Востока.

Приехав летом 1858 г. в Петербург с рекомендательным письмом Шотта, Радлов ищет возможности непосредственного общения с носителями тюркских языков. П.К. Мейендорф, бывший посол России в Берлине, предлагает ему место учителя немецкого и латинского языков в Барнаульском горном училище.

Всего за период своего пребывания на Алтае Радлов совершил десять ежегодных поездок к алтайцам, телеутам, шорцам, кумандинцам, тувинцам, казахам, киргизам, абаканским татарам (хакасам), западно-сибирским татарам, китайцам. Кроме того, с 1866 г. он начал публиковать результаты своих исследований. В этом же году вышел первый том его знаменитого труда «Образцы народной литературы тюркских племен...», второй том вышел в 1868 г., а третий — в 1878 г. IV том «Образцов...» вбирает в себя 121 произведений устного народного творчества, записанное непосредственно в местах проживания

сибирских татар. Впервые им отмечено бытование среди сибирских татар дастанов и близких к ним лиро-эпоса - баитов[2]. Так же В.В. Радлову удается записать один из многочисленных вариантов дастана «Идегей», общих для многих тюркских языков, в котором дается яркое представление об исторических личностях Золотой Орды конца XIV - начала XV века: Идегее, Тамерлана, Токтомыше. Многие тюркские народы благодарны Радлову в том, что именно благодаря записям, сделанным им в то время стали известны уникальные образцы древнетюркского эпоса « Ак күбек», «Межек Алып», «Йертөшлек» и др.

Фольклористами Татарстана в 1967-1974 гг. были предприняты ряд специальных экспедиций в те аулы и селения, где в свое время В.В. Радлов осуществил записи произведений. К сожалению, через сто лет ни одно из произведений записанное гениальным исследователем не соранилось даже в вариантах, в самом лучшем случае, лишь незначительные отрывки из них, и они не являются идентичными с вариантами, зафиксированные В.В. Радловым. Тем не менее, как отмечает известный татарский фольклорист Ф.В. Ахметова-Урманче, образцы устного народного творчества, опубликованные в IV томе «Образцов...» дают ценнейший материал не только для изучения развития и угасания фольклора, но и для изучения быта, языка, культуры сибирских татар.

К концу алтайского периода для В.В. Радлова наступила пора синтеза накопленного материала. Многочисленные и разнообразные материалы, собранные им во время почти двадцатилетнего пребывания на Алтае, позднее были систематизированы и изданы.

В 1871 году В.В. Радлов получил приглашение занять место инспектора татарских, башкирских, киргизских мусульманских школ. С 1872 по 1879гг. В.В. Радлов подготовил и издал в Казани три отвечающих требованию своего времени учебника для таких школ.

«Билик» («Знание»), первое пособие, составленное для младших школьников, вышло в типографии Казанского университета в 1872 г. Известный татарский поэт Габдулла Тукай при составлении пособия «Уроки национальной литературы в школах» (Казань, 1910) широко использовал положительный опыт В.В. Радлова по составлению учебных пособий для национальных школ. Вторая книга В.В. Радлова «Хисаблык» представляет собой курс арифметики, третья - «Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России».

Казанская Татарская учительская школа с 1876 по 1917 гг., за 41 год своего существования, подготовила более 600 учителей русского языка. Ее выпускники успешно трудились во многих отраслях народного

хозяйства Казанской губернии и Татарской автономной республики. Среди них известные профессора Музаффар Муштари, Хамит Муштари, Гилем Камай, Фатих Мухаммадияров, известный татарский языковед Мухутдин Курбангадиев, Мухаметхан Фазлуллин, Гыйбад Алпаров, Гаяз Исхаки, классик татарской литературы, Гафур Кулахметов, первый татарский пролетарский писатель, Хусаин Ямашев и др.

В Казани В.В. Радлов увлекается общей лингвистикой. Именно в эти годы в Казанском университете преподавал и руководил теоретическим кружком языковедов выдающийся И.А. Бодуэн де Куртенэ. Активным участником этого кружка был и В.В. Радлов, что сыграло важную роль в его дальнейшей деятельности.

Первые обобщающие работы по ранее собранному материалу были написаны им именно в казанский период. Наличие в распоряжении В.В. Радлова огромного фактического материала почти по всем тюркским языкам позволило ему перейти к синтетическому обобщению своих наблюдений над фонетическим, грамматическим строем тюркских языков.

Под большим влиянием казанских лингвистов был написан знаменитый труд В.В. Радлова, опубликованный в Лейпциге на немецком языке «Фонетика северных тюркских наречий» (Ч. I. Лейпциг, 1982), а в следующем году вышла вторая часть.

Если в «Фонетике северных тюркских наречий» нет даже намека на понятие фонемы, то в работе «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen» В.В. Радлов подошел очень близко к пониманию фонемы.

В Казанский период была написана В.В. Радловым работа «О языке куманов...» В ней рассматриваются основные вопросы фонетики кипчакского языка по памятнику «Codex Cumanicus». Она явилась первым начинанием ученого в исследовании древних письменных памятников тюркоязычных народов. В дальнейшем язык этих памятников станет одним из основных предметов его научных изысканий. В результате исследований он приходит к заключению, что этот язык ближе всего к волжским наречиям, в особенности к наречию мишарей.

Последней работой казанского периода В.В. Радлова принято считать «Aus Sibirien. Значительное место в «Aus Sibirien» и других трудах В.В. Радлова отведено этногенетическим процессам, относящимся к сложению тюркоязычных народов Южной Сибири.

В конце 1884 года он получил приглашение баллотироваться в академики Императорской Академии наук. 7 ноября 1884 г. В.В. Радлов

был избран ординарным академиком Императорской Академии наук по части истории и древностей азиатских народов.

В Петербурге В.В. Радлов продолжает работу по составлению словаря тюркских языков. «В нем были использован материал примерно сорока тюркских языков и наречий, а также богатый материал древних письменных памятников.

1891 г. Российская Академия наук отправляет на Орхон экспедицию под руководством академика В.В. Радлова. Результаты русской экспедиции дали возможность ученым всего мира попытаться расшифровать эти таинственные надписи. В.В. Радлов подчеркивал наличие значительного расхождения между енисейским и орхонским алфавитами и, делал вывод о параллельном и независимом друг от друга развитии названных алфавитов.

После дешифровки и перевода основных памятников рунической письменности В.В. Радлов подводит итог этой трудоемкой работы изданием завершающей книги «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge» (СПб., 1897), в которой содержатся краткое изложение фонетики, морфологии, синтаксиса, текст в русской академической транскрипции, перевод и словарь.

Пионером уйгуристики В.В. Радлов стал еще будучи инспектором школ Казанского учебного округа, ознакомившись с памятником уйгурской письменности - сочинение Юсуфа Баласагунского «Кутадку билик» («Кутадгу билиг»). в 1890 г. начинает издавать «Кутадгу билиг», в 1891 выходит его 2-ое издание.

В.В. Радлов скончался 12 мая 1918 года и был похоронен на лютеранской части Смоленского кладбища.

Литература

1. Кононов. Там же.
2. Эхмэтова-Урманче Ф.В. Татар дастаны. Казан: Раннур, 2002. 211-212; Сайфуллина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы тюменского региона. Тюмень: Виктор Бук, 2007. С.17.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СОЮЗОВ В ЯЗЫКЕ ТАТАРСКИХ СУФИЙСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Юсупов А.Ф.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

faikovich@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-14-16005а

Язык суфийских произведений основывается на письменных традициях литературного языка, который подвергся сильному влиянию старокнижных литературных традиций и является их продолжением. В глубь веков уходила традиция сознательно оснащать тюркский письменно-литературный язык и особенно его поэтическую разновидность большим количеством инородных не только лексических единиц, но и грамматических элементов, тем самым, культивируя наддиалектный характер письменно-литературного языка, прежде всего языка поэзии [1: 99]. Эта особенность характерна и языку поэтов-суфиев: язык Умми Камала, Кул Шарифа, Маули Колыя, А.Каргали, Х.Салихова, Ш.Заки и др. отличается разнообразием морфологических средств, использованных в целях стилистической дифференциации. В нем прослеживается параллельное употребление кипчакско-огузских и арабо-персидских грамматических элементов, взаимодействие которых становится основой для возникновения структурно-функциональной вариативности нормы. Возьмем, к примеру, стилистическую вариативность тюрко-татарских и арабо-персидских союзов.

Союзы, которые встречаются в текстах суфийских произведений, разнообразны по семантике и происхождению. По происхождению их можно разделить на три группы: 1) тюркские, 2) персидские, 3) арабские.

Персидские союзы в структурном отношении делятся на:

простые: *ki* «что, чтобы», *çön* «так как, ибо, потому что», *ägär (gär)* «если», *hät* «и, да» в значении «и», *wäli* «но однако»;

сложные: *çönki* «так как, ибо, потому что» (состоит из союзов *çön* + *ki*), *bälki* «а, но, однако» (состоит из противительного союза *bäl* (но, а) + *ki*), *ägärçä (gärçä)* «хотя, хотя и», который образуется от союза *ägär (gär)* «если» с прибавлением местоимения *çe* «что».

По семантике они выражают различные отношения:

присоединительные, противительные, разделительные, причинные, условные, уступительные, изъяснительные и др.

Арабские союзы используются в качестве синтетических средств для связи членов предложения и компонентов сложного предложения. Их можно разделить на:

простые: *wä* «и», *fa* «и», *bäs* «однако», *illä* «если не, кроме», *jäyüni* «то есть»;

составные: *wä läkin* «но однако» (соединительный союз *wä* «и» + противительный союз *läkin* «но, однако»), *wä illä* «а если нет» (соединительный союз *wä* «и» + частица исключения *illä* «если не, кроме»).

Как и союзы тюрко-татарского и персидского происхождения, заимствованные арабские союзы выражают *соединительные, противительные, уточнительные, изъяснительные, условные* и др. семантические отношения.

Из соединительных союзов в суфийских произведениях используется персидский союз *häm* «и, да» в значении «и», арабские союзы *wä* «и», *fa* «и». Союз *häm* «и, да» в значении «и» употребляется в следующих функциях:

1. Для связи однородных членов предложения: *älem häm ajaıym bayly* [4: 104] «руки и ноги связаны мои».

2. Для выражения последовательности явлений: *ostaıa oıtaıa ulur pör bal, häm tämuı udyna qalqan – täübä qyl* [5: 78] «чтобы дойти до рая нужна чистая душа, и от адского огня – раскаяние».

3. В отдельных случаях наблюдается употребление данного союза вместо татарской частицы *-da / -dä*: *can äzäldä ber-berene sümäsä, dönjada häm ber-beren säwešmäde* [4: 100] «если души не полюбят в вечности друг друга, (значит) и не любили они друг друга и в миру».

В языке суфийских произведений арабский союз *wä* «и» является грамматическим синонимом персидского союза *häm* и употребляется в соединительном значении для связи однородных членов предложения: *yäm ilä kiçeräm jaz wä közemdän* [4: 91] «со скорбью проведу весну, и осень я».

Иногда союз *wä* повторяется, то есть употребляется в редуцированной форме, передавая усилительный оттенок. В таких случаях данный союз используется в значении татарской усилительной частицы *-da / -dä*: *anıı qasdy imanında wä canında wä qanında* [4: 81] «его скверна и в твоей вере, и в твоей душе, и в крови».

Союз *fa* «и» в арабском языке считается соединительным союзом [2: 396]. Он указывает на последовательную связь двух предложений: *fa*

šökru niymäti allahi, - dide haq [4: 125] «и будьте довольны божьей благодатью, - сказал бог».

Из противительных союзов используются персидские заимствования *bälki* «а, но, однако», *wäli* «но однако» и союзы арабского происхождения *wä läkin* «но однако», *illä* «хотя, но», *wä illä* «иначе, а если нет», *bäs* «однако».

Персидские союзы *bälki* «а, но, однако» и *wäli* «но однако» выражают противопоставление одного предмета, явления или действия другому: *bälki dāywa ähleder - xar-zälil* [4: 116] «а истец - низкий человек», *äjü süz gārçä canlarya yazadyr, wäli küb süzlämäklekdä xätär war* [4: 108] «священное слово - пища для души, но однако много говорить опасно».

Союз *wä läkin* «но однако» противопоставляет одно явление, действие или предмет другому: *mö'minäm dijärsän, wä läkin tabnyrsän näfsenä* [4: 98] «говоришь, что ты верующий, но однако поклоняешься своей душе» и т.д.

Союз *wä illä* «иначе, а если нет» употребляется при альтернативном условии и отрицает предшествующее утвердительное условие [2: 427]. Например: *äsär kilde bāḡa göl quxusyndan, wä illä tufraḡam bän ta äzäldan* [4: 107] «опьянен я запахом цветка, иначе пребывал в земле я вечно».

В некоторых случаях, автор использует в функции противительного союза арабское слово *bäs* «однако»: *bäs qory dāywalara aldanmanyz* [4: 117] «однако, не доверяйте доводам пустым».

Подчинительные союзы персидского происхождения весьма активны. Они имеют широкий спектр значений:

Союз *čönki* «так как, ибо, потому что» употребляется для связи подчинительного предложения с главным и выражает причинно-следственные отношения: *aḡa dündem, aḡa, čönki räxmätdän säbil uldy bāḡa* [4: 106] «верю только ему, ибо ему я благодарен».

Кроме того, в языке суфийских произведений активно употребляется усеченный вариант данного союза *čön*: *bāḡa sän wirsäni bāndan bāni al, čön irmäk diläremsä jarasyndin* [5: 38] «если мне дадут тебя, то отними меня, ибо сердце мое отрывается от любви» и т.д.

Союзы *ägär* и его усеченный вариант *gär* «если» выражают зависимость главного предложения от условно-придаточного. Усеченный вариант данного союза активнее по сравнению с полным: *ägär bän didekeme dota belsäm* [4: 90] «если смогу следовать тому, о чем сказал», *gär axur oçmaḡana war ulyr häwäsen* [5: 12] «если твоим последним желанием будет рай».

Союзы *ägärçä* и *gärçä* «хотя, хотя и» употребляются для связи уступительных оборотов и придаточных с главными предложениями. Таким образом, они выражают действие, противоположное условному:

ägärçä sän mönäzzäh padišähsän, ki firaq sän bänem çuq azyndan [4: 90] «если ты невинный падишах, то ты не столь порочен, как я», gärçä sanursän ki, küñleñ közgeşe tonmady [4: 98] «хотя считаешь ты, что зеркало твоей души не потускнело».

Изъяснительный союз *ki* «что, чтобы» служит для присоединения различных придаточных предложений, помогая разъяснить суть действия, о котором идет речь в главном предложении: *kilde şul säyät ki, xäleme añub* [4: 117] «пришел тот час, когда (что) я понял свое состояние» и т.д.

Как отмечает Ф.Ю.Юсупов, изъяснительный союз *ki* всегда находится в составе главного предложения [3: 339]. Однако в языке произведений Ш.Заки нами зафиксированы случаи употребления данного союза в составе придаточного предложения: *äzalät äjlä bändan bu yamany, ki fareq idäm döneme köndezemdän* [4: 89] «освободи меня от этого горя, чтобы отличал я дни свои от ночей».

Из подчинительных союзов арабского происхождения в языке суфийских произведений употребляется союз *jäyüni* «то есть». Как известно, в арабском языке слово *jäyüni* по своей форме является глаголом настоящего времени III л., ед. ч., муж. рода и переводится как «означает». В татарском литературном языке данный арабский глагол лексикализовался, и, утратив собственное глагольное значение, превратился в изъяснительный союз «то есть». Союз *jäyüni* выражает уточнительное отношение между главными и второстепенными членами предложения, т.е. служит для разъяснения сути действия, явления и лиц: *bui canandan äsär kilde bänä, jäyüni ul ildän xäbär kilde bänä* [4: 82] «любимой почувствовал я дыхание, то есть из той страны пришла ко мне весть».

Таким образом, язык произведений суфийских авторов является классическим литературным языком, одним из вариантов старотатарского языка, с активным употреблением арабо-персидских грамматических элементов. Арабо-персидские союзы употребляются, в основном, в стилистических целях, что позволяет поэтам избежать многочисленных повторений одной и той же формы. Выявлено, что арабо-персидские союзы в суфийских текстах используются не только в значениях и функциях, характерных для арабского и персидского языков, но также переходят в другие части речи, т.е. наблюдается явление конверсии.

Литература

1. Благова Г.Ф. О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов / Г.Ф.Благова // Вопросы языкознания. - 1977. - № 3. - С. 86-100.
2. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б.М.Гранде. - М.: Изд-во вост. лит., 1963. - 594 с.
3. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. - М.: Наука, 1969. - 380 с.
4. Шәмсетдин Зәки шигырьләре / Төз. Зиннәтулла Мөхәммәтрәхими (на тат. языке и арабской графике). - Башкортстан Фәннәр академиясенәң Уфа тарих, тел һәм әдәбият институты гыйльми архивы, ф.3, т.63, б.47. - 178 б.
5. Татарстан Фәннәр академиясе Г.Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты архивында сакланган кулъязма нөсхә, ф.30, т.1, б. 338. - 38 б.

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В.В.РАДЛОВА В ОБЛАСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ

Юсупова З.Ф.

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

Usupova.Z.F@mail.ru

Казанский период жизни Василия Васильевича Радлова был заполнен педагогической и административной деятельностью. В конце 1872 года его назначают инспектором татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ Казанского учебного округа.

Казанский период известен также тем, что В.В. Радлов познакомился и тесно общался со многими известными учеными Казанского Императорского университета. Из его казанских научных связей следует отметить профессора сравнительного языкознания Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, вокруг которого группировался кружок лингвистов. Участие в его заседаниях способствовало укреплению общелингвистических теоретических знаний В.В. Радлова.

Среди работ, относящихся казанскому периоду, выделяются труды ученого, касающиеся обучения русскому языку татар. В 1873 году выходит в свет «Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России. Часть 1. Этимология», которая стала «первым опытом подобного учебника по русскому языку для татар» [Л.З.Шакирова 2002: 5].

Появлению этой грамматики предшествовало обращение преподавателей русского языка к В.В.Радлову с просьбой составить им грамматику для слушателей (шакирдов) медресе.

Как педагог, который более 10 лет преподавал языки, В.В.Радлов хорошо понимал и знал, что грамматика чужого языка должна быть составлена иначе, чем грамматика языка родного. В предисловии к своей грамматике ученый писал: «Составленная мною Грамматика русского языка имеет целью быть учебником для татар восточной России вообще и в особенности для шакирдов мусульманских медресе....Так как эта грамматика составлена для учеников, для которых русский язык чужой, то во многих пунктах я должен был отступить от грамматики, изданной для русского юношества» [Радлов 1873:3]. При составлении грамматики ученый опирался на принцип учета особенностей родного

языка учащихся, так как русский и татарский языки относятся к разным группам языков: первый к флективной, а второй к агглютинативной группе. В.В.Радлов в работе «Еще несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ» по этому поводу отметил: «При составлении учебной грамматики я должен был главным образом обращать внимание на умственное развитие учеников, для которых назначен был учебник. Ученики медресе, хорошо знали арабскую грамматику, плохо знали русский язык и родной язык знали практически. Знания арабской грамматики могут помочь ученику при изучении русской грамматики только для понимания грамматических категорий и для синтаксических объяснений, но что приобретенные таким путем познания не в состоянии облегчить понимание фонетического строя и флексий изменяемых частей речи русского языка. Родной же язык есть язык агглютинативный, и еще дальше стоящий от фонетики и флексии русского языка, чем арабский». [Радлов 1874: 6]

При написании грамматики В.В.Радлов пользовался грамматиками М.В.Ломоносова, А.Х.Востокова, Н.И.Греча и др. Однако раздел «Глагол» ученый разработал самостоятельно, с учетом специфики русского и татарского языков.

Для удобства понимания русских терминов шакирдами ученый в своей грамматике давал перевод на арабский и татарский языки.

Грамматика В.В.Радлова состоит из двух глав. В первой главе изложен материал о фонетическом строе русского языка. Автор дал подробные сведения о звуках и буквах, слогах, особенностях гласных, согласных и полугласных звуков, о двойной роли е, е, ю, я. Обращено внимание на трудные для произношения звуки, на стечение согласных в начале, середине и конце слова. Рассмотрены и особенности чередования согласных в русском языке: снег – снежок, бродить – брожение, образ – воображать и др.

Вторая глава под названием «Этимология. О частях речи вообще» посвящена частям речи. В.В.Радлов рассмотрел 9 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, глагол, наречие, предлог, союз, междометие. Учитывая специфику русского языка, ученый довольно подробно изложил материал о склонении именных частей речи, показал специфику склонения существительных и прилагательных. При этом парадигмы флексий русского языка автор сопровождал кратким объяснительным текстом на татарском языке, из которого шакирды могли бы познакомиться с грамматическими правилами.

Особого внимания заслуживает раздел, посвященный глаголу,

причастию и деепричастию. Данный раздел разработан ученым с особой тщательностью, с учетом трудностей при усвоении русского глагола учащимися-татарами. Почти все категории глагола изложены обстоятельно, проиллюстрированы множеством примеров. Особое внимание обращено на категорию вида. Сведения о видах В.В.Радлов дает в тесной взаимосвязи с категорией времени. Учение о видах ученый поместил после рассмотрения вопросов образования форм настоящего времени, так как, по мнению В.В.Радлова, без объяснения совершенного и несовершенного видов невозможно образовать будущее время, что позволяет предупредить смешение форм будущего совершенного вида с формами настоящего несовершенного вида. Как уже было отмечено, весь материал в «Грамматике» дается на русском и татарском языках, что позволило автору показать различия между русскими формами настоящего и будущего времени. Как отмечает ведущий лингвист в области преподавания русского языка как неродного Л.З.Шакирова, «раздел, посвященный видовременным формам русского глагола, как и содержание всего учебника, свидетельствует о том, что В.В. Радлов намечал иные, чем в русской школе, методические приемы обучения татар русскому языку» [Шакирова 2007: 87]

В 1874 году была опубликована «Первая книга для чтения» В.В. Радлова, которая разработана также с учетом специфики русского языка и трудностями его усвоения учащимися-татарами. В данном учебном пособии ученый предложил обширный дидактический материал для отработки произношения русских звуков в составе слова, словосочетания, предложения и текста. Тексты для чтения тематически сгруппированы: школьная жизнь «Школа», «Классная мебель», «Учебные вещи»; город и деревня «Каменщик и плотник», «Булочник», «Кузнец» и др. Используются отрывки из произведений А.С.Пушкина, Ф.Ф.Тютчева, Н.А.Некрасова, И.А.Крылова, Л.Н.Толстого и других поэтов и писателей.

Таким образом, следует отметить, что в разработке методических проблем преподавания русского языка как неродного В.В.Радлов исходил из специфических особенностей русского и родного языка обучающихся, что позволяет говорить о том, что он является одним из создателей качественно новой методики, получившей в дальнейшем закономерное развитие.

Литература

1. Радлов В.В. Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России. Часть 1. Этимология. – Казань: В универ. Типографии, 1873. – 114 с.
2. Радлов В.В. Еще несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ. – Казань: В универ. Типографии, 1874. – 22 с.
3. Радлов В.В. Первая книга для чтения. – Казань: В универ. Типографии, 1874. – 156 с.
4. Шакирова Л.З. Обучение русскому языку в татарской школе: теория и практика. – Казань: Магариф, 2002. – 191 с.
5. Шакирова Л.З. Русский глагол: теория и практика. – Казань: Магариф, 2007. – 160 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В РЕЧИ ТАТАР, ПРОЖИВАЮЩИХ В КНР

Юсупова А.Ш

Казанский (Приволжский) федеральный университет

alyusupova@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 11-04-00074а

По свидетельству тюркских письменных и материальных источников VIII века, а китайских, более чем на тысячу лет раньше, тюркоязычные народы были преимущественно кочевыми скотоводами, земледелие у них играло вспомогательную роль. По описаниям китайцев, хюнну (хунну, сюнну), в которых часть исследователей видит предков тюрков, разводили пять видов скота: мелкий рогатый скот – коз и овец, крупный рогатый скот, лошадей и верблюдов.

Одомашнивание мясо-молочных животных происходило с начала неолита (VIII тыс. до н.э.), когда человек переходил от присваивающих форм хозяйствования (собирательство, охота) к элементарному производству продуктов, именно в этот период появились зачатки земледелия, животноводства, возникли ремёсла. К числу первых одомашненных животных принадлежали козы и овцы, а также крупный рогатый скот, затем были приручены лошади и верблюды [СИГТЯ, 2001, с. 425– 426]. Одновременно тюрки начали использовать в хозяйстве птиц.

Лексика данной тематической группы довольно тщательно изучалась в тюркском языкознании. У названий домашних и некоторых диких животных как особого раздела лексики также есть свои специфические особенности. Слова, связанные с хозяйственной жизнью, для тюркских народов являлись основными. Однако, будучи терминами, они почти не имели внутреннего развития значений и мало подвергались фонетическим изменениям. Эти слова убедительно свидетельствуют о связи лексики с трудовой деятельностью тюркских народов. Большое значение тех или иных домашних животных в хозяйственной жизни тюрков определило обширное развитие терминологии, связанной с обозначением возраста, пола и породы животных. Для тех же домашних животных, которые не имели хозяйственного значения, эта терминология, напротив, отсутствует.

Поскольку животные имели огромное значение в жизни татарского

населения, эта тематика в лексике татарского языка представлена очень широко.

Данная группа состоит из двух частей: «Домашние животные» и «Дикие животные». Прежде всего, остановимся на названиях домашних животных. В речи татар, проживающих в Китае, активно функционируют следующие названия животных: **ат** - лошадь, **тәкә** - баран, **кой** - овца, **әркәк музай** - бычок, **төгә** - верблюд, **бота** - верблюжонок, **өкүз** - вол, **улак** - козленок, **тайчак** - жеребенок, **айгыр** - жеребец, **эт** - собака, **мушук** - кошка, **тушнан** - кролик, **ишяк** - осел, **чиш ишяк** - ослица, **чошка** - свинья, **куза** - ягненок.

К.М.Мусаев отмечает, что в названиях овец отдельную, особую зону образуют поволжские тюркские языки, в которых приведенное выше общетюркское слово **күй** в современном языке вытесняется другим словом: тат. **сарык**, башк. **һарык**, чув. **сурах**. В первых двух языках как синоним существует и общетюркское название, с тем только различием, что оно несколько сузило свое значение и обозначает курдючную овцу, а не овцу вообще, это, в свою очередь, свидетельствует, по-видимому, о том, что первоначально тюрки разводили курдючных овец [Мусаев, 1984, с.25].

В некоторых западно-кыпчакских языках параллельно со словом **дуңгыз** употребляется иное название - **чучка**. Это характерно и для татарского языка. В речи татар проживающих в Китае этот факт также нашел своё отражение: **чошка**. Слово **дуңгыз** характерно для мишарского диалекта и большинства говоров среднего диалекта. В западно-кыпчакских и юго-западных тюркских языках эта лексема также является основным названием свиньи. Слово **чучка** в татарском языке употребляется в разговорной речи. Оно характерно для мамадышского говора Заказанья, говоров пермских и златоустовских татар. Считается, что наиболее древним из двух названий является **дуңгыз**, которое в древних памятниках употреблялось прежде всего для обозначения дикой свиньи - кабана [Садыкова, 1994, с.34-35].

К древнетюркскому слову **оглак** восходит слово **улак**, которое активно употребляется в значении «козлёнок». Известно, что многие этимологи возводят эту общетюркскую лексему к тюркскому огул-угыл «сын» [Рахимова, 2001, с.66]. Слово зафиксировано в словаре М.Кашгари и в «Кодексе Куманикус». Употребляется также в значении «козлёнок, родившийся весной» в говорах среднего диалекта татарского языка [Кузьмина, 2001, с.153].

Слова **төгә** - верблюд в современном татарском языке употребляются в форме *дөя*. *Тәвә*, *тәвә*, *дәвә* являются диалектными

вариантами. Наличие фонетических вариантов, по мнению А.М.Щербака, объясняется «региональным процессом лабилизации широкого гласного под влиянием последующего губного согласного звука» [Щербак, 1961, с. 106].

Название **буга** – верблюжонок в форме *боту*, *ботук* отмечено у М.Кашгари [Щербак, 1961, с.106]. В монгольском языке данное слово сохранилось в составе сложного антропонима Ботагюз / Ботакуз (верблюжий глаз) [материалы автора].

В речи татар, проживающих в Китае богато представлена тематическая подгруппа «**Дикие животные**»: **каплан**- барс, **су үкүзе** – буйвол **бурсык** – барсук, **тиен** – белка, **кундуз** – бобр, **бурэ** – волк, **керпэ** – ёж, **ява чошка** – кабан, **юлвас** – тигр, **йылпыз**, **арслан** – лев, **иек** – медведь, **пел** – слон, **түлкэ** – лиса, **ак кияк** – дикая коза, **каплан** –каплан, **кәркидан** – единорог, **эркэк** – самец, **ургачы** – самка, **буга** – олень, **йомран** – суслик, и т.д.

Тюркское название льва имеет два варианта: с корневым -р (сюда же относится монгольское **арслан** – лев) и без него. С.Сыдыков считает, что если принять за исходную форму древнетюркское *ар/ер* – «рыжий, бурый, красноватый» + *-сыл/-сил* и *ан* «зверь», то существует и другой вариант этимологизации: арсылан < *ар-сыл* «дикий; свирепый, лютый» + *ан* «зверь». Можно также предположить, что слово *арстан* восходит к слову *арс+ыл* «рычать»; *ар+сай* «оскалить зубы, торчать остриём» [Сыдыков, 1983, с. 49].

В исследуемой речи словарях встречаются и разные фонетические варианты названий животных: **пел** – слон,

Лексема **каплан** представлена в древне- и среднетюркских письменных памятниках без фонетических модификаций: **каплан** – тигр [ДТС, с.421]. В памятниках чагатайского языка это слово встречается в значении «леопард, пантера» [Кадирова, 2001, с.36]. В значении «тигр» слово *каплан* распространено в ряде современных тюркских языков.

Как отмечает В.Х.Хаков, многие из этих названий зафиксированы в древнетюркских письменных памятниках, например, в «Кодексе Куманикус». Слова **толке**, **бори**, **барс**, **куйан**, **тиен** отмечены и в турецко-арабском словаре 1245 года [Хаков, 1972, с.37-38]. Несмотря на древность этих слов, они дошли до наших дней. Однако существует и некоторые исключения. Слово **су үгезе** – буйвол не являются активно употребительными в современном татарском языке, но оно зафиксировано в двуязычном словаре М.Юнусова (1900). В речи наших соотечественников, проживающих в Китае, данное слово активно функционирует. В современных русско-татарских словарях **буйвол** не

переводится на татарский язык [РТС, 1985, с.49].

В говорах мишарского диалекта в значении **йомран** «суслик» активно функционирует слово *шомран / шыман* [ТТДС, 1969, б.517-518]. В селе Старое Шаймурзино Дрожжановского района РТ существует прозвище **Шымрук**, которое образовано от корня *шомран* с помощью аффикса -ук [материалы автора]

В речи татар, проживающих в Китае четко выделяют особь животных. Например, **эркэк арыслан** - лвица, **ургачи арыслан**, **чиш музай** - телка, **эркэк мушук** - кот и т.д. Слова **ата** и **ана** в определении особи животных не употребляются.

В этой тематической группе особых различий между литературным языком и речью диаспоры не наблюдается, что подчёркивает стабильность использования татарами слов данной группы на протяжении достаточно длительного периода.

Татары, живущие в Китае, не потеряли свою исконную вышеприведенную лексику и до сих пор активно употребляют ее в своей речи. Сохранению некоторых из них в активном употреблении способствовал и тот факт, что они имеются в родственном уйгурском языке.

В заключение отметим, что большинство рассмотренных слов относятся к тюркской лексике. Они встречаются во всех современных и древних тюркских языках. Термины животноводства и птицеводства составляют древний пласт в лексике тюркских народов.

Литература

1. Древнетюркский словарь - Л.:Наука, 1996. - 676 с.
2. Кадилова Э.Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа - и мардан» и «Нур - и содур»: Лексика. / Э.Х.Кадилова. - Казань: Фикер, 2001. - 232 с.
3. Кузьмина Х.Х. Лексика поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали / Х.Х.Кузьмина. - Казань: ДАС, 2001. - 104 с.
4. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков / К.М.Мусаев. - М.: Наука, 1984. - 226 с.
5. Русско-татарский словарь. - М.: Русский язык, 1985. - 733 с.
6. Садыкова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка / З. Р. Садыкова. - Казань: ИЯЛИ, 1994. - 128 с.
7. Сравнительно - историческая грамматика тюркских языков. Лексика. - М.: Наука, 2001. - 822 с.
8. Татар теленен диалектологик сүзлеге. - Казан: тат. кит. нәшр., 1969. - 643 б.
9. Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленен барлыкка килүе һәм үсеше / В.

Х. Хаков. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1972. – 224 б.

10. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках / А.М.Щербак // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С.80-167.

**УРТА ГАСЫР ТАТАР СУФИЧЫЛЫК ШИГЪРИЯТЕНДә КАМИЛ
ИНСАН КОНЦЕПЦИЯСЕ**

Юсупова Н. М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Nurfija.Jusupova@ksu.ru

***Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант
№ 12-14-16005а***

Урта гасыр татар шигърияте ислам фәлсәфәсенә нигезләнеп үсә-үзгәрә. Ислам дине белән татар мәдәниятенә, әдәбиятына мөселман дөнъясыннан шәрәк әдәби традицияләре, көнчыгыш ижтимагый-фәлсәфи фикерендә киң таралган суфичылык тәгълиматы да үтәп керә. Галимнәр фәлсәфи агым төсен алган суфичылыкның XI гасыр башына төп теориясе, терминнары эшләнеп житүен күрсәтә [5, 30]. Шулар арасынан суфичылык тәгълиматының үзәгендә ятканы – Камил инсан концепциясе – шәрәк әдәби фикерендәгә вәхдәт әл - вөжүд системасына таянып формалаша һәм үсә.

Камил инсан – суфичылык өйрәтүләренә үзәгендә торучы кеше концепциясе, суфичылык әдәбиятындагы төп образ [3, 63]. Универсаль, камил кеше идеясенә суфичылык варианты буларак, аны гностицизмдагы Антропос, зороастризмдагы Гейомарт, Һинд дини-фәлсәфи өйрәтүләрендәгә Пуруша, борынгы кытай мәдәниятендәгә Жэнь белән бер югарылыкта тора дип әйтергә була.

Камил инсан (әл-инсан әл-камил) өйрәтүе суфи әдәбиятта XI гасырда кулланылышка керә. Бу термин суфичылык фәлсәфәсенә нигезләрен эшләүче галим Мөхйи-д-дин Ибн Гарәби (1165-1240) тарафыннан тәкъдим ителә һәм аның үз фәлсәфәсе, төп сыйфатлары, образлы фикерләү рәвешә формалаша. Камил инсан Аллаһның кешедәгә иң төгәл, дәрәс чагылышы буларак карала, анда Хакның исеме, фигыльләре, сыйфатлары чагылыш таба. Аллаһ бөеклегенә күтәрелеп, аның белән тинләшкән камил кеше югары күренеш (возвышенное) буларак аңлана.

Ибн Гарәби тарафыннан Камил инсан өйрәтүе өч – онтологик, космологик һәм гностик ясылыкларда аңлатыла. Онтологик аспектта ул дөнъяның үзәгә, бөтен барлыкны берләштереп, жыеп торучы вазифасын беркетә, космологик баскычта Аллаһның, ягъни «галәм-и әкбәр»нең (макрокосм) сыйфатларын үзәндә булдыра алганы өчен «галәм-и әсгарь» (микрокосм) буларак кабул ителә [4, 176-177], гностик

яссылыкта исә абсолют камиллек үрнәге буларак Адәмнән Мөхәммәткә кадәрге пәйгамбәрләр күтәрелә, соңгысына аеруча игътибар бирелә, ул "илаһи чагылыш" буларак күзаллана [1, 56]. Пәйгамбәрлекне шәрык фикер иясе абсолют түгәрәк рәвешендә күзаллый һәм Мөхәммәд пәйгамбәрне үзәк нокта итеп, калган пәйгамбәрләрнең түгәрәкне хасил итүче кырый нокталар булуын, аның тирәсендә "әйләнүен" аңлата.

Мөхәммәд галәйһиссәлам суфиляр өчен идеал - камил инсан булып тора, алар пәйгамбәр кебек үк, Аллаһының рухы һәм сыйфатлары белән сугарылган камил шәхес булырга хыялланалар, Хак белән кушылып, шул югарылыкка омтылалар. Шуңа мөнәсәбәттә суфиляр арасында ул Хак белән ике арадагы "арадашчы" буларак кабул ителә. Аның сабырлык, юмартлык, тыйнаклык, гаделлек, акыллылык, изгелек, игелеклелек, хатасын таныган яманнарны гафу итү, белемгә омтылу кебек гуманистик, мәғрифәтчел сыйфатларны берләштергән әхлакый бөтенлеге, рухи дөнъясы, тормышы, яшәү-көнкүреш рәвеше абсолютлыкка омтылуда төп нигез булып тора, Акылына дан җырлана. Камил инсанга мөнәсәбәтле төп оппозиция - макрокосм һәм микрокосм каршылыгы пәйда була [3, 62-63].

Көнчыгышның бөек фикер ияләре Ибн-Фәраби, Ибн-Рәшди, Ибн-Сина трактатларында суфичылык фәлсәфәсендә кешелек жәмгыятенә берлеге, идеаль жәмгыять мәсьәләсе дә әһәмиятле урын тотуы билгеләнә. Ә моңа ирешүнең төп чарасы итеп, мәғрифәтлелек, белемлелек, әхлакый бөтенлек күрсәтелә, дин әһеленең эчке дөнъясы, әхлагы жәмгыятьнең ижтимагый мөнәсәбәтләре белән аерылгысыз бәйләнә. Бу яссылыкта камил инсанның вазифасы камиллеге, эчке бөтенлеге белән бөтен кешелекне үзә артыннан ияртә алу мөмкинлегенә кайтып кала. Мөселман дөнъясын туплаучы, берләштерүче Мөхәммәт образы аша камил инсан кешелек жәмгыятен җыйнап торучы үрнәк бер үзәк төсендә күзаллана.

Классик көнчыгыш поэзиясендә аңа багышлап, махсус шигырьләр - Нәгъти-шәрифләр дә иҗат ителә. Гарәп әдәбиятында хәзрәти Хәсәннең, Кәгъб Ибн-ү Зөхәйрнең, фарсы әдәбитында Сәгъдинең, Урфиниң, Җәләлетдин Румыйның, Фөзулинең, төрки әдәбиятта Нәбиннең, Шәйх Галибнең, Госман Шәмснең нәгытьләре билгеле. Аларда камил инсан ике җиһан кояшы, Нәби, ике җиһан солтаны, Җан, Гөл һ.б. исемнәр, чагыштырулар, эпитетлар ярдәмендә сурәтләнә.

Камил инсан өйрәтүе Урта гасырларда татар әдәбиятына да үтәп керә. Татар мәдәниятендә классик ислам дине һәм фәлсәфәсе формалаша, шуңа бәйле төстә камил инсан теориясе дә әдәбиятта үз асыл башлангычыннан, дини-суфичыл нигезеннән шактый аерылган,

ераклашкан халәттә урын ала [2, 69]. Ул илнең эчке рухи һәм сәяси ихтияжларына җавап бирә: болгар әдипләрен кешелекне берләштерү, җыйнау, туплау кебек шул чор чынбарлыгына аваздаш иҗтимагый вазифасы белән җәлеп итә. Болгар-татар жирлегендәге әдипләр, идеаль жәмгыять шартларында үзара гармоник мөнәсәбәтләргә ирешү юлларын эзләп, аның төп чыганагын ил белән акыллы, белемле, гадел хөкемдар идарә итүдә күрәләр. Һәм камил инсан югарылыгына гадел хөкемдар образы күтәрелә. Татар әдәбиятында халыкны туплау, аңа хезмәт итү, аның алдындагы бурыч хисе төп иҗтимагый таләпләр итеп куелса, имин табигатлелек, изге күнеллелек, сабырлык, тугрылык, белем, диндарлык, ягъни Коръәндә, дини-суфичыл әдәбиятта макталган әхлакый сыйфатларга ия булу камил инсанның рухи ягын билгели. Мәсәлән, шул дәвернең фәлсәфи-эстетик фикерен, үзенең дөньяга карашын, идеаль жәмгыять, иҗтимагый гаделлек турындагы уйлануларын чагылдырган "Кыйссаи Йосыф" поэмасында Кол Гали Камил инсан үрнәгендә дини идеал тәкъдим итә. Сыйфатны сан аша биерү, артык күпертү кебек мифологик фикерләүгә хас аерым сыйфатларны исәпкә алмаганда, Йосыф образы Камил инсан өйрәтүенең интерпретациясе төсен ала, шуңа да әдипнең икенче пәйгамбәр - Йосыф образына мөрәҗғәгать итүе очраклы күренеш түгел. Йосыф идеалында Мөхәммәткә хас барлык әхлакый һәм иҗтимагый сыйфатларны күрә алабыз.

XVI-XVIII йөз шагыйрьләре М.Колый, Мөхәммәдъяр, Г.Утыз Имәни, Т.Ялчыгол иҗатларында да идеал итеп камил инсан куела, Мөхәммәт пәйгамбәргә дан җырлана, кешенең әхлагын савыктыру, шул юл белән жәмгыятьне камилләштерү күздә тотыла. Мәсәлән, Мәүлә Колый иҗатында суфи - камил кеше (Аль-инсан аль-камил) янәшәлеге үткәрелә. Тәрикат юлына баскан суфи камил инсан кебек кабул ителә. Шигырьләрдә гәүдәләнеш алган суфи шул камил кеше рәвешендә бирелә, ул - гөнаһлардан ерак торучы, ярата белүче, хезмәт сөюче ("...Гыйшклык базарында сәүдәсе юк", "Адәм кылып туфрақдин яратты Хак", "Йаратканның рәхмәте чук...", "Йумартлык бу күңелне рушан кыйлыр" һ.б.). Шул рәвешле, Камил инсан үрнәге XVIII гасыр ахырына кадәр, фәлсәфи яңарышлар булмау сәбәпле, статик халәттә, үзгәрешсез диярлек кала, зур сикереш күзәтелми. Урта гасыр татар әдипләрен Коръәндә югары күтәрелгән, дини-суфичыл Камил инсан өйрәтүенең үзәгендә торган әхлакый бөтенлеккә ия шәхес, гадел хөкемдар сурәтендәге пәйгамбәр берләштерә.

XIX йөздә татар әдәбиятында дөньяви юнәлеш күтәрелеш алганнан соң, камил инсан өйрәтүе дә дөньяви эчтәлек белән баетыла, ягъни камил кеше буларак татарның үз жирлегендә яшәгән шәхесләр, гади

жир кешесе күтәрелә. Шундый шәхесләр булып Ш.Мәржани, ә ХХ йөз башында Г.Тукай тора. Мәсәлән, С.Сүнчәләйнең "Азан", "Шагыйрьгә", Н.Габидовның "Нигә бу шәмнәр сүнә", С.Сүнчәләйнең "Иңеш", К.Курмашевның "Әдәбият былбылы олугъ шагыйремез Габдулла Тукаевка", Ж.Юмаевның "Шагыйрь үлдә", Г.Сөнгәтинәң "Милләтебезнең сандугачы китте" кебек шигырьләрендә шагыйрь камил инсан югарылыгындагы шәхес буларак бәяләнә.

Литература

1. Брагинский И. К итогам дискуссии о периодизации истории литератур Востока // Народы Азии и Африки. - 1965. - №3. - С.55-72.
2. Гумеров И. Идеино-эстетические особенности творчества Гали Чокрия: дис... канд филол.наук. - Казань, 2002. - 275 с.
3. Ибрагим Т. Суфийская концепция «совершенного человека» // Человек как философская проблема: Восток - Запад. - М., 1991. - С. 62- 75.
4. Сибгатуллина ә. Суфичылык серләре: төрки-татар шигъриятендә дини-суфыйчыл символлар, образлар атамалар. - Казан: Заман, 1998. - 367 б.
5. Сибгатуллина Ә. Татар әдәбиятында суфичылык (чыганақлар, тематика һәм жанр үзенчәлекләре): Филол. фәнн. канд. ...дисс. - Алабуга, 2000. - 380 б.

Айгерим Альжанова КАЗАХСКАЯ ТЕМАТИКА В РАБОТЕ В.В. РАДЛОВА	4
Асадов З. В. К ПРОБЛЕМЕ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ	7
ЭТНОЭЙДЕМОВ В ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (НА МАТЕРИАЛЕ КНЯЖЕСКИХ УСТАВОВ XI-XVI ВВ.)	
Байрамова Л.К. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ В.В. РАДЛОВА, И.А. БОДУЭНА ДЕ	12
КУРТЕНЭ И Н.В. КРУШЕВСКОГО	
Байтасов Р.Р. АРИИ И ТЮРКИ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	17
Бахтиев Р.Ф. ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ КАК ПРОВОДНИКИ ИСЛАМА СРЕДИ	30
НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ, ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	
Бердибай А. Р. РИТМИКА СТИХОТВОРНОЙ И ЗВУКОВЫСОТНОЙ СИСТЕМ	33
В ТЮРКСКИХ ОБРЯДОВЫХ ПЕСНЯХ С РАЗМЕРОМ «ЖЫР» (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)	
Бобров Л. А. ПОКРОЙ КАЗАХСКИХ КОЛЬЧАТЫХ ПАНЦИРЕЙ XVII-XIX ВВ.	43
Валеев Р. М. ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ: ПИСЬМА Н.Ф.	50
КАТАНОВА В. В. РАДЛОВУ (КОНЕЦ XIX - НАЧ. XX ВВ.)	
Викторин В. М. К ТРАДИЦИЯМ И ЗАДАЧАМ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО	54
ИЗУЧЕНИЯ ТЮРОК ПОВОЛЖЬЯ	
Галимьянова В.Р. ТЮРКСКИЙ КОМПОНЕНТ	56
СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИК ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)	
Гильфанова А.Р. О ФОНЕТИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ ИНТЕРЪЕКЦИОННЫХ	59
ЕДИНИЦ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ.	
Закиев М.З. ТАТАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК - РЕЗУЛЬТАТ	63
КОНСОЛИДАЦИИ БУЛГАРСКОГО И КАЗАНСКОГО ДИАЛЕКТОВ	
Закирова Л.Н. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ В.В. РАДЛОВА, ИЗДАННЫЕ В	69
КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД (1871-1884)	
Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф. В.В. РАДЛОВ - ЛИНГВОМЕТОДИСТ	75
Исхаков Р.Л. ПАССИОНАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ТЮРКСКОЙ	78
ПЕЧАТИ	
Исхакова А.Р. МНОГОТОМНЫЙ ТРУД В.В.РАДЛОВА "ОПЫТ СЛОВАРЯ	86
ТЮРКСКИХ НАРЕЧИЙ"	
Кадирова Э.Х. ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ АРАБСКО -	89
ТЮРКО-ТАТАРСКОГО СЛОВАРЯ XVI ВЕКА	
Кириллова З. Н. ТӨНЬЯК-КӨНЧЫГЫШ ТӨРКИ ТЕЛЛӘРДӘ ИЯРТҮЧЕ	93
ТЕРКӘГЕЧЛЕ БӘЙЛӘНЭШ	
Кольчикова Н.Л. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХАКАССКОГО	97

ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Краюшкина Т.В. ФОЛЬКЛОРНЫЙ СЮЖЕТ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ	101
ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ «ВОДЯНАЯ» («ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕНЬ»)	
ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ И БАШКИРСКАЯ СКАЗКА ПРИМОРЬЯ О СУАНЕ	
Кузьмина Х.Х. ТЮРКСКАЯ СИНОНИМИЯ В ПОЭМЕ КУЛ ГАЛИ	108
Кункова В. И. ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	114
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА	
Левин Г. Г. РУНИЧЕСКИЕ И РУНОПОДОБНЫЕ НАДПИСИ ЯКУТИИ	122
Мазай Л.Ю. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХАКАССКИХ НАРОДНЫХ	127
МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ	
Миннуллин Б.К. ТАТАРСКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ТЕКСТ НАЧАЛА XX ВЕКА	134
Мирхаев Р. Ф. О ФОРМЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ОГУЗСКО-ТУРЕЦКОГО	137
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XIX -	
НАЧАЛА XX ВЕКОВ	
Нуриева Ф.Ш. ФОНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ	142
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ЦИКЛА (НА ПРИМЕРЕ ГРАФИЧЕСКОГО	
СООТВЕТСТВИЯ АЛИФ И АЛИФ ЙАЙ)	
Передня А. Д. ВАРИАНТЫ ГРАФИЧЕСКОГО НАЧЕРТАНИЯ НЕКОТОРЫХ	147
ПАДЕЖНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ	
КАК КЛЮЧ К ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕКСТА.	
Сабиров Р.Р. Ы.ТАКТАШ һәм КОРЪән (“ЖИР УЛЛАРЫ ТРАГЕДИЯСЕ”	149
МИСАЛЫНДА)	
Сайфулина Ф.С. ДАНЬ ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО (К 175-ЛЕТИЮ	151
В.В.РАДЛОВА)	
Селендиди Л. С. ПРИМЕНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ	155
КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СОЗДАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ	
СРЕДСТВ ЯЗЫКОВОЙ ОБРАБОТКИ	
Субракова В.В. В.В. РАДЛОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА	162
Тажиева Л.К. ЗАКИР КАДЫЙРИНЫң ТОРМЫШЫ һәм ИжаДИ	166
ЭШЧәнЛЕГЕ	
Уртегешев Н. С. ШОРСКИЙ ЯЗЫК: СПЕЦИФИКА КОНСОНАНТИЗМА	172
Ушницкий В.В. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ АЛТАЙСКОГО НАРОДА	176
Фомин Э. В. ЧУВАШСКИЕ АГНОНИМЫ ТАТАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	179
Хабибуллин М.З. ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО	185
ПОВОЛЖЬЯ В КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В 1842-1920 ГГ.*	
Хайрутдинова Г.А. К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ	191
МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И	
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	

Хуснуллина И.И. ОБЩЕСТВО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ И	196
И.А. ИЗНОСКОВ	
Черепенникова М. С. ПЕРСИДСКИЕ И ТЮРКСКИЕ МОТИВЫ В	199
ТРАДИЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И В	
Шәкүрова М.М. ХАЛЫК ЖЫРЫ КүңЕЛГә ХУШ КИЛЕРГә ТИЕШ	203
Шарифуллина А. Г. СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ	206
«ЗЛИТЬСЯ», «НЕНАВИДЕТЬ».	
Шахметова Н. А. ВОЕННЫЕ ДОСПЕХИ КАЗАХОВ И ИХ	208
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ	
ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОСОВ)	
Юсупов Ф.Ю. В.В. РАДЛОВ - ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАЗАНСКОЙ	214
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ	
Юсупов А.Ф. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СОЮЗОВ В ЯЗЫКЕ	218
ТАТАРСКИХ СУФИЙСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	
Юсупова З.Ф. ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В.В.РАДЛОВА В	223
ОБЛАСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ	
Юсупова А.Ш. ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В РЕЧИ	227
ТАТАР, ПРОЖИВАЮЩИХ В КНР	
Юсупова Н. М. УРТА ГАСЫР ТАТАР СУФИЧЫЛЫК ШИГЪРИЯТЕНДә	232
КАМИЛ ИНСАН КОНЦЕПЦИЯСЕ	
